

РЭУ.РФ

РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.В. ПЛЕХАНОВА

Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова

Научный журнал

**ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ОБЩЕСТВО**

**ECONOMICS
LAW
SOCIETY**

Scientific Journal

Том 8, № 2 (34), 2023

ЭКОНОМИКА ПРАВО ОБЩЕСТВО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Лобанов Иван Васильевич – председатель редакционной коллегии, ректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент

Курбанов Рашад Афатович – главный редактор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Алиев Назим Талат оглы – майор полиции, доктор юридических наук

Аликперов Ханлар Джафарович – директор Центра правовых исследований (Азербайджан), доктор юридических наук, профессор

Бодак Алла Николаевна – судья Конституционного Суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Брандштеттер Вольфганг – руководитель Института австрийского и европейского экономического уголовного права Венского университета экономики и бизнеса, доктор права, профессор

Валентей Сергей Дмитриевич – начальник Научно-исследовательского объединения (научный руководитель Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова), доктор экономических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор

Василькова Светлана Витальевна – декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», директор Научно-исследовательского центра (НИЦ) «Сравнительного правоведения и стратегических инициатив развития национального топливно-энергетического комплекса», кандидат юридических наук

Вельяминов Георгий Михайлович – главный научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Витязь Петр Александрович – академик Национальной академии наук Беларуси, руководитель аппарата НАН Беларуси, сопредседатель Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, доктор технических наук, профессор

Георг Става – член Европейской комиссии по совершенствованию правосудия (CEPEJ) Совета Европы

Гринберг Руслан Семенович – научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Гришина Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор

Гулиев Ибрагим Саид оглы – вице-президент Национальной академии наук Азербайджана, академик НАНА, доктор геолого-минералогических наук, профессор

Гарагурбанлы Рамин Афад оглы – член Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) Совета Европы, судья апелляционного суда Азербайджанской Республики, доктор юридических наук

Джафаров Азер Мамед оглы – заместитель министра юстиции, член Судебно-правового совета Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

ECONOMICS LAW SOCIETY

EDITORIAL BOARD

Lobanov Ivan Vasilievich – Chairman of the Editorial Board, Rector of Plekhanov Russian University of Economics, PhD of Law, Associate Professor

Kurbanov Rashad Afatovich – Chief Editor, Director of the Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Aliiev Nazim Talat ogly – Police Major General, Doctor of Law

Alikperov Khanlar Jafarovich – Director of the Center for Legal Studies (Azerbaijan), Doctor of Law, Professor

Bodak Alla Nikolaevna – Judge of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, PhD of Law, Associate Professor

Brandstetter Wolfgang – Head of the Institute for Austrian and European Economic Criminal Law at the Vienna University of Economics and Business, Doctor of Law, Professor

Valentey Sergey Dmitrievich – Head of Scientific and Research Union (Supervisor of the Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economics, Professor

Vasilevich Grigoriy Alekseevich – Head of the Constitutional Law Department of the Belorussian State University, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Law, Professor

Vasilkova Svetlana Vital'evna – the Dean of the Faculty of Law of Saint Petersburg State Budget Educational Institution of Higher Education "Saint-Petersburg State Economic University, Director of the Research Center (SIC) «Comparative Law and Strategic Initiatives for the Development of the National Fuel and Energy Complex», PhD in Law

Velyaminov Georgiy Mikhailovich – Chief Researcher of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Vityaz Petr Aleksandrovich – Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of Academy Staff Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Co-chairman of the Inter-Academic Council on Development of the Union State, Doctor of Technical Sciences, Professor

Georg Stawa – Member of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe

Grinberg Ruslan Semenovich – Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Grishina Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor

Guliev Ibragim Said ogly – Vice-President of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Member of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor

Garagurbanly Ramin Afad ogly – Member of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe, Judge of the Court of Appeal of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Law

Jafarov Azer Mammad ogly – Deputy Minister of Justice, Member of the Judicial-Legal Council of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Довнар Таисия Ивановна – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Егоров Алексей Владимирович – заместитель председателя Постоянной комиссии по законодательству Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, ректор Белорусского государственного экономического университета, доктор юридических наук, доцент

Ершова Инна Владимировна – первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Жаворонкова Наталья Григорьевна – доктор юридических наук, профессор

Зинчук Галина Михайловна – и. о. директора Высшей школы права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент

Зубарев Сергей Михайлович – заведующий кафедрой административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Зырянов Сергей Михайлович – ведущий научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Иванов Вилен Николаевич – советник РАН, вице-президент Российской Академии социальных наук, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

Капустин Анатолий Яковлевич – научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Клеандров Михаил Иванович – судья Конституционного суда Российской Федерации в отставке, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

Кнежевич Златко – судья Конституционного суда Боснии и Герцеговины

Крюкова Нина Ивановна – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич – главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Мазур Иван Иванович – председатель правления АО «РАО Роснефтегазстрой», доктор технических наук, профессор

Манке Карстен – руководитель группы в Немецкой корпорации международного сотрудничества (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Минашкин Виталий Григорьевич – проректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Мирмохаммади Мостафа – руководитель группы международного права и прав человека Университета Мофид (Иран), доктор юридических наук, профессор

Мустафазаде Айтен Инглаб кызы – доктор юридических наук, профессор

Плигин Владимир Николаевич – председатель Ассоциации юристов России, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона, иностранный член Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Сафи Исмаил – член Совета по безопасности и внешней политике при Президенте Турецкой Республики, директор Института безопасности и обороны Университета Истине, доктор политических наук

Dovnar Taisiya Ivanovna - Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor

Egorov Aleksey Vladimirovich – Deputy Chairman of the Standing Committee on Legislation of the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Rector of the Belarusian State University of Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Ershova Inna Vladimirovna – Vice-rector, Head of the Department of Entrepreneurial and Corporations Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zhavoronkova Natalya Grigorievna – Doctor of Law, Professor

Zinchuk Galina Mikhailovna – Acting Director of the Higher School of Law of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

Zubarev Sergey Mikhailovich – Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zyryanov Sergey Mikhailovich – Leading Researcher of the Department of Administrative Law and Process of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Ivanov Vilen Nikolayevich – Counselor of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the Russian Academy of Social Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Kapustin Anatoly Yakovlevich – Science Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Kleandrov Mikhail Ivanovich – Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation Emeritus, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Knežević Zlatko – Judge of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina

Kryukova Nina Ivanovna – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Lisitsin-Svetlanov Andrey Gennadievich – Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the RAS, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Mazur Ivan Ivanovich – Chairman of the Board of JSC «RAO Rosneftegazstroy», Doctor of Engineering Science, Professor

Mahnke Carsten – Head of the Group in the German Corporation of International Cooperation (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Minashkin Vitaly Grigorievich – Vice-Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Mirmohammadi Mostafa – Director for International Law and Human Rights Group, Mofid University (Iran), Doctor of Law, Professor

Mustafazade Ayten Inqilab qizi – Doctor of Law, Professor

Pligin Vladimir Nikolaevich – Chairman of the Association of Lawyers of Russia, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law

Ragimov Ilgam Mammadgasan oglu – President of the International Association of Lawyers of the Black Sea-Caspian Region Countries, Foreign member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Safi Ismail – Member of the Council on Security and Foreign Policy under the President of the Republic of Turkey, Director of the Institute of Security and Defense of the University of Istinye, Doctor of Political Science

Свечникова Наталья Викторовна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент
Фатьянов Алексей Александрович – заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор
Экимов Анисим Иванович – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор
Яблочкина Ирина Валерьевна – и. о. директора Высшей школы социально-гуманитарных наук, профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор исторических наук, профессор

Svechnikova Natalia Viktorovna – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, PhD in Law, Associate Professor
Fatyanov Alexey Alexandrovich – Head of the Department of State-legal and Criminal-legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Ekimov Anisim Ivanovich – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor
Yablochkina Irina Valerievna – Acting Director of the Higher School of Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of History and Philosophy of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Historical Sciences, Professor

Издание зарегистрировано в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-64675 от 22 января 2016 г.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему
Российского индекса научного цитирования

Подписка по каталогу Агентства «Урал-Пресс».
Подписной индекс 71162

Адрес редакции:
117997, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru
www.rea.ru
Главный редактор **Р. А. Курбанов**
Заместители главного редактора: **А. М. Белялова,**
К. И. Налетов, Н. В. Свечникова
Ответственный секретарь **М. О. Румянцева**
Редактор **Н. В. Пятосина**
Оформление обложки **Ю. С. Жигалова**
Подписано в печать 15.06.2023. Формат 60 x 84 1/8.
Печ. л. 18,5. Усл. печ. л. 17,21. Уч.-изд. л. 17,32.
Тираж 500 экз. Заказ
Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».
117997, Москва, Стремянный пер., 36.

The journal is registered in Federal Service for communication,
informational technologies and media control:
PI N FS77-64675 dated 22 January 2016

Founder
Plekhanov
Russian University of Economics
(PRUE)

The journal was included in the List of leading scientific journals
and publications of the Higher Attestation Board, publication
in which is mandatory for defending
PhD and Doctorate dissertations

The journal is included in the Russian index
of scientific citing

Subscription by 'Ural-Press' catalogue.
Index 71162

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow.
Tel.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru,
www.rea.ru
Chief editor **R. A. Kurbanov**
Deputy chief editors: **A. M. Belyalova, K. I. Naletov,**
N. V. Svechnikova
Executive Secretary **M. O. Rumyantseva**
Editor **N. V. Pyatosina**
Cover design **Yu. S. Zhigalova**
Signed in print 15.06.2023. Format 60 x 84 1/8.
Printed sheets 18,5. Conv. sheets 17,21. Publ. sheets 17,32.
Circulation 500. Order
Printed in Plekhanov Russian University of Economics.
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow.

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовное право и процесс

Рагимов И. М., Аликперов Х. Д.

Истоки зарождения и формирования преступной мотивации
(социологические, психологические и криминологические аспекты) 9

Шурухнов Н. Г., Шурухнова Д. Н.

Полицейский надзор как средство борьбы с тунеядством и праздностью и предупреждения преступлений: предложения межведомственной комиссии «По преобразованию полиції въ Имперіи» (1906–1911) 21

Белокурова Ю. С., Жданов С. П.

Преодоление этносоциальных барьеров сотрудником полиции в процессе осуществления профессиональной деятельности и реализации принципа беспристрастности 28

Атабеков К. К.

Субъекты реализации криминологической политики в Кыргызской Республике 35

Макеева И. В.

Роль эксперта в уголовном процессе 40

Самойлова Ж. В.

Проблемные вопросы института гражданского иска в уголовном судопроизводстве 46

Гражданское право и процесс

Гарагурбанлы Р. А., Савина В. С.

Особенности осуществления и защиты интеллектуальных прав в условиях цифровизации 51

Нардина О. В., Свечников В. А.

Анализ правового регулирования оборота цифровых активов в Великобритании 57

Белялова А. М., Денисов И. С.

Понятие эскроу-счета и основные положения его использования в договоре долевого участия 64

Румянцева М. О., Ничипорова Н. Д., Калядина О. А.

О некоторых проблемных вопросах приказного производства в арбитражном процессе 71

Спортивное право

Зульфугарзаде Т. Э., Потапова А. В.

Особенности организационно-правового регулирования и современного развития международной спортивной дипломатии 77

Кищенко Е. В.

К вопросу о проблемах формирования спортивного арбитража в России: сравнительно-правовой анализ российской практики и зарубежного опыта 87

Гришин А. А.

Гарантии, предоставляемые спортсменам при отстранении от участия в международных спортивных соревнованиях 95

Государство и право

Староверова О. В., Ахмадеев Р. Г., Агапова А. А.

Налог на доходы физических лиц как инструмент регулирования социального неравенства 102

Евменова К. М.

Частноправовые аспекты статуса российского государственного служащего 111

Петренко Д. С.

Нормативно-правовой и правоприменительный аспекты дефинирования понятия традиционных семейных ценностей 117

Дремова Е. В.

Влияние религии на формирование примирительных идей в российском праве 127

Международное право**Быканов Д. Д.**

Поддержка Швейцарией антироссийских санкций: конец швейцарского нейтралитета или его эволюция? 132

Кауракова М. В.

Свобода договора в сфере международных поставок нефти и газа в условиях санкций, энергоперехода и цифровой трансформации 140

Требования к публикациям

147

CONTENTS

Criminal Law and Procedure

Ragimov I. M., Alikperov Kh. J. Origins and Formation Criminal Motivation (Sociological, Psychological and Criminological Aspects)	9
Shurukhnov N. G., Shurukhnova D. N. Police Supervision as a Means of Combating Parasitism and Idleness and Preventing Crimes: Proposals of the Interdepartmental Commission "On the Transformation of the Police into the Empire" (1906–1911)	21
Belokurova Ju. S., Zhdanov S. P. Overcoming Ethnic and Social Barriers by a Police Officer in the Process of Carrying out Professional Activities and Implementing the Principle of Impartiality	28
Atabekov K. K. Subjects of Implementation of Criminological Policy in the Kyrgyz Republic	35
Makeeva I. V. The Role of the Expert in Criminal Proceedings	40
Samoylova Zh. V. Problematic Issues of the Institution of Civil Action in Criminal Proceedings	46

Civil Law and Process

Garagurbanly R. A., Savina V. S. Features of the Implementation and Protection of Intellectual Rights in the Context of Digitalization	51
Nardina O. V., Svechnikov V. A. Analysis of the Legal Regulation of the Turnover of Digital Assets in Great Britain	57
Belyalova A. M., Denisov I. S. The Concept of an Escrow Account and the Main Provisions of its Use in an Equity Participation Agreement	64
Rumyantseva M. O., Nichiporova N. D., Kalyadina O. A. About Some Problematic Issues of Writ Proceedings in the Arbitration Process	71

Sports Law

Zulfugarzade T. E., Potapova A. V. Features of Organizational and Legal Regulation and Modern Development of International Sports Diplomacy	77
Kischenko E. V. To the Question of the Problems of the Formation of Sports Arbitration in Russia: Comparative Legal Analysis of Russian Practice and Foreign Experience	87
Grishin A. A. Guarantees Provided to Athletes in Case of Suspension from Participation in International Sports Competitions	95

State and Law

Staroverova O. V., Akhmadeyev R. G., Agapova A. A. Personal Income Tax as an Instrument for Regulating Social Inequality	102
Evmenova K. M. Private Law Aspects of the Status of a Russian Civil Servant	111
Petrenko D. S. Regulatory and Law Enforcement Aspects of Defining the Concept of Traditional Family Values	117
Dremova E. V. The Influence of Religion on the Formation of Conciliatory Ideas in Russian Law	127

International Law

Bykanov D. D.

Switzerland's Support for Anti-Russian Sanctions: the End of Swiss Neutrality
or Its Evolution? 132

Kaurakova M. V.

Freedom of Contract in International Oil and Gas Supplies in Terms of Sanctions, Energy
Transition and Digital Transformation 140

Requirements to the Publications 147

Истоки зарождения и формирования преступной мотивации (социологические, психологические и криминологические аспекты)

И. М. Рагимов

доктор юридических наук, профессор,
иностраный член Российской академии наук,
заслуженный юрист Азербайджана,
президент Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона.

Адрес: Ассоциация юристов Черноморско-Каспийского региона,
Азербайджанская Республика, AZ 1069, Баку, пр-т Ататюрка, д. 128.

E-mail: professorilhamragimov@gmail.com

Х. Д. Аликперов

доктор юридических наук, профессор,
директор Центра правовых исследований.

Адрес: Центр правовых исследований,
Азербайджанская Республика, AZ 1073, Баку,
ул. Микаила Мушфига, д. 2.

E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Origins and Formation Criminal Motivation (Sociological, Psychological and Criminological Aspects)

I. M. Ragimov

Doctor of Law, Professor,
Foreign Member of the Russian Academy of Sciences,
President of the Association of Lawyers of the Black Sea Caspian Region.

Address: Association of Lawyers of the Black Sea Caspian Region,
128 Ataturk Avenue, Baku, AZ 1069, Republic of Azerbaijan.

E-mail: professorilhamragimov@gmail.com

Kh. J. Alikperov

Doctor of Law, Professor,
Director of the Center for Legal Studies.

Address: Center for Legal Studies,
2 Mikail Mushfig Street, Baku, AZ 1073, Republic of Azerbaijan.

E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Аннотация

В статье на основе междисциплинарного подхода рассматриваются особенности мышления и поведения человека в зависимости от уровня вовлеченности и характера его взаимоотношений в макро- и микросреде, а также в период, когда он находится в плену навязчивых идей (обсессия) или в себе самом; исследуются стадии умственной деятельности человека, когда у него возникает мысль о совершении преступления, и причины, ее породившие; анализируются динамика созревания такой мотивации и факторы, способствующие ее материализации. В ней также обосновывается вывод, что состояние обсессии, пороки и недостатки государственной и общественной системы являются истоками зарождения у индивидуума зачатков идеи о совершении преступления, которая со временем актуализируется, после чего трансформируется в конкретный преступный замысел, когда он находится в себе самом. Пребывая в этом состоянии, индивид мысленно создает сценарий будущего преступления, разрабатывает алгоритм его реализации, рассматривает условия, при возникновении которых может быть совершено задуманное деяние, просчи-

тывает возможные риски его совершения, предусматривает варианты своего посткриминального поведения и т. д. После формирования на ментальном уровне этот сценарий записывается в долговременной памяти человека, где хранится в алертном состоянии, а триггер реализации срабатывает при возникновении подходящей ситуации. На основе этих посылов, как и ряда иных доводов, в статье выдвинута гипотеза, согласно которой любое умышленное преступление (за исключением ситуативных и совершенных в состоянии аффекта), будь то убийство, разбой или кража и т. д., есть по сути своей лишь ретрансляция сценария конкретного преступления, когда-то созданного индивидом на когнитивном уровне и извлеченного из подсознания в подходящей ситуации для его практического воплощения. Иными словами, возникновение и развитие преступной мотивации – не одномоментный интеллектуально-волевой акт, а растянутый во времени мыслительный процесс, направленный на поиск оптимальных способов удовлетворения определенных потребностей человека, которые он не смог (или не захотел) обеспечить в рамках закона. При этом пространственно-временной разрыв между моментом зарождения идеи о совершении преступления и ее фактической реализацией может быть краткосрочным, среднесрочным или долгосрочным.

Ключевые слова: макросреда, мотивация, лицедейство, ментальный, компульсия, автономное пространство личности, обсессия, микросреда, когнитивный, преступление.

Abstract

Based on an interdisciplinary approach, the article examines the features of a person's thinking and behavior depending on the level of involvement and the nature of his relationships in the macro- and microenvironment, as well as during the period when he is captive to obsessive ideas (obsession) or to himself; the stages of a person's mental activity are studied when he has the thought of committing a crime arises, and the reasons that gave rise to it; the dynamics of the maturation of such motivation and the factors contributing to its materialization are analyzed. It also substantiates the conclusion that the state of obsession, the vices and shortcomings of the state and social system are the starting point for the emergence in the individual of the rudiments of the idea of committing a crime, which is actualized over time, after which it is transformed into a specific criminal intent when it is in itself. Being in this state, the individual mentally creates a scenario for a future crime, develops an algorithm for its implementation, considers the conditions under which a planned act can be committed, calculates the possible risks of committing it, provides options for his post-criminal behavior, etc. After being formed at the mental level, this virtual scenario is recorded in the long-term memory of a person, where it is stored in an alert state, the implementation trigger of which is triggered when a suitable situation arises. On the basis of these messages, as well as a number of other arguments, the article puts forward a hypothesis according to which any intentional crime (with the exception of situational and committed in a state of passion), whether it be murder or rape, robbery or theft, etc., is essentially only a retransmission of the scenario of a specific crime, once created by an individual at a cognitive level and extracted from the subconscious at the right time for its practical implementation. In other words, the emergence and development of criminal motivation is not a one-time intellectual-volitional act, but a thought process extended over time, aimed at finding optimal ways to meet certain needs of the individual, which he could not (or did not want) to realize within the framework of the law. At the same time, the spatio-temporal gap between the moment the idea of committing a crime was born and its actual implementation can be short-term, medium-term or long-term.

Keywords: macroenvironment, motivation, acting, mental, compulsion, autonomous space of personality, obsession, microenvironment, cognitive, crime.

Если дистанцироваться от комплементарной идеологии власть имущих и отдельных амбивалентных парадигм в теории криминологии, то следует признать, что одним из глобальных детерминантов преступности всегда выступало и сегодня выступает государство, в частности, его принципиальные недоработки в управлении обществом, фундаментальные просчеты в правотворческой деятельности и системные ошибки в социальной политике.

Другой ахиллесовой пятой многих государств в рассматриваемой сфере являются чиновничий

беспредел и другие злоупотребления в деятельности органов исполнительной и судебной власти, чрезмерная урегулированность общественных отношений и необдуманная перманентная криминализация широкого круга деяний, которые по сути своей таковыми не являются.

Говоря о криминогенных издержках современных государств, нельзя обойти молчанием и такие постыдные для XXI в. явления, как нищета и бедность сотен миллионов людей в различных странах, в результате чего ежегодно в мире от голода умирает порядка 9 млн человек [24].

Проблема голода во многих странах мира отягощена глобальными эпидемиями, природными и техногенными катастрофами, непрерывным ростом цен на продукты питания и лекарства, управляемыми хаосами, военными конфликтами и т. д. Так, по данным ООН, ежедневно более 800 млн людей (т. е. свыше 10% мирового населения) голодают в силу отсутствия каких-либо средств на пропитание, значительная часть из них умирает от недоедания [23]. По мнению специалистов, для устранения массового голода, достигнутого в последние годы во многих странах критического уровня, и обеспечения продовольственной безопасности во всем мире требуется, чтобы мировое сообщество ежегодно выделяло бедным странам 33 млрд долларов. Однако сегодня эта глобальная проблема отодвинута международным сообществом на периферию межгосударственных отношений: ни страны золотого миллиарда, ни благополучные в материальном плане другие государств не спешат этого делать, хотя ежегодно на военные расходы в общей сложности выделяют несколько триллионов долларов [32].

Изнуряющее чувство голода, душераздирающие взгляды обессиливших и опухших от голода детей порой вынуждают их родителей, оказавшихся на обочине жизни, выбрать криминальный путь (в том числе и кровавый) добычи еды или средств на ее приобретение [10]. К примеру, экспертные оценки показывают, что около одной трети из указанных выше 800 млн человек ежегодно совершают как минимум несколько преступлений корыстного, корыстно-насильственного или сугубо насильственного характера, причем опять же исключительно ради удовлетворения своих жизненно необходимых потребностей либо обеспечения минимальной едой (лекарствами) своих голодающих (больных) детей¹, престарелых родителей² и т. д.

Особенность подобных деяний, совершаемых в состоянии критической фрустрации, заключается в том, что в этих случаях люди готовы совершить практически любое преступление. Об этом красноречиво свидетельствует, к примеру, моно-

лог главной героини знаменитого романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» Скарлетт О'Хары: «Бог свидетель! Я солгу, я украду, я убью, но больше никогда не буду голодать, никогда». И эта мысль с каждым разом становится все сильнее и навязчивее, когда у голодающего возникает прямая угроза жизни в результате систематического недоедания или когда он смотрит в молящие глаза угасающих от тяжелой болезни (голода) близких и т. д.³

В русле сказанного можно сослаться на получившую в последние десятилетия во многих странах мира широкое распространение практику, когда в целях контрабанды наркотиков люди глотают капсулы с героином, кокаином и другими тяжелыми наркотиками и в своем желудке (прямой кишке и т. д.), перевозят их через пункты пограничного, таможенного и иного контроля. При этом, как показывает правоприменительная практика, нередко под воздействием химических процессов, происходящих в организме человека, герметичность капсулы с сильными наркотиком нарушается, и тем самым ставятся под реальную угрозу жизнь и здоровье этих лиц. Но это их не останавливает, так как они сознательно идут на такие опасные поступки и таким путем хотят заработать денег на пропитание и содержание семьи (см., к примеру: [9; 22]).

Перманентный голод толкает людей на совершение и других форм делинквентного поведения⁴. Например, бедность, безработица и экономический кризис, которые переживает сегодня Афганистан после прихода к власти талибов, вынуждают некоторые семьи продавать своих детей или обменивать их на скот [8], чтобы за счет вырученных средств от его реализации спасти других членов своей семьи от неминуемой голодной

³ Например, в таких странах, как Гаити, Сомали и ряде иных государств, за чертой бедности проживают 98% населения (подробно об этом см.: [29]).

⁴ Возникает резонный вопрос: «А виновен ли человек в совершении подобных преступлений, невзирая при этом на целеполагания такого его деяния?» С позиции формального уголовного права – безусловно, да! Но с позиции общечеловеческих ценностей и декларируемых в национальных и международных актах правах человека – нет, так как в этих случаях детерминантом таких преступлений выступает само государство, которое довело минимальные физиологические потребности своего гражданина до такого критического уровня (крайней нужды), что он вынужден прибегнуть к преступлению, чтобы таким путем спасти себя и своих детей от голодной смерти.

¹ Здесь речь идет не о экзистенциальных (престиж, карьера и т. д.), а исключительно о таких витальных потребностях человека, как пища, вода и т. д.

² Пусковым механизмом формирования преступной мотивации могут стать и другие неудовлетворенные потребности человека – физиологические, социальные и пр.

смерти [27]. Сказанное можно повторить и относительно Северной Кореи, где голод, с которым столкнулись жители этой страны в начале 1990-х гг., был настолько ужасающим, что люди убивали и ели людей, в том числе и детей [4]. Аналогичная картина наблюдается и в ряде стран Африки и Ближнего Востока. При этом «возникающее социальное напряжение в таких депрессивных регионах неизбежно выливается в рост радикализма, экстремизма, подпитывает терроризм и локальные конфликты» [31].

Этот далеко не полный перечень трагедий, происходящих в некоторых странах Африки, Юго-Восточной и Центральной Азии, Ближнего и Дальнего Востока в результате абсолютной депривации, еще раз показывает, как хроническое голодание, отсутствие элементарных продуктов и средств на их приобретение толкают человека на преступление.

Не менее серьезным пороком многих современных государств является превращение врачебной сферы и образовательных учреждений в коммерческие услуги, в результате чего в них многие из обучающихся школьников (студентов) и пациентов, в том числе детей, воспринимаются как источник прибыли. К примеру, чего стоят сотни ежедневных ужасных, полных отчаяния обращений в социальных сетях, других СМИ тысяч и тысяч матерей на фоне своих больных детей, испытывающих невыносимые боли от тяжелых болезней (в том числе орфанных, онкологических и других), которые с нескрываемым стыдом бьют в набат о материальной помощи¹ для оплаты дорогостоящей операции (стоимость которой часто варьируется от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч долларов), без которой их больные дети обречены на мучительную смерть в свои три-пять-семь лет. И это притом, что конституции многих стран гарантируют², что государство обеспечивает всем достойный уровень жизни³. Однако эти, как и другие законные ожидания граждан повсеместно попираются. Отсюда одна из причин того, что из числа лиц, ежегодно

выявляемых за совершенные преступления, около двух третей нигде не работают и не учатся⁴.

К структурным переменным социума, определяющим образ девиантных деяний индивидуума и усиливающим их центробежные силы, следует добавить и такой опасный криминогенный фактор, как прекариат, наблюдаемый в последние десятилетия во многих странах, который «олицетворяет принципиально новое образование: отчуждение людей, испытывающих особые, изощренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации, а в конечном счете и качества жизни, не только от результатов труда, но и от всего общества. В эти группы входят те (а таких десятки миллионов в мире), кто занят неформальной, временной, эпизодической работой, вовлечен в теневой или нелегитимизированный сектор рынка труда, вследствие чего эти люди имеют урезанные социальные права и обладают ущемленным социальным статусом». Иными словами, «сегодня мы вправе говорить о некоем социальном слое, образующем, на наш взгляд, новый социальный класс, который во многом определяет лицо современного общества» [26]. Разумеется, этот слабо исследованный криминогенный фактор постмодерна негативно отражается на состоянии преступности, перманентно подталкивает человека к поиску решения своих сложных личных и семейных проблем вне рамок правового поля.

Эти и многие другие издержки в деятельности государства, наслаиваясь и переплетаясь друг с другом, формируют у личности социопатию и агрессию, ведут к аномии в социуме и психологической напряженности в нем, накал которой с каждым годом лишь усиливается, в силу чего, по меткому выражению профессора Ж. Т. Тощенко, сегодня социум трансформировался в общество травмы, что, естественно, повышает в нем градус агрессивности, подталкивает определенные слои населения (главным образом потенциальных преступников) на преступный путь для решения своих насущных физиологических или социально значимых потребностей.

¹ Здесь не идет речь о мошенниках в социальных сетях.

² В конституциях многих стран закреплено положение, согласно которому семья, как основная ячейка общества, находится под особой опекой государства (к примеру, см. статью 17 Конституции Азербайджанской Республики).

³ См., к примеру, Преамбулу Конституции Азербайджанской Республики.

⁴ Как правило, это неженатые люди, с низким уровнем образования и самоконтроля, ранее судимые, выросли в бедной семье, полностью или частично отторгнутые (исключенные – exclusion) обществом, т. е. лишенные возможности полноправно включиться в экономическую, политическую, социальную и культурную жизнь.

Наряду с государством питательной почвой для зарождения преступной мотивации является и само общество, которое в последние десятилетия во многих странах (особенно западных) отошло от универсальных и традиционных духовно-нравственных ценностей, погрязло в таких безнравственных явлениях, как однополые браки и инцест, свинг и гомосексуализм, гей-парады и т. д. Например, в США 32 штата признают однополые браки [7], а президент США Байден считает, что «трансгендерные американцы формируют душу американской нации» [34]. К примеру, в Нью-Джерси (США) легализован брак между родными братом и сестрой [6]. Весь парадокс в том, что, к всеобщему изумлению, церковь не только оправдывает гомосексуализм, но и «благословляет» подобные антиморальные, антинравственные отношения [17].

Сегодня литература, театр, кино, СМИ беспощадно раскачивают морально-нравственные столпы общества, прославляют в нем культ насилия и алчности, растаптывают общечеловеческие духовные ценности, воспевают педофилию и инфантофилию¹. Так, в литературе, художественных фильмах можно встретить немало «благородных» преступников, оправдываемых авторами (например, «Разбойник Чуркин» Н. И. Пастухова, «благородный бандит» Сун Цзяна в романе «Речные заводы», добродетельный преступник в фильме Жака Беккера «Не прикасайся к добыче» и т. д.).

¹ 5 октября 2021 г. в Испании было опубликовано масштабное расследование, раскрывшее данные о том, что представители католического духовенства во Франции за 70 лет подвергли насилию более 200 000 детей. При этом они призывали жертв хранить молчание ради защиты репутации церковных учреждений. Согласно данным расследования, с 1950 по 2020 г. во Французской католической церкви работали более 3 000 насильников, из 115 000 священников и других священнослужителей (Испанская католическая церковь извинилась за педофилию. – URL: <https://ru.oxu.az/world/719501>); К примеру, в Дании, Норвегии и Швеции педофилы называют себя инфантофилами, которые предпочитают «развлечения» с новорожденными детьми. Так, 2 марта 2015 г. впервые Норвегия официально публично признала наличие инфантофилов среди норвежских мужчин и женщин, а центральное норвежское государственное телевидение NRK сообщило, что, по данным местной криминальной полиции, в Норвегии процветает инфантофилия. Предать огласке эту ранее тщательно табуируемую дику скандинавскую традицию издевательств над новорожденными и детьми в доречевом возрасте (от 0 до 2,5 лет) норвежским СМИ пришлось в связи с тем, что скрывать массовые изнасилования младенцев в Норвегии больше не представлялось возможным в связи «с утечкой» [16].

В них криминальные элементы старательно романтизируются, авторы этих произведений стремятся вызвать у зрителя/читателя не только сочувствие к преступникам, но и восхищение.

Они разрушают традиционные устои семьи, насаждают в социуме правовой нигилизм и низменные человеческие страсти, разрушают систему базовых моральных принципов, что приводит к глубинным негативным сдвигам в жизни общества и смене духовных ориентиров², создают социальные и психологические предпосылки для расчеловечивания людей и т. д. Это, естественно, не только приближает человечество к вырождению и деградации, но и ведет к духовной и нравственной катастрофе, так как жизненный опыт людей перестает соответствовать провозглашаемым ценностям. Американский социолог Р. Мертон, развив данную теорию, указывал, что причиной отклоняющегося поведения является разрыв между культурными нормами и целями общества, с одной стороны, и созданными возможностями, средствами их достижения – с другой, т. е. что любого рода противоречия в обществе вызывают социальную дезорганизацию и, как следствие, порождают преступность [19]. Аналогичное мнение было высказал и американский криминолог Т. Селин. Так, по его мнению, преступное поведение является следствием конфликтов, определяемых различием мировоззрения, привычек, взглядов, стереотипов поведения индивидов и социальных групп [30].

Такое порочное состояние общества было предсказано писателем И. А. Ефремовым еще в 1969 г. в письме американскому коллеге, в котором И. А. Ефремов писал о предстоящем «взрыве безнравственности», за которым последует «величайшая катастрофа в истории в виде широко распространяемой технической монокультуры». По его мнению, «все разрушения империй, государств и других политических организаций происходят через утерю нравственности. Это является единственной действительной причиной катастроф во всей истории... Я называю это “взрывом безнравственности”, и это, мне кажется, гораздо опаснее ядерной войны...» [5]. Все это свидетельствует о том, что современная социальная среда во многих странах мира постепенно становится для человека враждебным со-

² К примеру, отметим журнал Playboy, перманентно уничижающий мораль.

обществом, в котором немало криминогенных очагов, виктимологических раздражителей и стрессовых ситуаций, мотивирующих индивидуума на совершение противоправного деяния. Так, вступая в определенные общественные отношения в макросреде, человек видит, что в ней правит в основном каста «неприкосновенных», процветают протекционизм и кумовство, несправедливость и право сильного. Многие должностные лица государства ведут праздный образ жизни; живут не по средствам; владеют дворцами и яхтами; публично демонстрируют свою непомерную роскошь; разъезжают в супердорогих автомобилях, а их отпрыски сорят деньгами в общественных местах и т. д. При этом они манифестируют уродливые измерения относительно чести, порядочности, а система мировосприятия и морально-нравственных координат у них сбита настолько, что в ней нет места для общечеловеческих нравственных императивов, хотя при этом они часто имитируют добродетель.

Находясь в микросреде, индивид подспудно понимает, что общество погрязло в пороке, безнравственности и цинизме. Он видит вокруг огромное число чиновников, которые систематически «распиливают» бюджет и разбазаривают государственные средства, ведут двойную бухгалтерию, берут взятки, укрывают доходы от налога, производят и реализуют на стороне «левую» продукцию, лицемерят, скрывают от окружающих свое истинное лицо, ради сохранения занимаемой должности или повышения по службе идут на сделку с совестью, предают ближнего, соглашаются на совершение безнравственных поступков и т. д. При этом многие из вышеперечисленных чиновников стремятся казаться теми, кем не являются в действительности, тщательно маскируя свои пагубные инстинкты, мерзкие пристрастия и т. д.

Работая в государственном учреждении, получая образование в учебном заведении, человек становится свидетелем и того, что посредством дачи взятки можно продвинуться по служебной лестнице, сдать экзамены, уклониться от уплаты налогов, таможенных платежей, избежать уголовной ответственности за совершенное преступление и пр.

Подобные деструктивные издержки повседневного состояния макро- и микросреды «на автомате» фиксируются в подсознании человека и постепенно становятся пусковым механизмом для запуска в его сознании различных девиантных

идей. В частности, при наблюдении за ежедневным нарушением закона и этических норм со стороны чиновников у него стирается ценностно-правовая граница: он уже не воспринимает преступление как табу, постоянно сравнивает себя с описанными выше субъектами и, как правило, приходит к выводу, что он «ничем не хуже» их, после чего задается вопросом: «А почему я не могу вести подобный “сытый” образ жизни?» И ради такого праздного бытия некоторые готовы попать не только нравственные императивы, но и закон. Руководствуясь этими ущербными установками, ряд сотрудников со временем начинает подсознательно усваивать модель поведения источников ресентимента и активно подражать им, под маской добродетели играть соответствующую роль, скрывать от окружающих правду о себе, в том числе свою истинную натуру, ущербные привычки и пр.

Как видим, существует много причин для того, чтобы люди скрывали от окружающих (в том числе и от близких) отдельные эпизоды жизни, сведения о своих пристрастиях, дурных наклонностях.

Все это дает основание предположить, что в истории человечества не было и нет людей, которые вступали бы в определенные общественные отношения, не облачившись предварительно в ментальный «панцирь», под которым частично или полностью скрывают (экранируют) от окружающих свои истинные намерения, наклонности, пристрастия, совершенные в прошлом неблагоприятные поступки и пр., которые хранятся в глубинных пластах души¹. Поэтому природа его поведения в социуме как минимум четырехлика: подобающее, притворное, полоненное, сущее².

Перечисленные виды поведения носят субстанциональный характер, так как изначально заложены в матрицу генотипа человека. С достижением определенного возраста (где-то в период 3–5 лет) они постепенно начинают пробуждаться в сознании человека и примерно к двадцати пяти

¹ В психологии такое явление называется вытеснением. Это один из механизмов психологической защиты в психодинамическом направлении психологии. Оно заключается в активном, мотивированном устранении чего-либо из сознания. В результате человек перестает осознавать внутренние конфликты, а также не помнит травматических событий прошлого [12].

² У. Шекспир считал, что природа человека семилика (см.: [38]).

годам (порой и раньше) становятся имманентным свойством его повседневного бытия.

Эти генетически заданные «личины», некоторые из которых к тому же пропитаны фальшью, имеют преимущественно латентный характер и достаточно динамичны, в силу чего видоизменяются в зависимости от характера взаимодействия человека с различными уровнями социальной организации общества (трудовой коллектив, школа, семья и т. д.).

Человек в обществе (макросреда), человек в семье (микросреда), человек в плену навязчивых идей (обсессивное состояние) и человек в себе самом (автономное пространство личности¹) – это четыре разных алгоритма поведения и мышления (alter ego), четыре слабо пересекающиеся параллельные реальности, обусловленные конкретными потребностями физиологического, социального, нравственного, ситуативного и иного характера. Понятие человека в себе самом принципиально отличается от кантовской «вещи в себе», так как это продукт практического разума (в деонтологическом смысле), который основывается на определенных принципах (разумность, рациональность и т. д.) и поддается системному анализу (познанию) посредством логического мышления. Так, если на уровне макросреды (условно назовем «помостом актерствования» с максимальной отчужденностью от отдельных черт своего архетипа, где человек подменяет

свою подлинность на роль, которую играет в социуме, и тем самым пытается соответствовать ожиданиям окружающих, производить на них хорошее впечатление, заслужить их уважение и т. п., скрывая при этом свою истинную сущность) и уровне микросреды (обозначим как «арена лицедейства», с частичным дистанцированием от некоторых особенностей самости, сокрытием от членов семьи и ближайшего окружения некоторых своих мыслей и представлений, сокровенных тайн, греховных пристрастий, дурных наклонностей и т. п.) существует определенный внешний социальный контроль за действиями и поступками человека, что вынуждает его вести (позиционировать) себя сообразно правилам, принятым в социуме (некая общая сетка координат), в том числе и среди близких, то на третьем уровне (определим его как «свидание с самим собой») он полностью предоставлен самому себе: нет не только внешнего контроля, но и максимально сужены морально-нравственные запреты, отключены социально-правовые тормоза, ограничивающие ущербные действия и поступки индивидуума, хотя и сохраняется определенное влияние базовых поведенческих императивов общества на его сознание². Этот «остров вольнодумства», где человек находится наедине с самим собой, создает сложноступенчатую для описания духовную обстановку для созерцания и абстрактного мышления, уводящую индивидуума далеко за пределы пространственно-временного континуума и привычной системы координат. В частности, находясь в таком виртуальном странствовании, его Эго (см.: [15]) раскрепощается, сбрасывает с себя многие физические законы бытия, «отпускает узды» полета мысли и фантазии «на вольные хлеба», в силу чего человек испытывает невероятное чувство свободы и внутреннего спокойствия. В этой неопишуемой трансформации вселенная для него сужается до одной точки, сконцентрировавшись на которой, он плавно входит в транс, где перед его внутренним взором открываются глубинные пласты собственного сознания.

Пребывая в такой обстановке, он приступает к анализу своих проблем (состояние рефлексии), в процессе которого у него порой возникают новые

¹ Под понятием автономного пространства личности авторы подразумевают временную самоизоляцию человека от социума (отшельничество) посредством сознательного уединения в укромной части материальной среды, где после погружения в самого себя у него происходит синхронизация души, разума и чувств, а раскрепощение потаенных желаний человека позволяет ему перейти на новый уровень осознанности, снять внутреннее напряжение, выработать решение конкретной проблемы и т. д. При этом, ослабившись, он отпускает рычаги контроля и для него единственное, что в этом мире есть реальное, – это то, что происходит с ним здесь и сейчас. Другое отличие этого пространственно-временного феномена от макро- и микросреды заключается в том, что он односубъектен: человек временно изолирован от мирских бурь и страстей, невзгод социума и его условностей, а детектор ошибок его головного мозга (нейронные популяции мозга, реагирующие на ошибочное выполнение деятельности, функционирующие на бессознательном уровне) отключен (подробно о детекторе ошибок см.: [1]). Наконец, такое отшельничество – это непередаваемое словами «чистилище души» и чувство безграничной свободы, когда не надо оглядываться по сторонам и искать у окружающих одобрения своим поступкам и желаниям.

² Как правило, в этом умиротворенном мире свободы и покоя ума у человека активизируются многие его скрытые духовные и интеллектуальные потенциалы (подробно см.: [2]).

идеи и мысли (в том числе и криминальные), щедро сыплющиеся на рецепторы его ментальных струн, на основе которых индивидуум, предварительно отфильтровав их, принимает наиболее оптимальный вариант решения (не всегда праведный) того или иного вопроса и тем самым прокладывает путь до искомого «света в конце туннеля».

Что же касается четвертой ипостаси (обозначим ее как «полоненная ситуация»), то, когда человек пребывает в обсессивно-компульсивном состоянии, его воля максимально сужается и подменяется неадекватными идеями, параноидальными мыслями¹, агрессивными устремлениями или иными девиантными желаниями (в том числе и преступного характера), в плену которых он находится и которые зачастую не в силах преодолеть, так как они часто берут верх над разумом², вследствие чего человек порой слепо следует их зову. Такое состояние может возникнуть в различных жизненных ситуациях: на производстве, при просмотре фильма, нахождении в себе самом, на прогулке и т. д. Как пишет Ф. Зимбардо, «глубокое, но скрытое влияние нескольких ситуационных переменных может оказаться сильнее воли человека и может подавить его сопротивление» [13].

Иллюстрацией сказанному могут служить непреодолимые в своем могуществе крайне навязчивые идеи, немыслимые желания или бесовские мысли, порой произвольно посещающие человека, которые по своему содержанию иногда настолько гнусны или невообразимо аморальны, что их возникновение вызывает у него жуткое смещение. Подобные перманентные вожделения – суровая реальность бытия мыслительной деятельности *Homo sapiens*. Эта нравственная «проказа» возникает из ниоткуда (но осознается лицом как собственная идея) и молниеносно интегрируется в Ид человека, провоцируя его «пустить во все тяжкие». (Ид – одна из трех ипостасей Эго. Будучи бессознательным и иррацио-

нальным, Ид подчиняется принципу удовольствия [15].)

Естественно, у любого, кто сталкивается с подобными неадекватными отклонениями, резко сужается диапазон восприятия. Причем в ряде случаев некоторые из этих порочных мыслей настолько прочно гнездятся в Эго *Homo sapiens* и с маниакальной настойчивостью рецитируют в нем, что ему не удается от них избавиться. И порой это происходит так стремительно и неистово, что защитные функции его Супер-Эго парализуются, а трепещущая воля выходит из-под контроля. В этом случае индивид лишается возможности противостоять навязанным ему аморальным идеям или низменным желаниям. И это притом, что лицо осознает их пагубность, но тем не менее нередко «посягает даже на то, о чем оно и помышлять не смело ранее» [21]. Этот парадокс А. И. Бастрыкин объясняет тем, что, совершая подобные деяния, «человек зависит от тех причин, которые находятся вне его воли, и он не в состоянии противостоять таким явлениям, хотя и желает этого» [3].

Конечно, у людей, оказавшихся в полоненной ситуации, возникшие у них порочные идеи или низменные желания индивидуальны и многовариантны, но у всех них имеется объединяющее их единое начало: погрузившись в омут навязчивых идей и необузданных (иррациональных) страстей³, человек порой «пробуждает» животный инстинкт. Он испытывает потребность в самоутверждении, часто позиционирует себя владыкой вселенной и вершителем судеб, считает, что может по своему усмотрению казнить или миловать (к примеру, садисты), т. е., примеряет на себя образ Раскольникова, убеждая самого себя в том, что он не тварь дрожащая, а право имеющий, а совершаемое деяние воспринимает как акт восстановления справедливости (например, убийцы), в силу чего несколько не сожалеет о содеянном. Это еще больше разжигает его гнусные фантазии, придавая им бесовскую силу, и усиливает в нем процесс саморазрушения. Нельзя забывать, что человек отличается от животных именно тем, что он убийца. Как писал Эрих Фромм, человек – «это единственный пред-

¹ По подсчетам ученых, параноидальными расстройствами в той или иной степени страдает почти 17% населения планеты, а симптомы усугубляются в условиях высокой неопределенности и тревоги.

² Это состояние очень схоже с панической атакой – внезапно возникающий приступ сильной тревоги, выраженного страха, сопровождающийся такими вегетативными симптомами, как учащенное сердцебиение, ощущение нехватки воздуха и др.

³ Человеческие страсти в психологии «подразделяются на иррациональные и рациональные, хотя в философии буддизма, у Спинозы и других совершенно иные рассуждения о страстях. Страсти можно обуздать, укротить, но нельзя исцелить» [35].

ставитель приматов, который без биологических и экономических причин мучит и убивает своих соплеменников и еще находит в этом удовлетворение и радость. Это та самая биологически аномальная и филогенетически не запрограммированная «злокачественная» агрессия, которая представляет настоящую проблему и опасность для выживания человеческого рода» [35].

Изложенное позволяет предположить, что человек в обществе, человек в семье, человек в полоненном состоянии и человек в себе самом – это четыре разные грани личности индивидуума (четыре лика одной сути), четыре разных уровня мировосприятия, четыре разных видов определенных потребностей, определяющих характер и направленность его мыслей и поступков.

Из перечисленных выше ипостасей базовая диспозиция самости человека, как правило, обнажается (и то не всегда) только тогда, когда он пребывает в себе самом, а то, что он проявляет (демонстрирует), к примеру, в социуме, семье и т. д., – чаще всего лишь репрезентация, своего рода симулякр (приукрашенная и видоизменная копия его личности, в реальности не существующая), под завесой которой индивидуум инстинктивно или сознательно скрывает от окружающих, в том числе и от самых близких, отдельные издержки своей натуры, среди которых пагубные пристрастия, мерзкие устремления, извращенные желания, садистские наклонности и т. д., выходящие далеко за рамки не только традиционных морально-нравственных дозволений, но и правовых запретов.

Такое перманентное социально-психологическое состояние личности, свойственное многим субъектам общественных отношений, в том числе и великим умам человечества¹, объясняется тем, что в «бездне» души каждого человека, независимо от его национальности и вероисповедания, материального или семейного положения, образования и занимаемой должности и т. д. таится множество ранее совершенных непристойных поступков, в которых он боится признаться не только близким, но даже самому себе.

¹ В качестве примера можно сослаться на многочисленные, мягко говоря, неблагоприятные поступки таких выдающихся личностей, как Ф. М. Достоевский, П. И. Чайковский, И. А. Бунин, Л. Д. Ландау, Л. Н. Толстой, В. И. Немирович-Данченко, А. П. Чехов, Альберт Эйнштейн, Пабло Пикассо, А. С. Пушкин и многие другие, не менее известные в мире персоны.

Причина в том, что, если их предать огласке, то, как писал Ф. М. Достоевский, «на свете поднялся бы тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться» [11]. Эта мотивационная цитата великого писателя дает основание предположить, что, во-первых, в человеческой популяции не существует людей, обладающих иммунитетом от безнравственных деяний, в том числе и противоправного характера, так как подобные поступки являются потенциальным свойством каждого человека, заложенным в его жизненную программу. Во-вторых, в греховное мгновение души человек свободен в своих поступках и мыслях от господствующих в обществе моральных и нравственных императивов, так как подобные «инстинкты сильнее культуры» (Н. В. Кофурин). Вот почему никто не может утверждать, «кто из идущих по жизни добрый, а кто – преступник» [3]. Здесь имеется влияние того, как «лягут» хромосомы на начальном этапе эмбрионального периода человека, что, по утверждению специалистов, происходит хаотичным образом. Словом, как писал Шекспир, «весь мир – театр, а люди в нем актеры».

Как видим, истоки зарождения преступной мотивации различны и интенсивность их окончательного формирования зависит от особенностей социального пространства и условий, в которых он пребывает. Поэтому, не углубляясь в нейрофизиологические и нейропсихологические тонкости, отметим, что именно в момент пребывания человека (речь идет о потенциальном преступнике) в себе самом у него формируются зачатки идеи о совершении преступления, которая со временем актуализируется, после чего трансформируется в конкретный преступный замысел. Так, находясь в данном состоянии, индивидуум мысленно создает сценарий будущего преступления, разрабатывает алгоритм его реализации, просчитывает возможные риски его совершения, предусматривает варианты своего посткриминального поведения и т. д. Затем в его сознании запускается механизм акцентуации на «за» или «против» задуманного, а внимание фокусируется на плюсах и возможных издержках. Далее, когда индивидуум делает окончательный выбор между «за» и «против» совершения преступления в пользу первого, перед ним возникает конкретная цель (опредмеченная потребность) и у него вырабатывается алгоритм ее достижения. Затем он рассматривает условия (обстановку), при возникновении которых может быть совершено задуманное.

манное деяние. После формирования на ментальном уровне этот сценарий записывается в долговременной памяти человека, где хранится в алертном состоянии, а триггер его реализации срабатывает при возникновении подходящей ситуации.

Как видим, период нахождения в себе самом – не только время для раздумий и размышлений, развития души и разума, познания себя и т. д., но и время возникновения навязчивых идей, гнусных желаний, формирования преступной мотивации и т. д. Поэтому отдельные исследователи считают, что одно из важнейших средств контроля за массами людей – загружать их делами и бытовыми заботами настолько, чтобы у них не оставалось сил и желания для выработки способности размышлять о социальных проблемах и для самих таких размышлений [14].

Вышеизложенное позволяет выдвинуть гипотезу, что любое умышленное преступление (за исключением ситуативных и совершенных в состоянии аффекта), будь то убийство, разбой или кража и т. д., есть по сути своей лишь ретрансляция сценария конкретного преступления, когда-то созданного человеком на ментальном уровне и извлеченного из подсознания в подходящий момент для его практической реализации.

Из этой гипотезы следует, что возникновение и развитие преступной мотивации – не одномоментный интеллектуально-волевой акт, а растянутый во времени длительный мыслительный процесс¹, направленный на поиск способов удовлетворения определенных потребностей индивидуума, которые он не смог или не захотел реализовать в рамках правового поля². При этом пространственно-временной разрыв между за-

рождением идеи о совершении преступления и ее реальным воплощением может быть краткосрочным, среднесрочным или долгосрочным. Однако одно несомненно – такой ментальный криминальный сценарий рано или поздно, но обязательно будет реализован индивидуумом на определенном этапе его жизни, если, конечно, у него не возникнут форс-мажорные обстоятельства (смерть, паралич и т. п.) или по каким-либо весомым соображениям он не откажется от вынашиваемой преступной мотивации.

Значимость предложенной гипотезы видится в том, что она в корне меняет существующие научные представления о механизме возникновения у индивидуума идеи о совершении преступления, показывает процесс ее актуализации и дальнейшей трансформации в преступную мотивацию, раскрывает этапы интеллектуальной деятельности, через которые эта идея проходит с момента своего возникновения и до фактической своей реализации.

Отметим, в связи со всем вышесказанным, что на каждом из социальных уровней (макросреда или микросреда³) есть как добропорядочные личности, так и люди, лишенные каких бы то ни было морально-нравственных ориентиров (неустойчивые, десоциализированные лица), и имеется своя совокупность положительных и негативных общественных отношений.

Сказанное в полной мере относится и к оценке решений, принимаемых человеком в состоянии обсессии, или когда он в себе самом. Нередко индивиду удается противостоять этим бесовским наваждениям, вытеснить их из своего сознания (в том числе путем сублимации). К тому же было бы ошибочно полагать, что в период пребывания человека в себе самом его мысли и желания продиктованы исключительно низменными побуждениями. Вовсе нет, поскольку такое уединение может быть мотивировано и исключительно благими намерениями, например, для релаксации, чтения книги, поиска путей решения различных жизненных проблем и т. д. Например,

¹ К примеру, трудно даже гипотетически предположить, что убийство 35-го президента США Джона Кеннеди, совершенное 22 ноября 1963 г. в Далласе, убийства премьер-министра Индии Индиры Ганди (31 октября 1984 г. в Нью-Дели), премьер-министра Швеции Улофа Пальме (28 февраля 1986 г.), покушение на генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева (22 января 1969 г.) и т. д. были результатом одномоментного интеллектуально-волевого акта. Как показывает правоприменительная практика, таким деяниям, как правило, предшествует многоступенчатый подготовительный период.

² В этой связи трудно согласиться с утверждением Е. В. Чернышевой и А. А. Тюменцевой о том, что «ведущие мотивы носят, как правило, неосознаваемый характер, так как в большинстве случаев преступники не могут объяснить мотивы своего преступного поведения» [37].

³ «Макросреда характеризует процессы, происходящие во всем обществе, которые опосредуют сознание и поведение людей как граждан как членов данного общества. Что касается микросреды, то это непосредственное окружение, где человек взаимодействует на межличностном уровне, и где существует контактная среда, весьма серьезно влияющая на результативность его поведения, на организацию его общественной и повседневной жизни» [33].

у людей, живущих за чертой бедности, о чем мы говорили в начале статьи, в минуты, когда они наедине с собой, возникает мысль не об убийстве, садизме, похоти и других пороках, а, как говорится, о хлебе насущном: как добыть средства на пропитание для себя и своих детей, в том числе и посредством поступков, носящих противоправный характер. Однако внутренний нравственный стержень спасает многих из них от этого криминального шага.

Учитывая ограниченность объема журнальной статьи, мы рассмотрели лишь некоторые аспекты

механизма зарождения, формирования и реализации преступной мотивации, роль в этом макро- и микросреды, а также навязчивых идей, что, естественно, не исчерпывает широкий спектр других нерешенных вопросов этой мультидисциплинарной проблемы. Поэтому мы не претендуем ни на полноту, ни на бесспорность своих суждений и выводов и с благодарностью примем конструктивные замечания и предложения читателей.

Список литературы

1. Академик Медведев: Гениальность «в пробирке» определить невозможно // Российская газета. – 2 февраля 2022 г. – № 8671.
2. Аликперов Х. Д. Ассоциация как одна из фаз познавательной деятельности сознания в процессе генерации новой идеи (репрезентация ассоциативного мышления на примере права) // Вестник РГГУ. – 2022. – №1 (4). – Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология».
3. Бастрыкин А. И. Рецензия на книгу профессора И. М. Рагимова «Религия и наказание» // Государство и право. – 2021. – № 4.
4. Беженка из Северной Кореи: Люди теряли рассудок от голода, ели даже детей. – URL: <https://minval.az/news/124133653>
5. Будущее Ефремова сегодня. Блог Николая Кофрырина. – URL: <http://blog.nikolaykofyrin.ru/?p=2101&fbclid=IwAR3-lppcFRI9uPLDZ7Oan4T8DjNlvx2IzWZWfZqv0uF8XM3vkSfRarCTzVQ>
6. В Нью-Джерси (США) легализован брак между родными братом и сестрой. – URL: <https://cosmo.kz/v-nyuu-dzhersi-legalizirovan-brak-mezhdu-rodnm-bratom-i-sestroy/>
7. В США 32 штата признают однополые браки. – URL: <http://news.rambler.ru/27582103/>
8. Голод вынуждает афганцев продавать собственных детей. – URL: <https://haqqin.az/news/222594>
9. Гражданин Армении пытался ввезти из Ирана наркотики, спрятав пакет в кишечнике – URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20200313/Grazhdanin-Armenii-pytalsya-vvezti-iz-Irana-narkotiki-spyratav-paket-v-kishechnike-2376295.html>
10. Десятки миллионов людей в 43 странах мира – на грани голодной смерти. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/10/1411202>
11. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. – Т. 4 : Униженные и оскорбленные. – Л. : Наука, 1989.
12. Защитные механизмы личности. – URL: <https://omr.by/news/stati/zashchitnye-mekhanizmy-lichnosti>
13. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. – М. : Альпина нон-фикшн, 2018.
14. Зиновьев А. Глобальный человеик. – М., 2006. – URL: <https://avidreaders.ru/book/globalnyy-cheloveynik.html>
15. Ид, Эго и Супер-Эго, защитные механизмы или теория Фрейда. – URL: <https://deyneko.com/id-ego-superego-freud-teoria/>
16. Инфантофилия: норвежские утехы. – URL: <https://skeptimist.livejournal.com/522345.html>
17. Католическая церковь Германии будет благословлять однополые браки. – URL: <https://haqqin.az/news/277155>
18. Кочетова М. Нищета и бедность спасают планету от перегрева. – URL: https://www.vedomosti.ru/ecology/climate/articles/2022/02/18/909_986-nischeta-i-bednost-spasayut-planetu-ot-peregrev
19. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. – М., 1966.
20. Михайлов И. А. Философия жизни // Философская энциклопедия. – М., 2004. – Т. 4.

21. Мор Т. Утопия. – URL: https://thelib.ru/books/mor_tomas/utopiya.html
22. На границе задержан иранец, который в прямой кишке пытался провезти наркотики в Азербайджан. – URL: <https://gapp.az/na-granitse-zaderjan-iranets-kotoryiy-v-pryamoy-kishke-pyitalsya-pronesti-narkotiki-v-azerbaydjan/>
23. Новикова Ю. В. Механизм детерминации преступного поведения как элемент криминологической характеристики преступлений // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 5.
24. Отчет ООН: голод в мире стал масштабнее из-за пандемии. – URL: <https://ntdtv.ru/109524-otchyot-oon-golod-v-mire-stal-masshtabnee-iz-za-pandemii>
25. По данным ВОЗ, ежедневно в мире 24 тыс. человек умирают от голода, что в годовом исчислении составляет 8 660 000 человек, значительная часть из которых дети. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30183433
26. Прекариат: становление нового класса // под ред. Ж. Т. Тощенко. – М., 2020.
27. Прошина Е. Афганская женщина продала внуков ради еды. – URL: <https://news.rambler.ru/world/47462861-afganskaya-zhenschina-prodala-vnukov-radi-edy/>
28. Рагимов И. М. Религия и наказание. – СПб. : Юридический центр – Академия, 2020.
29. Рейтинг стран по уровню бедности. – URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/poverty-rate>
30. Селин Т. Конфликт норм поведения // Социология преступности. – М., 1966.
31. Стенограмма речи В. В. Путина 10 февраля 2007 года на Конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене. – URL: <https://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry/>
32. Тернер П. Р. Как решить мировой голод. – URL: <https://ffl.org/ru/14869/can-we-end-world-hunger/>
33. Тощенко Ж. Т. Социология жизни // Социологические исследования. – 2015. – № 1.
34. Трансгендеры формируют душу американской нации. – URL: <https://minval.az/news/124314148>
35. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности // Новая философия. – М. : АСТ, 1973.
36. Цыкора А. В. Механизм преступного поведения в уголовном праве и криминологии // Закон и право. – 2021. – № 9.
37. Чернышева Е. В., Тюменцева А. А. Мотивация преступного поведения в совершении умышленных преступлений // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2015. – № 12.
38. Шекспир У. Полное собрание сочинений : в 8 т. / пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник. – Т. 5 : Как вам это понравится. – М. : Искусство, 1959.

**Полицейский надзор как средство борьбы с тунеядством и праздностью
и предупреждения преступлений: предложения межведомственной
комиссии «По преобразованию полиции въ Имперіи» (1906–1911)**

Н. Г. Шурухнов

доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
профессор кафедры правоохранительной и правозащитной деятельности
Тулеского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).
Адрес: ФКУ НИИ ФСИН России,
125130, Москва, Нарвская ул., д. 15а, стр. 1,
Тулеский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет (РПА Минюста России)»,
300026, Тула, пр-т Ленина, д. 104.
E-mail: matros49@mail.ru

Д. Н. Шурухнова

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: shuruhnova.dn@rea.ru

**Police Supervision as a Means of Combating Parasitism and Idleness
and Preventing Crimes: Proposals of the Interdepartmental Commission
"On the Transformation of the Police into the Empire" (1906–1911)**

N. G. Shurukhnov

Doctor of Law, Professor, Leading Researcher
of Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Professor of the Department of Criminal Procedure
and Criminalistics of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Address: Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
15a Narva Street, Building 1, Moscow, 125130, Russian Federation,
Tula Institute (branch) of All-Russian State University of Justice,
104 Lenin Avenue, Tula, 300026, Russian Federation.
E-mail: matros49@mail.ru

D. N. Shurukhnova

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines
of the Plekhanov Russian University of Economics.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: shuruhnova.dn@rea.ru

Аннотация

Основной задачей статьи является представление комбинированного профессионального направления деятельности полиции Российской Империи – полицейского надзора, предусмотренного проектом ее реформи-

рования (начиная с 1906 г.). По убеждению членов межведомственной комиссии («Межведомственная Комиссия, под председательством Сенатора А. А. Макарова, по преобразованию полиции в Империю», созданная председателем совета министров – министром внутренних дел Петром Аркадьевичем Столыпиным в 1906 г.), полицейский надзор должен был бы иметь двоякую цель. Служить средством борьбы с тунеядством и привычной праздностью отдельных граждан империи и одновременно позволял бы предотвращать совершение ими различных преступлений. Предметом исследования служил подраздел «Полицейский надзор» «Краткой объяснительной записки к заключению межведомственной комиссии, под председательством Сенатора А. А. Макарова, по преобразованию полиции в Империю», а также некоторые законодательные акты Российской империи, проект Устава полицейского. Методами исследования были избраны: анализ, формализация, сравнение, аналогия, конкретизация, обобщение, экспертные оценки, экстраполяция, описание. Их совокупность позволила сделать авторские выводы и представить развернутое заключение. В нем представлены процедурные вопросы формирования особых губернских и городских присутствий для рассмотрения обозначенных вопросов, получения оснований для наложения надзора, принятия решения, его обжалования, права и обязанности полиции и поднадзорных субъектов.

Ключевые слова: полицейский надзор; тунеядство; праздность; совершение преступлений; предупреждение; особое губернское и городское присутствие.

Abstract

The main objective of the article is to present the combined professional direction of the activities of the police of the Russian Empire - police supervision, provided for by the draft of its reform (since 1906). According to the members of the interdepartmental Commission, police supervision should have a dual purpose ("The Interdepartmental Commission, under the leadership of Senator A.A. Makarov, on the transformation of the police into the Empire", created by the Chairman of the Council of Ministers – Minister of Internal Affairs Pyotr Arkadyevich Stolypin in 1906). To serve as a means of combating parasitism and habitual idleness of individual citizens of the empire and at the same time would prevent them from committing various crimes. The subject of the study was the subsection "Police supervision" of the "Brief explanatory note to the conclusion of the interdepartmental commission, under the leadership of Senator A. A. Makarov, on the transformation of the police into the Empire", as well as some legislative acts of the Russian Empire, the draft Statute of the police. The following research methods were chosen: analysis, formalization, comparison, analogy, concretization, generalization, expert assessments, extrapolation, description. Their combination made it possible to draw the author's conclusions and present a detailed conclusion. It presents the procedural issues of the formation of special municipal and city presences for the consideration of the designated issues, obtaining grounds for the imposition of supervision, decision-making, its appeal, the rights and obligations of the police and supervised entities.

Keywords: police supervision; parasitism; idleness; commission of crimes; prevention; special provincial and city presence.

Введение. С назначением Петра Аркадьевича Столыпина – великого русского реформатора [1. – С. 52–57; 3; 4] – на должность министра внутренних дел¹ в Российской империи была предпринята попытка реформирования полиции. Для этого им была создана межведомственная комиссия из 19 государственных деятелей – разносторонних специалистов. Они более 10 лет готовили законопроект «О преобразовании полиции в Империю», включавший «Учреждения полиции» и «Устав полицейский». О своей деятельности комиссия оставила потомкам «Краткую объяснительную записку... по преобразованию полиции в Империю» (1911 г., 133 с.). В ней были

представлены результаты объемного и всестороннего исследования практической деятельности полиции, хорошо отработанные (выверенные) законодательные предложения, которые касались не только Министерства внутренних дел, но и других ведомств (Министерства юстиции, Министерства финансов).

Отметим, что комиссия обстоятельно изучила существовавшие в то время виды полиции, ее численность, а также специализацию, обратив особое внимание: на исполнение несвойственных ей функций, материальное обеспечение денежным довольствием, оружием и жильем, процедуры подбора и профессиональной подготовки кадров, карьерный рост и другие составляющие эффективности деятельности по обеспечению общественного порядка и спокойствия граждан империи. Члены комиссии уделили внимание такой специфической, сложной, с наличием правовых и

¹ С 8 июля 1906 г. по 5 сентября 1911 г. П. А. Столыпин одновременно был председателем совета министров Российской империи.

организационных проблем деятельности, как полицейский надзор, и внесли предложения по реформированию его таким образом, чтобы он работал на предупреждение правонарушений в первую очередь празднующихся граждан, склонных к совершению различных видов правонарушений. Как аргумент приводился опыт особого контроля местной полиции Италии за гражданами, нарушающими правила общежития, склонными к совершению правонарушений и которым принудительно установлено местожительство¹. Предлагалось подобную зарубежную практику использовать в России как дополнительное целенаправленное средство предупреждения правонарушений в следующих случаях:

1) для пресечения возможностей обвиняемому уклониться от следствия и суда («...отдача под особый надзор полиции» (пункт 2 статьи 416 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.)²;

2) после отбытия уголовного наказания с незначительным сроком, например, «за прошение милостыни, по лѣни и привычкѣ къ праздности...», когда виновные подвергались снисходительному наказанию – тюремному заключению до 1 месяца (статья 49 Уложения о наказаниях 1903 г.)³;

3) для осуществления надзора, учреждаемого над высылаемыми административным порядком по закону 12 марта 1882 г.

Не имелось в виду целей борьбы с такими видами правонарушений, как привычное тунеядство и умышленное нищенство, ради которых комиссией вырабатывались соответствующие правила.

Исследовательская часть. В рассматриваемый период времени Россия нуждалась в дополнительных эффективных мерах борьбы с преступностью. Это объяснялось тем, что в 1906, 1907 и 1908 гг. число осужденных за все уголовные преступления и проступки, соответственно, было 818 254; 936 575; 1 109 256 [2. – С. 59–66; 5. – С. 57, 150].

В 1906 г. количество уголовных дел об убийствах составляло 36 548 (25 на 100 тыс. населения). Предупреждение правонарушений требовало от государства принятия решительных и неотложных мер, к числу которых относилось и обеспечение действенного надзора полиции, которому

подлежали бы лица, опасные для спокойного общежития, склонные к правонарушениям.

Такой подход объяснялся тем, что установленный в то время действующим законодательством надзор полиции за лицами, отбывшими уголовное наказание, сводился лишь к некоторым ограничениям поднадзорных. Им было запрещено самостоятельно избирать себе место жительства, изменять его по собственной воле и отлучаться с него. Других ограничений отдача под надзор полиции для поднадзорных не устанавливала. Ввиду полной бесполезности такого правового мероприятия члены особого совещания при Государственном совете посчитали нежелательным вводить в редакцию соответствующих статей Уголовного уложения словосочетание «полицейский надзор» как не соответствующее существу дела.

По Уставу о предупреждении и пресечении преступлений (издание 1890 г.) полицейский надзор учреждался над лицами, вредными для общественного спокойствия. К преамбуле Устава имелось примечание 1, в нем говорилось: «Къ мѣрамъ предупрежденія и пресеченія преступленій относятся: отдача подѣ надзорѣ полиціи, воспрещеніе жительства въ столицахъ или иныхъ мѣстахъ, высылка административнымъ порядкомъ въ опредѣленные мѣстности Европейской или Азіатской Россіи, а также удаленіе иностранцевъ за границу. Мѣры сіи могутъ быть опредѣляемы, въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, порядкомъ, для сего установленныхъ, безъ формальнаго производства суда»⁴. Устав содержал и примечание 2: «Положенія: 1) о мѣрахъ къ охраненію государственнаго спокойствія и 2) о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей, при симъ приложены. Приложение къ статьѣ 1 (прим. 2). Положение о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей» (статьи 1–40).

Члены комиссии высказывались за полную отмену административной высылки как меры административного воздействия. С ее отменой должны отпасть и правила, определяющие порядок полицейского надзора за высланными. А следовательно, этот вид надзора утрачивал свое главное значение. Кроме этого, необходимо специально под-

¹ Утвержден законом Италии 8 декабря 1888 г.

² Устав Уголовного судопроизводства 1864 г.

³ Новое Уголовное Уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Съ приложеніемъ Предметнаго Алфавитнаго Указателя // С.-Петербургъ. Изданіе Каменноостровскаго Юридическаго Книжнаго Магазина В. П. Анисимова. 1903.

⁴ Сводъ уставовъ о предупрежденіи и пресеченіи преступлений. Изданіе 1890 г. // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. – Томъ XIV. – С. 97.

черкнуть, что правила об административном надзоре преследуют другую главную цель – воспрепятствование лицам, признаваемым неблагонадежными в политическом отношении, продолжить свою противоправную, направленную на свержение существующего строя деятельность.

Предполагалось, что полицейский надзор, предусматриваемый проектом Устава полицейского, стал бы преследовать совсем другие цели и имел распространение на других субъектов, в то время как в статье 247 Устава о предупреждении и пресечении преступлений говорилось: «Въ отношении поимки бродягъ, военныхъ бѣглецовъ и другихъ бѣглыхъ и ихъ освидѣтельствования, а также по надзору за тѣмъ, чтобы такія лица не были нигдѣ и никѣмъ принимаемы, держимы и укрываемы, полиція исполняетъ обязанности, изложенныя въ Уставѣ о Паспортахъ (статья 152, прил.: статьи 1–3, 5, 9, 17)»¹. В статье 152 Устава о паспортах говорилось: «Правила о беспаспортных, бродягах и беглых при сем приложены». Приложения 1, 2 и 5 гласили: «Строжайше запрещается давать пристанище беспаспортным, военным беглецам и другим беглым, кто бы какого звания ни был, и укрывать их; каждый обязан в случае, когда такой беглый к нему явится, преследовать его, ловить и представлять немедленно полиции... Особый надзор за поимкою бродяг, военных беглецов и других беглых и за соблюдением изложенных в предшедшей (1) статье правил поручается: а) в пределах ведомства волостного и сельского управления – Волостным Старшинам и сельским старостам...», «общий или главный надзор... поручается полиции, под строгим наблюдением Губернским Правлением...».

Целью намеченного комиссией полицейского надзора являлась необходимость обезопасить население от преступных посягательств со стороны так называемых «хулиганов», «котов», «сутенеров» и других подонков общества. Они, отвыкнув от труда, живя умышленным попрошайничеством и часто не останавливаясь перед преступлением, лишь бы иметь возможность продолжать праздный образ жизни, представляют для населения серьезную опасность, отрицательно воздействуют на общественный порядок и спокойствие граждан. Таким образом, оба вида полицейского

надзора, предусмотренные действующим тогда законодательством, не могли соответствовать обозначенной выше цели. Между тем принимать решительные меры против упомянутых опасных для мирного общества лиц, количество которых в последнее время увеличилось, представлялось необходимым. На это обстоятельство обратили внимание и члены Государственного совета при рассмотрении проекта Уголовного уложения. Изучение условий, порождающих преступность, привело к убеждению, что одними из важнейших причин, вызывающих хотя и не крупные, но в то же время не менее опасные для общества формы преступной деятельности, обращенной в промысел, являются тунеядство и праздность.

Краткосрочные виды лишения свободы, применяемые по корыстным преступлениям, возникающим на указанной почве, не приводили к желательным результатам. Преступник, выпущенный на свободу после непродолжительного тюремного заключения, не утрачивал привычки к праздности, и поэтому, попадая в прежние условия жизни, он силою вовлекался вновь в преступления, пока не совершит более тяжкого противоправного деяния и не подвергнется более суровому наказанию, как закоренелый рецидивист.

Продумывая способы устранения подобных явлений, Государственный совет счел полезным допустить более разнообразные и соответствующие условиям действительности приемы борьбы с преступностью. В частности, тунеядство и праздность, как зависящие от субъективных качеств человека и способствующие преступному поиску способов пропитания и наживы, рассматривались как обстоятельства, отягчающие вину, с присоединением к наказанию за совершенное преступление других мер, способных приучить к работе и вывести из неблагоприятных жизненных условий. Для этого предлагалось наделить суд правом помещать таких субъектов, выпущенных из тюрьмы, в работный дом (на срок от 6 месяцев до 2 лет). Ввиду приведенных суждений 22 марта 1903 г. в Уголовное уложение была внесена особая статья 32, предоставляющая суду указанное право: «Приговоренный к заключению в тюрьме, если суд признает его учинившим преступное деяние вследствие тунеядства или праздности, может по определению суда быть помещен непосредственно по отбытии заключения в тюрьме в работный дом на срок от шести месяцев до двух лет». Комиссия, со своей стороны, признает ее, однако считает не вполне достаточной: работных

¹ Сводъ уставовъ о предупрежденіи и пресеченіи преступлений. Изданіе 1890 г. // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. – Томъ XIV. – С. 242.

домов в империи почти не имеется. При этом нужно иметь в виду, что устройство домов потребует значительных денежных средств. Ожидать, что суды смогут фактически воспользоваться упомянутым правом, было бы не совсем правильным. Имеется еще одно обстоятельство: область применения статьи 32 крайне ограничена. Это связано с тем, что само Уголовное уложение в полном объеме еще не было введено. С другой стороны, согласно его положениям, в работные дома будут направляться лишь те из указанной выше категории лиц, которые уже совершили то или иное преступное деяние. Главнейшие задачи полиции составляют обеспечение общественной безопасности и, как результат этой полицейской деятельности, предупреждение преступных деяний. Ввиду этого необходимо изыскать такой способ борьбы с явно опасными для общежития слоями населения, который давал бы полиции возможность своевременно предупреждать с их стороны преступные посягательства.

По мнению членов комиссии, таким средством мог бы стать полицейский надзор, но надзор не формальный, а действенный, целенаправленный, который служил бы реальным способом изменения лицом своего предосудительного образа жизни, угрожающего и деформирующего правопорядок и спокойствие граждан. Для разрешения комплекса процедурных вопросов следовало обращаться к приложению II статьи 19 проекта Устава полицейского («Правила о полицейском надзоре»).

В нем перечислялись граждане, подлежащие полицейскому надзору при условии, если они:

«1) не имели определенных занятий, промышляли нищенством, невзирая на способность к труду, вследствие тунеядства или праздности, а равно лица, не имевшие определенных средств и оседлости и уклонявшиеся от поиска для себя работы (ст. 111 сего Устава¹);

2) навлекали на себя неоднократно (по удостоверению заслуживающих доверия местных жителей) подозрение в убийстве, поджоге, насилии, угрозах, либо в принадлежности к воровским

шайкам, краже, грабеже или же разбое, вымогательстве, пристанодержательстве, укрывательстве краденого и обманах, либо отбыли наказания за обозначенные преступные деяния;

3) навлекали, по удостоверению заслуживающих доверия местных жителей, на себя подозрение в подстрекательстве к насильственному захвату чужого имущества, или сопротивлению властям, или же массовым беспорядкам, угрожающим общественной безопасности;

4) не менее трех раз в течение одного года были осуждены и наказаны за появление в пьяном виде или буйстве в публичном месте, а также за нарушение общественного спокойствия»².

Инициатива установления надзора принадлежала начальнику местной полиции. Она реализовывалась на основании имеющихся у него сведений, сообщений правительственных учреждений, должностных лиц или заявлений сословных и общественных учреждений. Вся имеющаяся информация проверялась им лично или через посредство его подчиненных путем расспросов на местах и обязательным заслушиванием лица, в отношении которого предполагалось учреждение надзора. Все материалы по результатам проверки начальник местной полиции должен был представлять на рассмотрение особого губернского или городского по делам о полицейском надзоре присутствия. Особое губернское присутствие по делам о полицейском надзоре возглавлялось губернатором (председатель) и имело следующий состав: губернский предводитель дворянства; вице-губернатор; председатель либо член окружного суда (по назначению этого суда); помощник губернатора по полицейской части; прокурор окружного суда или его товарищ; председатель губернской земской управы и местный городской голова (или заменяющие их гласные, особо для этого избранные земским собранием или думой).

В особом городском по тем же делам присутствии, образуемом под председательством градоначальника, участвовали: помощник градоначальника и местные уездный предводитель дворянства и председатель уездной земской управы (или заменяющие их гласные, специально для этого избранные уездным земским собранием). Город-

¹ Статья 111 Устава полицейского: «Полиция наблюдает, чтобы лица, не имеющие определенных средств к жизни и оседлости и уклоняющиеся от приискания себе работы, не занимались празднотатанием. С лицами этими, а равно с занимающимися нищенством в виде промысла, полиция поступает по правилам, в приложении к статье 19 указанным».

² Устав полицейский // П. А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы : в 2 т. – М. : РОССПЭН, 2003. – Т. 2. – С. 179.

ские по делам о полицейском надзоре присутствия образовывались лишь в градоначальствах¹.

Особое присутствие при рассмотрении поступившего производства проверяло достаточность оснований для установления полицейского надзора. Оно было вправе требовать предоставления дополнительных сведений, справок, приглашать и заслушивать лиц, информация которых являлась важной для объективного решения вопроса. Лицо, о котором возбуждено производство, вызывалось в заседание присутствия для дачи объяснений. Неявка вызываемого к назначенному сроку не сказывалась на процедуре рассмотрения дела. Дело производства присутствия возлагалось на канцелярию губернатора (градоначальника) по полицейской части. Особое присутствие, по выяснению всех обстоятельств дела, принимало решение о прекращении производства или о применении к лицу, признанному опасным для общественного спокойствия и порядка, полицейского надзора на срок не свыше трех лет. Постановление это объявлялось поднадзорному и немедленно приводилось в исполнение. Оно могло обжаловаться (на общем основании) Правительствующему Сенату (по первому департаменту).

Заключение

I. Как видно из приведенного, лица и органы, задействованные в решении вопросов о полицейском надзоре, разрабатывавшемся Комиссией «По преобразованию полиции въ Имперіи» (1906–1911), наделялись комплексом прав и обязанностей. Права, обязанности, ограничения были направлены на профилактику совершения более опасных преступлений, нежели тунеядство и праздность.

II. Лица, отданные под полицейский надзор, имели следующие ограничения. Они не могли:

«1) пользоваться для удостоверения своей личности паспортными книжками, взамен которых им выдавались особые удостоверения по форме, утвержденной Министром внутренних дел. Однако

в удостоверениях этих не может быть указано, что лица, которым они выданы, находятся под полицейским надзором;

2) отлучаться без разрешения полицейского начальства из назначенного им места жительства;

3) состоять на государственной или общественной службе;

4) заниматься педагогической деятельностью;

5) торговать произведениями и принадлежностями, тиснениями, а равно служить в книжных лавках, библиотеках, типографиях, литографиях и тому подобных предприятиях;

6) содержать меблированные комнаты, постоялые дворы и квартиры с предоставлением комнат внаймы;

7) служить в трактирах, гостиницах и во всех заведениях, торгующих крепкими напитками, или увеселительных, а равно содержать подобные заведения;

8) устраивать публичные собрания, зрелища и увеселения;

9) принимать участие в управлении обществами или союзами, и хранить и носить оружие»².

III. Поднадзорные подчинялись полицейскому надзору на следующих основаниях:

«1) если эти лица приписаны к другим местностям Империи, то они, при учреждении над ними полицейского надзора, водворяются в означенные местности и подчиняются таковому в месте их приписки;

2) если указанные лица нигде не приписаны или приписаны в упомянутых городах и местностях, то они водворяются на жительство в пределы той губернии, где возникло производство об отдаче их под полицейский надзор, по усмотрению местного губернатора, вне означенных местностей и городов. По ходатайству таких поднадзорных о водворении их в пределы иной губернии, они передаются в распоряжение соответствующего губернатора, от которого и зависит определение им места жительства, с соблюдением, однако, приведенных правил»³.

IV. Поднадзорные, нарушавшие общественный порядок, совершавшие правонарушения, по распоряжению губернатора переводились в те

¹ Примечание 1. В местностях, где не имеется дворянского представительства или не введены ни Положение о земских учреждениях, ни Положение об управлении земским хозяйством, в состав особых губернских по делам о полицейском надзоре присутствий входят, взамен предводителя дворянства и председателя земской управы, непременные члены губернских или губернских по крестьянским делам присутствий. Примечание 2. В Николаевском и Керч-Еникальском градоначальствах, в заседаниях особых городских по делам о полицейском надзоре присутствий принимают участие, на правах членов, местные полицмейстеры.

² Устав полицейский // П. А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы : в 2 т. – Т. 2. – М. : РОССПЭН, 2003. – С. 180–181.

³ Устав полицейский // П. А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы : в 2 т. – Т. 2. – М. : РОССПЭН, 2003. – С. 181.

местности губернии, где их пребывание было менее вредным общественному спокойствию и порядку. Временное отсутствие лиц, находящихся под полицейским надзором, в местах их водворения разрешалось на срок не свыше двух недель. Разрешение отсутствия в уезде предоставлялось начальнику местной полиции, а в пределах губернии – губернатору. Перевод поднадзорных в другие губернии разрешался в исключительных случаях местным губернатором, с согласия начальника той губернии, куда предполагался переезд.

V. Для наблюдения за занятиями и образом жизни поднадзорных полиции предоставлялось право в любое время суток посещать занимаемые ими помещения. Распоряжения полиции по применению правил о полицейском надзоре могли обжаловаться поднадзорными в семидневный срок со дня их объявления. Жалобы приносились губернатору, решения которого считались окончательными.

Срок полицейского надзора, в случае безупречного поведения лица, мог сокращаться постановлением местного особого губернского по делам о полицейском надзоре присутствия, по предложению губернатора или по представлению начальника местной полиции.

VI. Можно предположить, что законопроекты, разработанные Комиссией «По преобразованию полиции въ Имперіи» под председательством Сенатора А. А. Макарова с идеями бывшего министра внутренних дел царской империи П. А. Столыпина, оказались бы полезными для деятельности полиции того времени. Они эффективно работали бы на предупреждение преступлений и, конечно, сказались бы на нормализации общественного порядка вплоть до 1917 г. Следует сказать и о том, что положения, заложенные в полицейском надзоре, являются актуальными и значимыми для деятельности современной полиции Российской Федерации.

Список литературы

1. Казанина Л. Ю., Шурухнов Н. Г. Столыпин Петр Аркадьевич и базовые компоненты его программы модернизации России: построение правового государства и гражданского общества // Социально-политические науки. – Т. 12. – 2022. – № 3. – С. 52–57.
2. Остроумов С. С. Преступность в годы, предшествующие первой русской революции, и в период ее совершения // Преступность и ее причины в дореволюционной России. – М. : Изд-во Московского университета, 1980.
3. Смит У., Солженицын А. И. Царь. Столыпин. Ленин // Красное колесо. – М. : АСТ; У-факторил, 2008.
4. Солженицын А. И. Петр Аркадьевич Столыпин // Красное колесо. Август Четырнадцатого : собр. соч. : в 30 т. – Гл. 65. – М., 2006.
5. Тарновский Е. Н. Движение преступности в Российской империи за 1899–1908 гг. // Журнал Министерства юстиции. – 1909. – № 9. – С. 57.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-2-28-34>

Преодоление этносоциальных барьеров сотрудником полиции в процессе осуществления профессиональной деятельности и реализации принципа беспристрастности

Ю. С. Белокурова

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры правовой и гуманитарной подготовки
Тверского филиала Московского университета
МВД России им. В. Я. Кикотя.
Адрес: Тверской филиал Московского университета
МВД России им. В. Я. Кикотя,
170040, Тверь, ул. Кривичская, д. 12.
E-mail: nikiforoy@yandex.ru

С. П. Жданов

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова,
доцент кафедры «Таможенное право и организация таможенного дела»
Российского университета транспорта (МИИТ),
доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г. С. Арефьевой
Национального исследовательского университета «МЭИ».
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36,
ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»,
127994, Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
111250, Москва, Красноказарменная ул., д. 14.
E-mail: zhdanov120009@yandex.ru

Overcoming Ethnic and Social Barriers by a Police Officer in the Process of Carrying out Professional Activities and Implementing the Principle of Impartiality

Ju. S. Belokurova

PhD, Associate Professor
of the Department of Legal and Humanitarian Training of the Tver Branch
of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Named after V. Ya. Kikotya.
Address: Tver Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Named after V. Ya. Kikotya,
12 Krivichskaya Street, Tver, 170040, Russian Federation.
E-mail: nikiforoy@yandex.ru

S. P. Zhdanov

PhD, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Associate Professor of the Department
of «Customs Law and Organization of Customs Affairs»
of the Federal State Institution of Higher Education «Russian University of Transport»,
Associate Professor of the Department of Philosophy, Political Science,
Sociology Named after G. S. Arefieva
of the National Research University «Moscow Power Engineering Institute».
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation,
Federal State Institution of Higher Education «Russian University of Transport»,
9 Obratsova Street, Building 9, Moscow, 127994, Russian Federation,
National Research University «Moscow Power Engineering Institute»,
14 Krasnokazarmennaya Street, Moscow, 111250, Russian Federation.
E-mail: zhdanov120009@yandex.ru

Аннотация

В статье ставится проблема этносоциальных барьеров, затрудняющих реализацию профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел. В результате проведения исследования авторы заключают, что сотрудник органов внутренних дел в своей профессиональной деятельности, будучи представителем определенной этнической общности, неизбежно сталкивается с носителями различных этнических культур, подчас демонстрирующих непривычные или даже неприемлемые для него образцы поведения, основания которых для участников данных отношений могут быть неочевидны. Авторы полагают, что одной из задач современных научных исследований является выявление барьеров этносоциального характера, препятствующих конструктивному взаимодействию сотрудника органов внутренних дел как со своими коллегами, так и с индивидами, выходцами из различных этнических общностей, что, в свою очередь, позволит локализовать направления подготовки сотрудников к профессиональной деятельности в полиэтнической среде. В рамках проводимого исследования обосновывается классификация этносоциальных барьеров. В качестве наиболее значимых авторами выделяются личностные этносоциальные барьеры. Также авторами предложены основные направления подготовки сотрудников ОВД к преодолению этносоциальных барьеров, обосновываются предложения по изменению действующего законодательства.

Ключевые слова: этносоциальный барьер, личностный этносоциальный барьер, этнокогнитивный барьер, этноэмоциональный барьер, поведенческий барьер.

Abstract

In the article pose the problem of ethno-social barriers that make it difficult to implement the professional activities of an employee of the internal affairs bodies. As a result of the study, the authors conclude that an employee of the internal affairs bodies in his professional activity, being a representative of a certain ethnic community, inevitably encounters carriers of various ethnic cultures, sometimes demonstrating unusual or even unacceptable patterns of behavior for him, the reasons for which may not be obvious to the participants of these relations. The authors believe that one of the tasks of modern scientific research is to identify barriers of an ethno-social nature that prevent constructive interaction of an employee of the internal affairs bodies, both with his colleagues and with individuals from various ethnic communities, which in turn will allow localizing the directions of training employees for professional activity in a multiethnic environment. Within the framework of the conducted research, the classification of ethnosocial barriers is substantiated. As the most significant, the authors identify personal ethno-social barriers. The authors also propose the main directions of training police officers to overcome ethno-social barriers, substantiate proposals to change the current legislation.

Keywords: ethno-social barrier, personal ethno-social barrier, ethnocognitive barrier, ethno-emotional barrier, behavioral barrier.

циального многообразия, а также активизация этносоциального ренессанса. Социальная напряженность происходящих общественных процессов, проявляющая себя в регулярном недоверии и враждебности по отношению к представителям другой национальности, на резком неприятии ценностей и особенностей других этносов, обуславливает актуальность исследования.

В период разнонаправленности процессов общественного развития, неустойчивости и нестабильности различных сфер жизни общества, возрастает значимость правоохранительных органов, призванных гарантировать полноценное функционирование различных социальных институтов цивилизованного способа бытия, а также оказывать прагматическое влияние на их прогрессивное совершенствование. Причем если темпы изменений в обществе возрастают, привычные модели взаимодействия, в том числе и при осуществлении профессиональной деятельности, теряют свою эффективность. Дополнительным фактором возможной дестабилизации общества становятся новые вызовы в системе межэтнического взаимодействия, которое не всегда осуществляется бесконфликтно и конструктивно, что формирует предпосылки к развитию социальной напряженности на всех уровнях социальной организации.

В условиях нарастающих геополитических вызовов, рельефно обозначивших себя сегодня, освященных межэтническими противоречиями и демонстрирующих увеличение националистических настроений, структурно очерчивается недоверие субъектов друг к другу. Данный факт обусловлен не на осмыслении личностного опыта сотрудничества с представителями того или иного этноса, а на предубеждениях и навязанных кем-то стереотипах и установках.

Органы внутренних дел являются одним из ведущих институтов, который решает задачи профилактики и предотвращения социальных конфликтов на этнической почве, а также связанных с ними правонарушений. При этом конкретным исполнителем поставленных задач является сотрудник органов внутренних дел, что актуализирует значимость формирования у него личностной готовности к осуществлению профессиональной деятельности в полиэтнической среде.

Личность развивается на основе определенной этнокультуры, причем на ее успешную интеграцию в различные виды деятельности влияют язык, обычаи и традиции. Именно это дает воз-

можность определить личность как этнокультурно-историческое существо.

Сотрудник органов внутренних дел в своей профессиональной и повседневной жизнедеятельности, являясь объективно представителем определенной этнической общности, неизбежно сталкивается с носителями различных этнических культур, подчас демонстрирующих непривычные или даже неприемлемые для него образцы поведения, основания которых для участников данных отношений могут быть неочевидны. С одной стороны, это расширяет представления сотрудника органов внутренних дел о возможном многообразии обычаев, традиций, символов, смыслов и т. д., но с другой стороны – затрудняет его вхождение в процессы взаимодействия, создает предпосылки к непониманию, неприятию иного и даже к проявлениям ксенофобии, национализма и расизма, что не допустимо для представителя государства, каковым он является.

Сотруднику органов внутренних дел необходимо формировать готовность к контактам и взаимодействию с индивидами, имеющими подчас своеобразное правосознание. Следовательно, одной из актуальных научно-педагогических задач следует считать выявление барьеров этносоциального характера, препятствующих конструктивному взаимодействию сотрудника органов внутренних дел как со своими коллегами, так и с индивидами, выходцами из различных этнических общностей, что, в свою очередь, позволит локализовать направления подготовки сотрудников к профессиональной деятельности в полиэтнической среде.

Этнический ренессанс последних десятилетий XX в. и первых десятилетий XXI в. детерминировал внимание исследователей к проблеме межэтнического взаимодействия и формирования готовности индивидов к конструктивному диалогу с представителями различных этносов. Закономерно, что определенное внимание авторы стали уделять проблеме профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел в динамичной социальной среде, насыщенной проявлениями различных этнических культур.

Особенно это внимание проявило себя в 1910-х гг. XX в. К. С. Григорьева рассмотрела этничность как социальный ресурс в деятельности правоохранительных органов, отмечая, что индивиды могут использовать различные стратегии компенсации затруднений во взаимодей-

ствии, связанных с особенностями этнических культур [1. – С. 84–86]. Взаимосвязь этносоциальной структуры общества с проблемами государственной безопасности исследовали Л. Перепелкин, В. Стельмах [5]. Структуру и содержание этнокультурной компетентности сотрудников правоохранительных органов рассматривают Е. В. Скворцова, Б. Н. Селин, О. И. Титова, Н. Н. Крыжевская, Д. С. Аврагимов, Ю. В. Жикривецкая и др. Проблемы этнопсихологии служебных отношений в коллективах органов внутренних дел изучают В. О. Зверев, А. С. Максимов, Е. А. Тихонова и др. [4] Однако следует отметить, что этносоциальным барьерам в профессиональной деятельности сотрудников ОВД до настоящего времени не уделяется достаточного внимания.

В контексте рассуждений считаем необходимым уточнить содержание дефиниции «этносоциальный барьер». Следует отметить, что понятие барьера авторы активно используют, описывая процессы выстраивания коммуникации вообще и в частности межкультурной коммуникации. Обобщая предложенное исследователями толкование феномена барьера межкультурной коммуникации, можно сделать вывод, что прежде всего под *барьером межкультурной коммуникации* понимается совокупность факторов, препятствующих достижению взаимопонимания коммуникантов¹. Фиксируя внимание на социокультурных барьерах в русле профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел, следует говорить о личностных характеристиках субъектов данной деятельности в контексте их этнических особенностей, а также об особенностях наличествующей этносоциальной среды, препятствующих или затрудняющих вхождение в профессиональные или иные социальные отношения и осуществление бесконфликтного и конструктивного социального взаимодействия.

Таким образом, этносоциальные барьеры могут быть связаны, во-первых, с личностными и этнически детерминированными качествами и чертами сотрудника органов внутренних дел; во-вторых, с личностными и этническими чертами его коллеги или иного лица, с которым осуществляется контакт или взаимодействие;

в-третьих, с особенностями способов и средств вербальной и невербальной коммуникации в процессе взаимодействия, которые используются субъектами и неизбежно связаны с их опытом межличностных и межэтнических отношений. Выявленные связи определяют направления поиска этносоциальных барьеров профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел.

Выявление личностных этносоциальных барьеров в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел следует осуществлять с опорой на понимание ключевых характеристик этнического самосознания индивида. Опираясь на исследования Ю. В. Бромлея, Ф. Бранта, Л. Н. Гумилева, В. А. Тишкова, С. А. Токорева и других авторов, Е. А. Ерохина делает обоснованный вывод, что этническое самосознание необходимо рассматривать, как «сложное системное образование, включающее когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты» [2. – С. 76]. Соглашаясь с выводами исследователя, подчеркнем, что предложенная структура этнического самосознания определяет возможный подход к классификации личностных этносоциальных барьеров. Исходя из вышеизложенного, считаем возможным выделить следующие их виды: этнокогнитивные, этноэмоциональные, поведенческие.

Раскрывая сущность заявленных вариантов этносоциальных барьеров в профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел, следует акцентировать специфику его профессиональной деятельности, которая определяет особые требования к его личности. Исследователи сходятся в выводах о том, что имеются основные особенности профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел. По мнению В. В. Стеценко, это:

- «правовая регламентация (нормативность) профессионального поведения, (принимаемых) решений сотрудников органов внутренних дел, профессионально участвующих в правоохранительной деятельности;
- властный, обязательный характер профессиональных полномочий должностных лиц органов внутренних дел;
- экстремальный характер правоохранительной деятельности;
- нестандартный, творческий характер труда;

¹ См.: Жукова И. Н. и др. Словарь терминов межкультурной коммуникации / под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. – М.: Флинта; Наука, 2013. – С. 35.

— процессуальная самостоятельность и персональная ответственность» [6. – С. 104].

Таким образом, сотрудник органов внутренних дел должен: знать нормы права в целом, а также нормы права, регламентирующие его профессиональную деятельность; позитивно относиться к правомерному поведению и негативно – к правонарушениям; быть готовым совершать профессиональные действия самостоятельно в строгом соответствии с правовыми установками, а также добиваться правомерного поведения от других в экстремальных и нестандартных ситуациях.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что понимание сущности права, а также сущности правомерного поведения и эмоциональное отношение к феномену права в целом и феномену, регламентированному правом поведения, у представителей различных этносов неоднозначно. Так, изучив обычное право в контексте феномена этнического самосознания малых народов России, А. Н. Халтурин сделал обоснованный вывод о том, что «государственное и этническое обычное право функционируют в традиционной культуре коренных народов параллельно» [7. – С. 105]. Эти виды права, более того, в определенных ситуациях могут вступать в противоречие. Следовательно, сотрудник органов внутренних дел может столкнуться с этносоциальным барьером когнитивного плана, который определяется *отличием его понимания* сущности права в целом, конкретной правовой нормы или правомерного поведения от понимания об этом представителя иной этнической общности, что однозначно затруднит его профессиональную деятельность, направленную на установление и охрану правопорядка.

Другим этносоциальным барьером когнитивного плана является неоднозначность в *толковании* того или иного поступка, в том числе и регулируемого нормами права, представителями различных этнических общностей, *осуществляемом на основе ценностных ориентиров*, заданных особенностями этнической культуры. Так, известны различные оттенки трактовки в культуре этносов феномена справедливости, что аргументированно представлено в исследовании Т. Ю. Якушевой [9].

Акцентируя внимание на сущности этноэмоционального барьера, следует отметить, что так же, как и знак эмоции – яркость, способ ее проявления трактуются представителями этнических

общностей в соответствии со сложившимися в их культуре неписаными правилами.

Исследуя духовные и культурные аспекты распознавания эмоций представителями разных этносов, Е. М. Хворова обосновывает, что традиционно затруднения в распознавании эмоций связаны не только с тем, что они проявляются совершенно по-разному на лицах представителей разных этносов, национальностей, культур, но и с особенностью их выражения [8. – С. 49].

Этносоциальный поведенческий барьер определяется принятыми в той или иной этнической культуре моделями поведения и особенностями в трактовке его смысла, которые детерминированы сложившимися морально-нравственными ориентирами. И. И. Зайлалов однозначно подчеркивает, что «именно этносоциальные установки формируют всевозможные стереотипы: чувствования, поведенческих реакций, познания других людей» [3. – С. 24]. Вместе с тем трактовка смысла поведения довольно часто зависит от сложившихся этнических стереотипов. «То, что применительно к собственному народу можно назвать экономностью, применительно к другому может именоваться скупостью, а то, что у себя характеризуется как настойчивость, твердость характера, – у «чужака» называется упрямством», – справедливо отмечает И. И. Зайлалов, анализируя особенности поведения личности в этнической общности.

Этнокогнитивный, этноэмоциональный и поведенческий барьеры профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел теснейшим образом взаимосвязаны и взаимно усиливают друг друга. Соответственно, преодоление любого из означенных барьеров требует усилий по преодолению и всех остальных.

Следует сделать вывод об актуальности формирования у сотрудников органов внутренних дел открытости к расширению знаний об особенностях обычаев, традиций, быта, правилах поведения и особенностях эмоциональной культуры, а также сложившихся у представителей этнических культур моделей поведения и деятельности в отношениях «свой – чужой», «свой – свой», «я – власть», «мужчина – женщина» и т. д. Необходимо признать, что умение видеть ситуацию взаимодействия со стороны партнера (с учетом особенностей его этнической культуры) становится значимым условием повышения эффективности решения профессиональных задач сотрудников органов внутренних дел.

Данные факты актуализируют необходимость формировать у сотрудников органов внутренних дел дивергентность мышления, которая заключается в их умении и способности мыслить в разных направлениях. Именно дивергентность мышления дает возможность находить нестандартные решения в устранении возможных этнических стереотипов, языковых и культурных лакун, помогает представителям различных этносов мыслить разносторонне, а подчас и критически, понимать и принимать иную культуру.

К основным видам личностных этносоциальных барьеров в профессиональной деятельности сотрудника ОВД следует отнести этнокогнитивные, этноэмоциональные и поведенческие барьеры. Преодоление их определяется уровнем его подготовки к этносоциальному взаимодействию, которая должна включать следующие направления: развитие системы знаний об особенностях понимания и интерпретации феномена права, а также правомерного и неправомерного поведения представителей этнических групп; формирование представлений об особенностях психоэмоционального отношения индивидов к праву, правоприменению, юридически значимым поступкам в контексте их этнической идентичности; овладение моделями поведения, позволяющим эффективно добиваться профессиональных целей в полиэтничной среде.

Исторически сложившееся полиэтничное общество российского государства обуславливает привлечение внимания к преодолению этносоциальных барьеров. В настоящее время различные этногруппы настойчиво отстаивают свои права и интересы, тем самым повышая значение этносоциального фактора в государственной жизни общества.

Полиция, являясь органом государственной власти Российской Федерации, заинтересована в минимизации возникновения конфликтов при

взаимоотношениях между представителями различных этносов.

Таким образом, современная ситуация развития полиэтничности социума детерминирует значимость готовности сотрудников ОВД к преодолению этносоциальных барьеров в их профессиональной деятельности. Этносоциальные барьеры во многом связаны с личностными характеристиками субъектов данной деятельности в контексте их этнической идентичности; с особенностями наличествующей этносоциальной среды, препятствующими или затрудняющими вхождение в профессиональные или иные социальные отношения, а также создающие помехи для осуществления бесконфликтного и конструктивного социального взаимодействия на правовом поле.

Способность сотрудника органов внутренних дел преодолевать этносоциальные барьеры предоставляет ему возможность оценить самобытность и особенность способов и форм существования определенных этнических общностей, структурно очертить свою профессиональную компетентность, охарактеризованную разумным расчетом условий и возможностей взаимодействия с ними, основанную на принципе беспристрастности деятельности полиции.

Указанные положения обуславливают необходимость эволюции и реформирования нормативных правовых актов Российской Федерации, в целях сохранения этносоциального наследия нашей страны, а также концептуального закрепления необходимости преодоления этносоциальных барьеров сотрудниками полиции в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

На основании вышеизложенного, предлагаем внести изменения в пункт 3 статьи 7 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», дополнив его словами «преодолевать этносоциальные барьеры, возникающие в процессе профессиональной деятельности».

Список литературы

1. Григорьева К. С. Этничность как социальный ресурс и барьер (на примере этнических общин Краснодарского края) // Мир России. Социология. Этнология. – 2017. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnichnost-kak-sotsialnyy-resurs-i-barier-na-primere-etnicheskih-obschin-krasnodarskogo-kрая>
2. Ерохина Е. А. Этническое самосознание: теоретический конструкт и ментальный феномен // Новые исследования Тувы. – 2017. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskoe-samosoznanie-teoreticheskiy-konstruk-i-mentalnyy-fenomen>

3. Зайлалов И. И. Поведение личности в этнической общности // Дискуссия. – 2012. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povedenie-lichnosti-v-etnicheskoj-obschnosti> (дата обращения: 06.04.2023).
4. Зверев В. О., Максимов А. С., Тихонова Е. А. Этнопсихология служебных отношений в коллективах органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2019. – № 4 (79). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopsihologiya-sluzhebnyh-otnosheniy-v-kollektivah-organov-vnutrennih-del>
5. Перепелкин Л., Стельмах В. Этнокультурная безопасность России: общественные вызовы и государственная политика // Россия и мусульманский мир. – 2003. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnaya-bezopasnost-rossii-obschestvennye-vyzovy-i-gosudarstvennaya-politika>
6. Стеценко В. В. Психологические особенности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: рефлексивный аспект // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2016. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-professionalnoy-deyatelnosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-refleksivnyy-aspekt>
7. Халтурин А. Н. Обычное право и этническое правосознание // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obychnoe-pravo-i-etnicheskoe-pravosoznanie>
8. Хворова Е. М. Культурные и духовные аспекты распознавания эмоций представителями разных этносов // Акмеология. – 2017. – № 1 (61). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-i-duhovnye-aspekty-raspoznavaniya-emotsiy-predstavitelyami-raznyh-etnosov>
9. Якушева Т. Ю. Концептуализация «справедливости» в православной культуре // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Серия: Социальные науки. – 2008. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-spravedlivosti-v-pravoslavnoy-kulture>

Субъекты реализации криминологической политики в Кыргызской Республике

К. К. Атабеков

кандидат юридических наук, доцент, профессор юридической программы
Чуйского Университета.

Адрес: Учреждение «Чуйский Университет имени Султана Мамбеткалиева»,
720071, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Суюмбаева, д. 123/3.

E-mail: kairat44@mail.ru

Subjects of Implementation of Criminological Policy in the Kyrgyz Republic

K. K. Atabekov

PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Law Program
of the Chui University.

Address: Chui University named after Sultan Mambetkaliev,
123/3 Suiumbaev Str., Bishkek, 720071, Kyrgyz Republic.

E-mail: kairat44@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются наиболее актуальные общетеоретические вопросы эффективной реализации современной криминологической политики в Кыргызской Республике. Упоминаются различные подходы к криминологической политике и дается обобщение соответствующих теоретических концептов, получивших развитие за последние столетия. Тем не менее основное внимание уделяется современной криминологической ситуации на международном уровне и международному сотрудничеству в области прогнозирования, предупреждения и расследования преступлений. Обращаясь к теме государственных учреждений, ответственных за криминологическую политику, авторы рассматривают ситуацию в нескольких разных странах. Подчеркивается важность адаптации правовых институтов к новым социально-экономическим условиям. В связи с этим криминологическая политика рассматривается как комплекс наиболее эффективных и в то же время наиболее гуманных инструментов предупреждения преступности. Отмечается стратегический характер криминологической политики по отношению к мерам кратко- и среднесрочного характера, ее тесная связь с социальными и политическими науками и, как следствие, важность междисциплинарного диалога. Обосновывается авторское видение классификации субъектов, обеспечивающих реализацию криминологической политики. Подробно описываются существующие спорные теоретические проблемы и предлагаются механизмы их разрешения в ближайшей перспективе. Наряду с этим формируются основные задачи криминологической политики Кыргызской Республики.

Ключевые слова: криминологическая политика, субъекты, криминология, парламент, правительство, прокуратура, суд, права, юридическая наука, философия, терроризм, радикализм, преступное поведение, международное сотрудничество, транснациональная преступность.

Abstract

This article discusses the most relevant general theoretical issues of effective implementation of modern criminological policy in the Kyrgyz Republic. Various approaches to criminological policy are mentioned, and a generalization of the relevant theoretical concepts that have been developed over the past centuries is given. Nevertheless, the main attention is paid to the current criminological situation at the international level and international cooperation in the field of forecasting, prevention and investigation of crimes. Turning to the topic of state institutions responsible for criminological policy, the authors consider the situation in several different countries. The importance of adapting legal institutions to new socio-economic conditions is emphasized. In this regard, criminological policy is considered as a set of the most effective and at the same time the most humane tools for crime prevention. The strategic nature of criminological policy in relation to short- and medium-term measures, its close connection with social and political sciences and, as a consequence, the importance of interdisciplinary dialogue is noted. The author's vision of the classification of subjects ensuring the implementation of criminological policy is substantiated. The existing controversial theoretical problems are

described in detail and mechanisms for their resolution in the near future are proposed. Along with this, the main tasks of the criminological policy of the Kyrgyz Republic are being formed.

Keywords: criminological policy, subjects, criminology, parliament, government, prosecutor's office, court, rights, jurisprudence, philosophy, terrorism, radicalism, criminal behavior, international cooperation, transnational criminality.

"Subject" as a term comes from the Latin word "subjectus" ("subjacent") and is considered in various meanings. In the explanatory dictionary of the Russian language, in general terms, a "subject" means a person or a group of persons, a collective, an organization that is an active participant in any act or process¹.

This term has received wide scientific development in philosophy, which plays an important role in the development of the initial provisions of any science, including legal science. The significance of the developments of the categorical apparatus in philosophy and influence thereof on the legal sciences is expressed in the fact that philosophy carries the methodological principles subjacent to any science or field of knowledge. On this occasion, the well-known technologist M. S. Strogovich rightly pointed out the need to pay due attention to the philosophical substantiation of legal problems. "The most important problems of legal science," he noted, "can be correctly solved only if they are deeply and seriously philosophically substantiated. There are errors and ambiguities in questions about the objective and subjective in social phenomena and relations, and these issues are extremely important in the legal regulation of social relations" [10].

In philosophy, "subject" is a concept used already by Aristotle, as well as in the later Middle Ages, in the sense of substance – an objective reality, something unchanging as opposed to changing states and properties. Only since the 17th century, this concept has been used in its modern sense, i. e. as a designation of a psychological-theoretical-cognitive "I" opposed to something else – "not-I", an object, an object, or as a designation of an objectified "I", i. e. an individual who is opposed, opposed by an object and who directs his cognition or action on this object – in this respect, it acts as a "subject of knowledge", "subject of action"².

As philosophical science develops, a consistent process of profiling the category of "subject" takes

place, which, speaking in various guises, is certainly directed to a certain "object". Thus, the famous German philosopher Kant, already proceeding from the objective identity of the subject and object, believed that real things affect the subject and induce him to the activity of cognition. "The entire content of thinking," wrote Kant, "depends on external experience, is subject to objective necessity" [6].

Thus, in philosophy as a fundamental science about the most general patterns of development of nature, human society and thinking, the "subject" is considered in conjunction with the "object". The subject has consciousness and will, the ability to purposeful activity, focused on a particular object.

In legal science, the category "object" is considered through the prism of its specific properties, features, purpose. In the general theory of law, the term "subject of law" is widely used, the development of the content of which is given considerable attention. In general terms, the subject of law is understood as a person (physical and legal), who, in accordance with the law, has the opportunity to have and exercise directly or through a representative the rights and legal obligations³. Pointing to the general theoretical definition of the subject of law, G. V. Ignatenko rightly notes that it "... is connected with the statement of the subjective right to participate in relations regulated by legal norms"⁴. Thus, the immanent quality of a subject of law (both an individual and a legal entity) is the possession of certain rights and obligations provided for by law, and the ability to implement them in certain social relations regulated by legal norms. The rules of law give subjects subjective rights to perform certain actions and at the same time impose legal obligations on them, the implementation of which contributes to the implementation of the rules of law, "the implementation of legal relations through the relevant rules of law, which are a way to implement the rules of law." [10].

¹ Big Explanatory Dictionary of the Russian Language / Chief Ed. S. A. Kuznetsov. – Saint Petersburg : Norint, 1998. – P. 1286.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ International Law: Textbook / Executive Editor G. V. Ignatenko, Prof. O. I. Tiunov. – M. : NORMA – INFRA-M, 2001. – P. 624.

The subjects of law exercise their rights and obligations within the framework of certain social relations, the legal form of which is legal relations that proceed on the basis of legal norms. According to O. O. Mironov, "such a transformation is possible due to the regulation by the norms of law of objectively existing relations between the subjects of public relations, which in legal relations act in the form of mutual rights and obligations" [8]. Considering that social relations are an object of law, which follows from the nature of one of the main functions of law – the regulation of these relations [3], we can assume the following: subjects endowed with subjective rights and legal obligations interact with each other depending on social relations (object), thereby giving them a certain specificity, allowing them to be distinguished from the general mass of relations.

Let us recall that public relations in the field of criminological policy, regulated by the rule of law, represent a wide range of individuals and organizations endowed with mutual rights and obligations, which characterizes them as subjects of law.

"...The study of any branch of law and the area of public relations regulated by it," – V. P. Bozhev, it is important to determine exactly whose actions are regulated by this branch of law, firstly, and who enters into specific legal relations in the process of implementing the rules of law, secondly. In other words, it is necessary to determine who is the subject of law and who is the subject of the legal relationship" [3]. It seems that ignoring these terms would be unjustified. In this regard, we will also point out some provisions of the general theory of law on the ambiguity of the concepts "subject of law" and "subject of legal relationship". In particular, S. S. Alekseev, noting the differences between them, writes: "the subject of law is a person with legal personality, that is, potentially capable of being a participant in legal relations, and the subject of legal relations is a real participant in these legal relations" [1].

S. F. Kechekyan proposed to abandon the concept of the subject of legal relations and be content only with the concept of "subject of law", understanding by it both potential and real participants in the legal relationship [7]. O. O. Mironov, it seems, reasonably criticized this point of view and noted that "the subject of a legal relationship is a participant in a specific legal relationship, and the subject of law is a person who

is not yet such, but under certain conditions can become one" [8]. One should agree with this statement, since "not every subject of law is a subject of a legal relationship, but every subject of a legal relationship is a subject of law" [3].

It should be noted that the term "participant of the legal relationship" stands out in the literature. Fundamentally not objecting to the concept of "subject of legal relations" as narrower in content than "subject of law", R. O. Halfina considers it unsuccessful due to the similarity of the names. More acceptable and accurate, in the opinion of this author, is the term "participant of the legal relationship" [5]. It seems that the author's argument is quite convincing.

In view of the foregoing, it seems necessary to give a gradation description of the two concepts – "subject of law" and "subject (participant) of legal relations", based on the content of criminological policy and the features that take place in this area of legal relations.

The subject of law is the one who, by virtue of his legal properties, by virtue of his actual situation, has the opportunity to participate in specific legal relations, assuming appropriate rights and obligations¹. Accordingly, the subject of the implementation of criminological policy can potentially be a participant in legal relations arising in this area, in cases where he is the bearer of certain subjective rights and legal obligations. The opportunity to be the subject of legal relations in the implementation of criminological policy is manifested in the actual implementation by the subject of his legal rights and obligations, regulated by the norms of the relevant law.

"Obviously," wrote V. Ya. Boitsov, "the position that the subjects of legal relations of any kind can be understood only as their participants, acting as parties to the relevant legal relations, does not need special proof" [2]. Therefore, the subject of the legal relationship can be a specific participant in public relations, which, with the help of the rule of law, is endowed with various powers (permits, permissions, instructions), duties (prohibitions, obligations) and thereby becomes the subject of legal relations arising in the implementation of criminological policy.

Thus, the characteristic features inherent in the subjects of the implementation of criminological

¹ International Law: Textbook / Executive Editor G. V. Ignatenko, Prof. O. I. Tiunov. – M.: NORMA – INFRA-M, 2001. – P. 624.

policy, which are of key importance, are: a) the likely possibility of their participation in legal relations that arise, change and terminate in this area and b) the possession of certain subjective rights and legal obligations and the possibility of their implementation. With this in mind, it can be assumed that the subject of the implementation of criminological policy is the bearer (individual or organization) of legal rights and obligations, in fact realizing which, he is able to take part in public relations regulated by the rule of law that arise, change and terminate in the field of implementation of criminological politicians.

The subjects of the implementation of criminological policy are so numerous and diverse that they must be classified, united according to homogeneous characteristics into certain groups. Undoubtedly, the classification has both scientific and practical significance for a deeper identification of the features of the status of the subjects of the implementation of criminological policy.

Classification is undertaken to identify those systematizing properties of objects that reflect their common features and specific features. A wide range of subjects performs a different role in the process of implementing the norms of the institution in question. Taking into account the peculiarities inherent in a particular subject, which are expressed in the specifics of the implementation of its activities, it seems possible to combine them into groups taking into account certain characteristic features, thereby classifying them.

The implementation of the norms of the institution under consideration is carried out within the framework of legal relations, in which, accordingly, only a certain circle of subjects can participate.

Taking into account the specifics of legal relations, the subjects of this institution can be divided into two main groups:

Subjects of law-making

Subjects of the right to apply, which are bodies and organizations whose activities are related to solving the problems of crime prevention.

Subjects of observance, execution and use of legal norms

First of all, the state belongs to the first group of subjects, the exclusive competence of which includes the implementation of the initial form of the realization of the right – the creation and adoption of the norms of criminological policy.

The second group of subjects includes subjects endowed with rights and obligations by law, capable

of exercising them within the framework of these legal relations. This group includes: bodies of state executive power and their officials.

The third group includes persons who have their own legitimate interest.

With this in mind, these items can be divided into the following groups:

- 1) state bodies;
- 2) officials;
- 3) citizens (individuals).

The group of subjects for the implementation of criminological policy should also include some central state bodies, for example, the General Prosecutor's Office of the Kyrgyz Republic, whose competence includes the prevention of offenses.

The specificity of the subjects of the implementation of criminological policy lies in the fact that they, realizing their legal rights and obligations, act on behalf of the state or on behalf of it. This characterizes the state as a key subject of the institution under consideration. Given this, the entire system of subjects for the implementation of criminological policy can be differentiated into groups depending on the specific function of the state that they perform, which follows from its main essence – the exercise of political power. In this regard, there are two main functions of the state – law-making and law enforcement, which are associated with the legal forms of the implementation of law. They reflect the relationship between the state and law, the obligation of the state to act in the performance of its functions on the basis of law and within the law [4]. At the same time, it should be noted that in the legal literature, control and supervision over the activities of state bodies and officials is recognized as an integral part of the law enforcement function. The legitimacy of this approach is expressed in the fact that, due to the specifics of the institution under consideration, control and supervision are not only an important guarantee of legality, but often also an integral part of the activity for the application of the rule of law. Without proper control and supervision, the full implementation of all stages of law enforcement is impossible. Control is a necessary guarantee of the optimal execution of law enforcement acts and an important guarantee of respect for human rights and freedoms in the implementation of the criminological policy of the state.

Thus, depending on the subjects of the implementation of the criminological policy of certain functions of the state, they can be divided into the following groups:

1. Subjects exercising a law-making function:

- a) sovereign states;
- b) international organizations:
 - universal (the UN as part of the main bodies and specialized agencies);
 - regional (CIS and Council of Europe);
- c) state bodies:
 - publication of legislative acts (Parliament);
 - participation in legislative activity in various forms (President, Government, central state bodies);
- d) subjects that carry out the official interpretation of the norms of this institution:
 - Parliament;
 - The Constitutional Chamber of the Kyrgyz Republic. In some states, the Supreme Court is the subject of official interpretation (for example, in the Russian Federation). In Kyrgyzstan, the Supreme Court does not have such powers.

2. Subjects performing the function of law enforcement agencies, which include state bodies and their officials engaged in the fight against crime

3. Subjects exercising the functions of control and supervision over the legality and validity of the implementation of criminological policy.

4. Subjects exercising their rights and obligations in the form of compliance, execution and use of the right.

The unification of the subjects of the implementation of criminological policy into these groups is also based on the specifics of the implementation of their legal rights and obligations. Such a classification, in our opinion, allows us to more fully consider the features of the exercise of rights and obligations by subjects, expressed in achieving their goals, solving problems and functions, as well as in the nature of legal liability provided for by law. Law for non-fulfillment or improper fulfillment of these rights and obligations.

References

1. Alekseev S. S. Problems of the Theory of Law. – Vol. 1. – Sverdlovsk : Science, 1972. – P. 278–279.
2. Boitsov V. Ya. The System of Subjects of Soviet State Law. – Ufa : Science, 1972. – P. 32–36.
3. Bozhev V. P. Criminal Procedural Legal Relations. – M. : Legal literature, 1975. – P. 18.
4. Bukhtereva M. A. Law-Making and Law Enforcement as Legal Forms of Implementation of State Functions // Law of the 21st Century: a Look into the Future : Proceedings of the Scientific and Practical Conference (19 April 2000). – M. : Lawyer, 2001. – P. 45.
5. Halfina R. O. General Doctrine of Legal Relations. – M. : Legal literature, 1974. – P. 115–116.
6. Kant I. Criticism of Pure Reason / Translation from German S. Lossky. – M. : Thought, 1994. – P. 255, 279.
7. Kechekyan S. F. Legal Relations in a Socialist Society. – M.: Publisher Academy of Sciences of USSR, 1958. – P. 84.
8. Mironov O. O. Subjects of Soviet State Law / Under Editorship of I. E. Farber. – Saratov : Saratov University, 1975. – P. 5–12.
9. Mitskevich A. V. Subjects of Soviet Law. – M. : Yurizdat, 1962. – P. 211.
10. Strogovich M. S. Selected Works : in 3 Vols. – V. 1 : Problems of the General Theory of Law. – M. : Science, 1990. – P. 62.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-2-40-45>

Роль эксперта в уголовном процессе

И. В. Makeeva

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Московского психолого-социального университета.

Адрес: ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет»,

115191, Москва, 4-й Рощинский пр-д, д. 9а.

E-mail: makeevainna2011@yandex.ru

The Role of the Expert in Criminal Proceedings

I. V. MakeevaPhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law
of the Moscow Psychologic-social University.

Address: Moscow Psychologic-social University,

9a 4th Roshchinsky Passage, Moscow, 115191, Russian Federation.

E-mail: makeevainna2011@yandex.ru

Аннотация

В ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела должностные лица нередко сталкиваются с вопросами, разрешить которые сами они не в силах. Для решения вопросов, требующих наличия тех или иных специальных знаний, привлекаются такие участники процесса, как эксперты. Будучи участником уголовного процесса, эксперт имеет круг прав и обязанностей и несет установленную законом ответственность. Статья посвящена анализу процессуального статуса эксперта по уголовному делу, а также отдельных проблем реализации его полномочий в уголовном судопроизводстве. По результату анализа делается вывод о специальной роли эксперта в уголовном процессе. В числе прочего в статье обосновывается вывод, что в качестве экспертных знаний в уголовном процессе не может рассматриваться область юриспруденции.

Ключевые слова: процессуальный статус, уголовное дело, судебная экспертиза, ходатайство, заключение, ответственность эксперта, пределы экспертной инициативы.

Abstract

In the course of preliminary investigation and court hearing of a criminal case officials often face questions, which they can not solve themselves. To solve questions that require some kind of special knowledge, participants in the process such as experts are involved. Being the participant of criminal procedure, the expert has the circle of the rights and duties and bears the statutory responsibility. The article is devoted to the analysis of the procedural status of expert in a criminal case as well as certain problems of realization of his powers in criminal proceedings. As a result of the analysis the conclusion is made about the special role of the expert in criminal proceedings. Among other things, it substantiates that the field of jurisprudence cannot be considered as expert knowledge in criminal proceedings.

Keywords: procedural status, criminal case, forensic examination, petition, conclusion, responsibility of the expert, limits of the expert initiative.

Эксперт – один из участников уголовного процесса, который представляет собой лицо, имеющее специальные знания, необходимые по рассматриваемому делу, привлеченное для производства судебной экспертизы.

Чаще всего эксперт имеет специальные знания в какой-либо области в науке, искусстве и пр.

Само по себе понятие «эксперт» указывает на особое значение мнения данного лица для других участников процесса и для суда.

Эксперт – активный участник процесса по делу, а не лицо, которое пассивно отвечает на во-

просы, на что указывает статья 119 УПК Российской Федерации¹. В ней законодатель предоставляет эксперту право подавать ходатайства наряду с такими участниками процесса, как обвиняемый, защитник, потерпевший и др. Часть 3 статьи 57 УПК содержит перечень процессуальных прав эксперта как особого участника процесса. Его процессуальные права обусловлены его особым положением и процессуальными задачами, стоящими перед экспертом. Процессуальные права эксперта связаны с проведением по делу экспертизы, в процессе которой проявляются те знания и навыки, которые делают эксперта специальным участником процесса.

Так, в числе прочего эксперт может просить ознакомить его со всеми материалами дела, которые имеют отношение к назначенному экспертному исследованию. Помимо этого, эксперт вправе:

- просить предоставить ему дополнительные материалы для экспертизы, а также просить о привлечении иных экспертов;
- принимать участие в процессуальных действиях, в заседаниях суда и задавать вопросы относительно предмета проведенной экспертизы. Участие эксперта допускается при наличии согласия суда (на досудебной стадии процесса — следователя или дознавателя);
- давать заключения при этом по различным вопросам, как поставленным перед ним, так и по иным, имеющим отношение к предмету экспертизы, но в любом случае в рамках его компетенции;
- отказаться от заключения по поставленным вопросам, если они выходят за рамки его экспертных познаний, а также при недостаточности имеющихся материалов. Отказ от проведения экспертного исследования должен быть мотивирован;
- подавать жалобы на решения следователя (дознавателя), прокурора, судебные решения, которыми ограничиваются его права как эксперта.

Эксперт, как правило, располагает специальными знаниями в какой-либо отрасли (сфере). Именно на это обращалось внимание еще в УПК

РСФСР 1960 г.², где законодателем фактически было запрещено задавать экспертам вопросы правового характера: предусматривались сферы жизнедеятельности, в пределах которых эксперт может отвечать на вопросы (статья 78). Сегодня действующий УПК не содержит аналогичного ограничения, что можно толковать как предоставленную возможность отнести к специальным познаниям также и знания правового характера. Относительно такого возможного толкования существуют споры.

Так, с одной стороны, идущее из советского периода наследие учило правоведов, что задачей эксперта является только заключение по вопросам научного, технического характера или из иных областей, кроме юриспруденции. Действительно, в более ранний советский период в качестве эксперта могли приглашаться только лица, не обладающие знаниями в сфере права. Кроме того, решение правовых вопросов относится к компетенции следствия, а впоследствии суда. И заменять или дополнять их знаниями эксперта не следует.

Однако возможен и другой подход, по которому эксперту могут задаваться любые вопросы, тем более что окончательные выводы по итогу исследования доказательств делает суд. При подобном подходе предметом исследования и сферой познаний эксперта может выступать также вопрос в области права. Однако такое понимание представляется нам неверным. Ведь сама цель привлечения эксперта заключается в получении знаний, которыми тот обладает. И это знание, не относящиеся к общеизвестным, а также выходящие за пределы знаний следователя и суда. Следовательно, для разрешения правовых вопросов эксперт не требуется.

Кроме того, частично в пользу нашего мнения говорит статья 2 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»³. Закон указывает на то, что эксперты могут проводить экспертизы по вопросам, когда заключение требует специальных

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2022 г.) // СЗ Российской Федерации. — 2001. — № 52 (часть I). — Ст. 4921.

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. (в ред. от 29 декабря 2001 г.) // Ведомости ВС РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 592. (утратил силу).

³ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 1 июля 2021 г.) // СЗ Российской Федерации. — 2001. — № 23. — Ст. 2291.

знаний в сфере техники, науки, искусства или ремесла. Таким образом, очерчиваются те сферы, познания в которых могут сделать лицо экспертом в уголовном деле. Нам представляется, что законодатель не предусмотрел запрет ставить перед экспертом вопросы правового характера, не имея целью предусмотреть такую возможность – задавать эксперту юридические вопросы. Вероятно, это обусловлено тем, что решение правовых вопросов является прерогативой следователя, а при судебном рассмотрении дела – суда. В этой связи ставить перед экспертом вопросы правового характера просто не требуется. Само же по себе исключение юриспруденции из сферы познаний экспертов по уголовным делам могло бы иметь место во избежание различного понимания данного вопроса.

В этой связи нам представляется логичным внесение изменений в статью 57 УПК Российской Федерации, пункт 1 которой указывал бы, что экспертом может выступать лицо, имеющее специальные знания в области науки, техники, в ремесле или искусстве, а также в иных сферах, но за исключением знаний, которые принято считать общеизвестными для следователя (дознателя), суда. Исключать сферу права полностью было бы не совсем корректно. Так, верно отмечено, что если пришлось бы сделать исследование международно-правового института, то этот вопрос явно вышел бы за пределы профессиональных знаний следователя или дознателя, хотя и является правовым [3. – С. 22].

Сходные мнения высказываются в юридической литературе. В частности, предлагается дополнить понимание сферы процессуальной деятельности экспертом: он должен обладать знаниями, лежащими за пределами знаний, обязательных для суда, следователя, дознателя. При этом такой подход можно посчитать слишком общим и не отражающим сути специальных знаний. Поэтому в ряде источников предлагается определить специальные знания эксперта как знания и навыки в сфере техники, науки, ремесла или искусства, полученные им в ходе его профессиональной деятельности и прохождения специальной подготовки [4. – С. 55].

М. А. Поздняков отмечает, что в уголовном судопроизводстве существует проблема правильного определения понятия специальных знаний. Ведь соотношение общеизвестных и специальных знаний довольно относительно и может меняться в зависимости от уровня разви-

тия общества. Поэтому отнесение знаний к общедоступным или специальным следует осуществлять с учетом уровня развития субъекта, его опыта и пр. В конкретном уголовном деле право решать, относится ли то или иное знание к общедоступным или специальным, принадлежит следователю, ведущему дело, а в дальнейшем – суду. Мы полагаем, что, привлекая к расследованию лицо, имеющее специальные познания, решить вопрос о его компетентности можно на основе имеющегося специального образования или опыта в практической деятельности [5. – С. 157].

Итак, лицо, имеющее специальные знания в одной из перечисленных областей, может выступить экспертом. С точки зрения процессуального закона лицо становится экспертом и обретает соответствующий статус после назначения его в качестве эксперта судом или должностным лицом, ведущим дело. Соответствующее указание делается в постановлении о назначении судебной экспертизы. В постановлении не всегда содержится указание на имя и данные конкретного эксперта.

Если в документе содержится решение о проведении экспертизы в определенном учреждении, без указания конкретного эксперта, то возникновение процессуального статуса эксперта следует связывать именно с назначением экспертом конкретного физического лица. В последнем случае это будет приказ руководителя экспертного учреждения о поручении проведения исследования конкретному сотруднику.

В качестве эксперта может выступать только физическое лицо. Это касается и тех случаев, когда постановление о проведении экспертизы содержит указание только на наименование экспертного учреждения. Именно эксперт несет личную ответственность за обоснованность, полноту и объективность данного им заключения. Экспертиза может быть назначена как в государственном, так и в негосударственном учреждении.

Постановление о ее назначении должно содержать указание оснований для экспертного исследования, вопросы, материалы для исследования, а также указание на конкретного эксперта или учреждение, где будет проходить экспертиза. Значение экспертизы в качестве доказательства по делу очень велико. Не случайно законодатель определил перечень случаев, когда проведение экспертизы обязательно:

– при установлении степени и характера вреда здоровью человека или причины смерти;

— при определении физического или психического состояния обвиняемого, когда есть основания сомневаться в его вменяемости, или полагать, что он болен наркоманией или имеет расстройство сексуального предпочтения (касаемо обвиняемых в преступлении сексуального характера в отношении несовершеннолетних);

— для определения состояния потерпевшего лица при наличии сомнений в его способности верно воспринимать важные для дела обстоятельства;

— наконец, для установления возраста лица, когда это имеет правовое значение.

Статьей 70 УПК Российской Федерации предусмотрены основания для отвода эксперта. Так, эксперт не может участвовать в деле, если:

— имеются предусмотренные статьей 61 УПК обстоятельства;

— имеется его зависимость от сторон;

— он проявил некомпетентность.

Однако самоотвод эксперта законом не предусматривается. Отвод может осуществляться решением следователя или по инициативе суда. Нам представляется, что возможность самоотвода эксперта следует также предусмотреть в УПК.

Следователь после составления экспертного заключения вправе допросить эксперта. Он может сделать это как по собственной инициативе, так и по ходатайству участвующих лиц. Допрос эксперта следователем и судом – тоже немаловажная часть его процессуальной работы.

Отдельно говоря о роли эксперта, следует упомянуть о комиссионной экспертизе, которая проводится двумя или более экспертами. Такая экспертиза назначается решением следователя, а также может быть определена решением руководителя экспертной организации. В комиссионной экспертизе эксперты обладают равными правами и совместно осуществляют исследование. Если по итогу их мнения будут разными, то каждый из них дает свое заключение по вызвавшему разногласия вопросам.

В комплексной экспертизе принимают участие эксперты с различными специальностями. В таком случае в общем заключении делается отметка о том, какой объем исследований проведен тем или иным экспертом и какие выводы были им сделаны. Соответственно, каждый из экспертов отвечает за ту часть заключения, которую он

подписывает и которая содержит описание его работы.

Ввиду некоторого сходства процессуальных задач эксперта в уголовном процессе нередко сравнивают со специалистом, указывая на сходство и различия их процессуального статуса. Сходства очевидны. Так, специалист привлекается к участию в деле для оказания той или иной помощи следствию (дознанию), для дачи специальных пояснений. Например, специалист может привлекаться для того, чтобы помочь следователю в поиске и закреплении следов, в использовании специальных технических или электронных средств, для разъяснения возникших у следователя или суда узкопрофильных вопросов, требующих специальных знаний. Таким образом, для специалиста, как и для эксперта, характерно обладание специальными знаниями в той или иной области. Кроме того, эти участники процесса наделены комплексом прав и обязанностей для выполнения своих задач. Также можно отметить, что и тот, и другой привлекаются к участию в определенных процессуальных действиях, как правило, на одной стадии процесса.

Различия также имеются, и они принципиальны. Так, разнятся задачи и функции специалиста и эксперта. Если специалист в своей работе применяет любые знания и навыки, в том числе доступные им сведения из разных источников, то эксперт прежде всего полагается на свои собственные познания в области, в которой он проводит экспертизу, результат которой зависит от способности эксперта применять экспертные методы, от его внимательности, профессионального подхода и пр.

Различны и задачи эксперта и специалиста, и воплощение результатов их процессуальной деятельности. Если помощь специалиста заключается в содействии следствию или суду, в ответах на имеющиеся у них вопросы, а мнение специалиста представляет собой его субъективное суждение, основанное на имеющихся знаниях и практических навыках (причем такое мнение не обязательно должно иметь какую-то определенную форму в письменном виде), то эксперт выдает результат своей работы в виде заключения, которое делается по итогу исследования объекта по поставленным ему вопросам. При исследовании эксперт основывается не только на своих специальных знаниях, но также руководствуется требованиями законодательства. Экспертное

исследование проводится в установленном порядке.

Как справедливо отмечено, экспертиза представляет собой серьезное комплексное исследование, которое в зависимости от разновидности экспертизы может проводиться одним или целым комплексом методов. Само заключение имеет установленную законом форму и требования по его составу, структуре и пр. [7. – С. 65].

Учитывая разность задач и функций, эксперт осуществляет свою процессуальную деятельность на основании полученной им лицензии, тогда как работа специалиста не требует лицензирования. Следовательно, для обладания процессуальным статусом эксперта требуется не только комплекс знаний или опыта в определенной сфере, но также и специальное разрешение – лицензия. Очевидно, что с учетом более сложных и процессуально важных задач к эксперту закон предъявляет повышенные требования.

Исходя из вышесказанного понимаем, что заключение эксперта для лица, осуществляющего предварительное расследование, и для суда имеет более важное определяющее значение, тогда как мнение специалиста носит рекомендательный характер. По сложившейся практике суд не может игнорировать заключение эксперта, хотя в ряде случаев суды не соглашались с экспертными выводами. Ведь в целом ни одно доказательство не может иметь для суда заранее установленной силы.

По данным статистического опроса среди судей, чаще всего суд при рассмотрении уголовных дел в большей степени ориентируется на заключение эксперта (порядка 77% опрошенных), около 70% очень доверяют показаниям свидетелей, менее, около 58%, – пояснениям потерпевших. Из приведенных данных становится ясно, что экспертное заключение является, пожалуй, ключевым доказательством при рассмотрении судом уголовного дела [1]. Это означает, что при расхождении выводов эксперта с данными из других источников суд с большей долей вероятности будет доверять эксперту.

В заключении эксперта обязательно указываются место и время проведения экспертизы, основания для этого, сведения об эксперте и о назначившем экспертизу лице, подписка эксперта об ответственности, перечень поставленных вопросов, имевшиеся в распоряжении материалы, сведения о присутствовавших при проведении исследования, примененные методики, итоги эксперти-

зы, а также мотивированные выводы эксперта (статья 204 УПК Российской Федерации).

Хотелось бы также отметить в положении эксперта и специалиста несколько различный объем полномочий, предоставленных им с учетом роли каждого в уголовном процессе. Комплекс прав, предоставленных специалисту законодателем в статье 58 УПК Российской Федерации, существенно меньше по сравнению с процессуальными правами эксперта. В частности, специалист не может так же, как эксперт, просить о предоставлении дополнительных материалов, давать заключение в том числе по вопросам, которые не были перед ним поставлены, и пр. Процессуальные права эксперта позволяют ему проявлять процессуальную инициативу, которую считают важной в уголовном процессе.

Так, многие вопросы в ходе экспертизы могут быть решены путем взаимодействия следователя (суда) и эксперта. Но не всегда закон формально дает возможность для такого взаимодействия. Тем не менее, ряд правомочий процессуальный закон эксперту предоставляет. О. Г. Дьяконова причисляет к правам, посредством которых эксперт может реализовать свою инициативу, следующие права:

- на заявление ходатайств следователю (суду);
- на самостоятельный выбор методов проведения исследования;
- на формулировку вопросов в постановлении без изменения их содержания и смысла;
- на отражение в заключении указаний и выводов, которые содержат ответы на вопросы, которые не были поставлены [2. – С. 68].

Последнее правомочие крайне важно для правильного разрешения дела. Неслучайно законодатель отдельно отметил эту возможность эксперта сказать о своем особом мнении относительно исследованных материалов и обстоятельств. Такое мнение может быть прямо не связано с вопросами эксперту, но иметь связь с самим предметом исследования. Ведь кому, как не эксперту, надлежит подробно разобраться в материалах и дать свое подробное мнение. Лишение эксперта такого права существенно понизило бы шансы на обоснованный справедливый приговор. Ведь нередко такое сообщение экспертом его мнения выражается в установлении им обстоятельств, которые способствовали преступ-

лению, в обнаружении дефектов в исследуемом объекте и пр.

Обнаруженные экспертом дополнительные обстоятельства инициативно указываются им в заключении наряду с его выводами по поставленным перед ним вопросам.

Однако при выражении своей инициативы эксперту следует быть внимательным и не выходить за рамки предоставленных ему полномочий и порядка проведения экспертизы. В противном случае это может быть истолковано как нарушение процессуального характера, т. е. несоблюдение процедуры и порядка проведения исследования. Кроме того, стремление проявить экспертную инициативу без достаточных к тому оснований также следует считать одной из причин ошибок в работе эксперта. В идеале экспертная инициатива есть не что иное, как процессуальная категория, согласно которой в ходе исследования эксперт убеждается в наличии оснований и возможностей выйти за пределы поставленного судом задания и реализует свое право путем отражения в заключении дополнительной информации, которая имеет значение для дела и касается предмета исследования. О. Г. Дьяконова со ссылкой на А. В. Кудрявцеву указывает, что право на экспертную инициативу есть право эксперта устанавливать обстоятельства и причины преступления в случаях, когда соответствующие вопросы не поставлены перед экспертом, пользуясь своими профессиональными знаниями.

Такое инициативное право подлежит реализации, когда:

- есть данные, о которых эксперту не поставлен вопрос, но которые входят в предмет экспертизы;

- установление дополнительных данных не влечет проведения еще одного исследования и логически вытекает из проведенного;

- данные получены экспертом из тех материалов и объектов, которые были ему предоставлены [2. – С. 70].

Но справедливости ради нужно отметить, что не все ученые выступают за развитие права эксперта на инициативу. Отдельные авторы (например, Т. В. Сахнова) говорят о том, что инициативность эксперта вступает в противоречие с принципом состязательности [6. – С. 16].

Таким образом, эксперт играет в уголовном процессе весьма важную роль: он обеспечивает следствие и суд доказательствами (заключение), а также является активным участником процесса, который может вызываться в суд и давать пояснения, отвечать на вопросы. Формально эксперт является независимым от сторон и от суда профессиональным лицом, которое несет персональную ответственность за качество экспертного исследования. Работа эксперта крайне важна и требует профессионализма и добросовестности. Именно на заключение эксперта суды чаще всего опираются как на ключевое доказательство.

Список литературы

1. *Белянская А., Ходжаева Е.* Сообщество экспертов со следователями. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/06/17/832882-soobschestvo-ekspertov>
2. *Дьяконова О. Г.* Право эксперта заявлять ходатайства, связанные с назначением и производством судебной экспертизы, как реализация экспертной инициативы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – № 5. – С. 66–78.
3. *Елисеев С.* Процессуальный статус эксперта: отличия процессуальных статусов эксперта и специалиста в уголовном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5–3 (68). – С. 22–24.
4. *Лукошкина С. В.* К вопросу о понятии эксперта как участника уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2018. – № 1. – С. 52–60.
5. *Поздняков М. А.* Понятие и признаки специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 9 (58). – С. 155–161.
6. *Сахнова Т. В.* Экспертиза в гражданском процессе: теоретическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Красноярск, 1998.
7. *Чердинцев В. Б.* Отличия процессуальных статусов эксперта и специалиста в уголовном процессе // Научный лидер. – 2021. – № 30 (32). – С. 64–66.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-2-46-50>

Проблемные вопросы института гражданского иска в уголовном судопроизводстве

Ж. В. Самойлова

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Байкальского государственного университета.
Адрес: ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
664011, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.
E-mail: zhannaiv@mail.ru

Problematic Issues of the Institution of Civil Action in Criminal Proceedings

Zh. V. Samoylova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Baikal State University.
Address: Baikal State University, 11 Lenin Str., Irkutsk, 664011, Russian Federation.
E-mail: zhannaiv@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемные вопросы института гражданского иска в уголовном судопроизводстве. Аргументируется позиция о рациональности и потребности рассмотрения гражданского иска одновременно с разбирательством по уголовному делу. Исследуется уголовно-процессуальная природа института гражданского иска, заявляемого в рамках рассмотрения уголовного дела. Отмечаются некоторые недостатки законодательной регламентации данного института. Предлагаются конкретные рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в этой части. Указывается на противоречивость уголовно-процессуальных норм, регламентирующих процессуальный статус гражданского истца в уголовном судопроизводстве, что неизбежно отрицательно сказывается на судьбе гражданского иска в уголовном процессе. В статье отмечаются пробелы и противоречия законодательной базы, регламентирующей права и обязанности гражданского истца в уголовном деле, с целью обеспечения прав и интересов гражданского истца, а также успешного рассмотрения гражданского иска по существу в рамках уголовного дела.

Ключевые слова: уголовное дело, уголовно-процессуальное законодательство, гражданский истец, права личности в уголовном процессе.

Abstract

The article discusses the problematic issues of the institution of civil action in criminal proceedings. The position on the rationality and the need to consider a civil claim simultaneously with the proceedings in a criminal case is argued. The article examines the criminal procedural nature of the institution of a civil claim filed as part of the consideration of a criminal case. Some shortcomings of the legislative regulation of this institution are noted. Specific recommendations are proposed to improve the criminal procedure legislation in this part. The inconsistency of the criminal procedural norms regulating the procedural status of a civil plaintiff in criminal proceedings is pointed out, which inevitably negatively affects the fate of a civil claim in criminal proceedings. The article highlights the gaps and contradictions of the legislative framework regulating the rights and obligations of a civil plaintiff in a criminal case, in order to ensure the rights and interests of a civil plaintiff, as well as the successful consideration of a civil claim on the merits in a criminal case.

Keywords: criminal case, criminal procedure legislation, civil plaintiff, personal rights in criminal proceedings.

В немалой степени отраженные в Конституции Российской Федерации гарантии прав потерпевшего от преступления на доступ к правосудию и на возмещение причиненного ему ущерба реализуются, благодаря предусмотренному Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) порядку рассмотрения судом в рамках уголовного дела гражданского иска, служащего достаточно эффективным правовым механизмом судебной защиты прав потерпевшего¹.

Результативность правосудия в большой мере формируется продуктивностью процессуального механизма обеспечения гарантий прав и свобод личности, и, соответственно, пострадавших от преступного посягательства посредством обеспечения их прав на компенсацию нанесенного им ущерба при разрешении гражданских исков в уголовном процессе. В связи с этим особую важность проблема правового статуса личности имеет, как справедливо отмечает Л. И. Лавдаренко, в сфере уголовного судопроизводства в связи с необходимостью создания адаптированного механизма обеспечения, охраны и защиты прав и свобод человека [8. – С. 122].

Таким механизмом в уголовном судопроизводстве явился институт гражданского иска, анализируя который как процессуальную правовую категорию, А. Ф. Кони еще в 1890 г. отмечал, что ее можно отнести к одной из наименее разработанных и наиболее спорных в теории уголовного процесса [5. – с. 45].

Действительно, гражданский иск в уголовном судопроизводстве выполняет роль важного процессуального средства защиты и гарантированности прав и интересов жертв преступных посягательств. Однако в доктрине уголовно-процессуального права в течение долгого времени наблюдается сложность проработки как правовой дефиниции гражданского иска в рамках уголовного дела [11. – С. 23], так и его отраслевой принадлежности.

Категория гражданского иска в рамках уголовного дела явилась той сферой, где наиболее

наглядно выражается плотное сотрудничество, вмешательство норм нескольких правовых отраслей. Однако, принимая во внимание уголовно-процессуальную природу подобных отношений, преимущественную роль здесь все же должны иметь положения не гражданского, а уголовного процессуального права. Поэтому несмотря на то что иск, как правило, является цивилистическим понятием, именно положения уголовно-процессуального права являются основанием для реализации гражданского иска в уголовном процессе.

Как представляется, категория гражданского иска не только в полной мере отвечает цели и назначению уголовного процесса, но и призвана служить еще одним действенным способом защиты интересов жертв преступных посягательств.

Для этого уголовно-процессуальным законом регламентирована возможность одновременно расследования гражданского иска и рассмотрения уголовного дела. Подобный синтез, служащий основанием для привлечения лица, как к уголовной, так и к гражданско-правовой ответственности, объясняется существованием общего юридического факта в ситуациях, когда совершенным им деянием причинен имущественный или моральный вред.

Отметим, что при рассмотрении правовых тонкостей, связанных с исследованием гражданского иска в уголовном процессе, трудно буквально трансформировать положения гражданско-процессуального права в уголовное судопроизводство. В связи с этим гражданский иск в уголовном процессе обретает свои характеристики.

В частности, доказывание гражданского иска регламентируется уголовно-процессуальными нормами, если ориентироваться на те процессуальные права и возможности, которые предоставлены гражданскому истцу в этой сфере.

Помимо этого, устанавливая правила поведения и статус участников разбирательства о гражданском праве, категория гражданского иска в уголовном судопроизводстве содержит характеристики гражданско-процессуального метода регулирования.

В частности, ряд условий и требований к форме искового заявления определяются положениями гражданско-процессуального кодекса.

В связи с этим логичность и разумность рассмотрения гражданского иска одновременно с

¹ См.: О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 12.

разбирательством по уголовному делу объясняются несколькими факторами, в частности, тем, что такое рассмотрение гражданского иска:

1) способствует существенной экономии процессуального времени и обеспечению более быстрого восстановления для потерпевшего его нарушенных прав;

2) снимает необходимость дублирования рассмотрения судами обстоятельств одного и того же деликта;

3) исключает вынесение несовместимых друг с другом судебных решений по одним и тем же вопросам;

4) способствует более правильной оценке судом характера преступления с позиции учета и уголовно-правовых, и гражданско-правовых последствий содеянного, правильному выбору меры наказания;

5) освобождает гражданского истца от уплаты государственной пошлины.

Учеными по этому поводу указывается принципиальная позиция Верховного Суда Российской Федерации, которая, разграничивая состав преступления и состав гражданско-правового деликта, подчеркивает, что истец сохраняет право на предъявление иска в порядке гражданского судопроизводства даже при отсутствии в действиях лица состава преступления [1. – С. 138].

В этой связи, учитывая особенности уголовного процесса, следует согласиться с мнением Е. Ф. Хегай о том, что в уголовном деле в рамках гражданского иска могут быть заявлены и удовлетворены только те требования, которые связаны с возмещением реально понесенного вреда и (или) компенсации морального вреда. Не могут быть удовлетворены требования об уплате неустойки, штрафов, упущенной выгоды и т. д. [12. – С. 651].

Как справедливо отмечается исследователями, рассмотрение гражданского иска в уголовном деле можно рассматривать как правовую льготу государства, наличие которой не только благоприятствует позитивной инициативной деятельности гражданского истца, но и позволяет наполнить предметным содержанием декларируемое российским законодательством право граждан на доступ к правосудию [3. – С. 11; 13. – С. 81].

Между тем в УПК РФ отсутствует положение, закрепляющее обязанность ведущих производство по делу лиц разъяснять потерпевшему

право на заявление гражданского иска в рамках уголовного дела.

Более того, в отличие от предшествовавшего УПК РСФСР, согласно части 4 статьи 29 которого суд мог самостоятельно инициировать возмещение причиненного преступлением ущерба в случае непредъявления потерпевшей стороной гражданского иска, действующий УПК РФ в силу состязательности уголовного процесса такого права суда не предусматривает [10. – С. 137; 6. – С. 90].

Для восполнения пробела, возникшего в связи с этим, в регламентации рассматриваемого института полагаем целесообразным изменение редакции части 2 статьи 42 УПК РФ в части дополнения того объема прав, которыми обладает потерпевший, возможностью для него заявлять гражданский иск. Опираясь на буквальное толкование положений статей 42 и 44 УПК РФ, гражданский истец – это лицо, которое заявило гражданский иск и получило соответствующий статус.

Между тем считаем, что в ситуациях несовпадения процессуальных статусов гражданского истца и потерпевшего, первый существенно ограничен в своих возможностях и правах по восстановлению нарушенных прав.

Сравнивая названные процессуальные фигуры и сопоставляя объем их прав, заключаем, что права гражданского истца существенно меньше, поскольку законом для него не предусмотрены право знать о предъявленном обвинении и право знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключениями эксперта.

Не отражено также право данного участника процесса ходатайствовать о применении к нему мер безопасности, что расценивается некоторыми авторами как особо проблемный вопрос уголовного судопроизводства [4. – С. 9].

Не способствует должному обеспечению прав гражданского истца и отсутствие у него возможности получения копий постановлений о возбуждении, прекращении или приостановлении производства по уголовному делу, а также копий решений судов первой, апелляционной и кассационной инстанций.

Отметим, что если в УПК РСФСР не предусматривалось право гражданского истца на участие в производстве следственных действий, то УПК РФ закрепляет такую возможность (пункт 10 части 4 статьи 44), что, безусловно, следует

оценить как положительную динамику в деле защиты охраны прав гражданского истца.

Вместе с тем право гражданского истца на ознакомление с протоколами произведенных с его участием следственных действий пока, к сожалению, не включает в себя возможность высказывать свои замечания. Для гражданского истца предусмотрена возможность знакомиться с материалами дела только в части, относящейся к гражданскому иску, но отнюдь не в полном объеме.

В этой связи нам хотелось бы отметить некоторую несогласованность норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В частности, в целях создания благоприятных правовых условий для успешного разрешения гражданского иска в уголовном процессе представляет интерес обращение к статье 225 УПК РФ, которая не содержит право гражданского истца на ознакомление с материалами уголовного дела.

В теории вследствие такой регламентации довольно широко распространено мнение об отсутствии у гражданского истца такого права по окончании расследования, если оно проводилось в форме дознания¹ [2. – С. 5].

Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что при сопоставлении статьи 255 и пункта 12 части 4 статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и буквальном толковании содержания последней из указанных норм следует, что гражданский истец по окончании предварительного расследования (укажем – без указания на его форму) все же имеет возможность знакомиться с материалами уголовного дела, но только «с относящимися к предъявленному им гражданскому иску».

Судя по всему, речь идет о возможности выписывать из уголовного дела лишь сведения, имеющие отношение к заявленному гражданскому иску. Тем не менее мы полагаем, что такое представление не вполне согласуется с формулировкой комментируемой нормы, закрепляющей право гражданского истца «выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме», что свидетельствует о недостаточной определенности регламентации зако-

ном прав рассматриваемого участника уголовного процесса.

Учеными обоснованно отмечается, что в уголовном судопроизводстве фундаментальные права личности, закрепленные на уровне Конституции Российской Федерации, воплощены в его принципах (уголовного судопроизводства) [9. – С. 35], и именно в этом проявляется назначение правосудия, призванного гарантировать эффективное и справедливое восстановление нарушенных прав [7. – С. 69].

Между тем, как представляется, на сегодняшний день все еще нельзя констатировать должного обеспечения государством стабильных гарантий защиты прав и законных интересов гражданского истца, которая отвечала бы социальной значимости проблемы жертв преступлений, тогда как основой успешного функционирования механизма судебной защиты конституционных прав личности, пострадавшей от преступления, является в том числе и активная позиция самого гражданского истца.

Таким образом, гражданский иск в уголовном процессе является универсальным и эффективным способом защиты прав пострадавших от преступных посягательств.

Безусловно, позитивной тенденцией последних лет следует назвать позицию Верховного Суда Российской Федерации, который ориентирует нижестоящие инстанции на искоренение практики необоснованной передачи таких исков на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

¹ См.: Уголовный процесс : учебник / под ред. В. П. Божьева. – М. : Высшее образование, 2006. – С. 291.

Список литературы

1. Аникина М. С. Проблемы, возникающие при рассмотрении гражданского иска по уголовному делу // Российский юридический журнал. – 2021. – № 3. – С. 179–187.
2. Арестова Е. Н. Проблемы соблюдения прав участников уголовного судопроизводства при окончании дознания составлением обвинительного акта // Российский следователь. – 2008. – № 4. – С. 3–5.
3. Бадалян Г. Л. Преимущества рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. – 2006. – № 1. – С. 11–13.
4. Гребенщикова Л. Безопасность участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты // Адвокатская практика. – 2005. – № 6. – С. 9–11.
5. Кони А. Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России // Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. – Тула : Автограф, 2000. – С. 45–78.
6. Корнакова С. В. Состязательность – условие равноправия сторон в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 1 (7). – С. 92–97.
7. Корнакова С. В. К вопросу о принципе справедливости // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2014. – № 2 (6). – С. 64–70.
8. Лавдаренко Л. И. Вклад профессора И. В. Смольковой в развитие концепции правового статуса личности в сфере уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – № 4. С. – 119–127.
9. Литвинцева Н. Ю. Конституционный механизм реализации прав личности в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – № 2. – С. 28–36.
10. Печников Г. А., Волколупов В. Г., Булхумова О. В. О значении гражданского иска в состязательном УПК Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2011. – № 3 (18). – С. 136–143.
11. Самойлова Ж. В., Корнакова С. В. Правовое регулирование статуса гражданского истца в уголовном судопроизводстве России: история и современность // Мировой судья. – 2022. – № 4. – С. 23–26.
12. Хегай Е. Ф. Гражданский иск в уголовном процессе: проблемы исполнения // Молодой ученый. – 2016. – № 12 (116). – С. 650–652.
13. Щербаков В. А. Проблемы реализации принципа справедливости в российском уголовном судопроизводстве. – М. : Юрлитинформ, 2019.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-2-51-56>

Особенности осуществления и защиты интеллектуальных прав в условиях цифровизации

Р. А. Гарагурбанлы

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова,
член Европейской комиссии по эффективности правосудия (ЕКЭП/СЕРЕЈ) Совета Европы.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36,
Институт права и прав человека Национальной академии наук Азербайджана,
AZ1073, Азербайджан, Баку, проспект Гусейна Джавида, 125.
E-mail: Gurbanov.RA@rea.ru

В. С. Савина

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Savina.VS@rea.ru

Features of the Implementation and Protection of Intellectual Rights in the Context of Digitalization

R. A. Garagurbanly

Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Member of the European Commission for the Effectiveness of Justice (CEPEJ) Council of Europe.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation,
Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan,
125 Avenue Huseyn Javid, Baku, AZ1073, Azerbaijan.
E-mail: Gurbanov.RA@rea.ru

V. S. Savina

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the Plekhanov Russian University of Economics.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Savina.VS@rea.ru

Аннотация

В настоящее время для сферы интеллектуальной собственности характерны новые способы осуществления интеллектуальных прав, а также новые возможности коммерциализации, присущие цифровой экономике: развитие смарт-контрактов и технологии блокчейна, применение систем искусственного интеллекта при создании и использовании результатов интеллектуальной деятельности, роботизированного производства, оборот NFT и т. д. Современные онлайн-сервисы, созданные на базе технологии блокчейна, позволяют не только осуществлять депонирование охраняемых в соответствии с законом результа-

тов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, но и управлять исключительными правами, а также при возникновении споров обеспечивать доказательственную базу и защищать эти права. Данное направление видится очень перспективным, в том числе в сфере коммерциализации прав на результаты интеллектуальной деятельности. Для увеличения эффективности такой коммерциализации необходимо наладить информационный обмен и взаимодействие правообладателей и потенциальных приобретателей (пользователей) исключительных прав. В условиях цифровизации подобные механизмы помогают не только устанавливать правообладателей и выявлять объекты, права на которые были нарушены в результате незаконного использования исключительных прав правонарушителями, но и предпринимать необходимые меры по пресечению таких нарушений.

Ключевые слова: интеллектуальные права, исключительное право, цифровизация, блокчейн, онлайн-сервисы, депонирование, цифровые платформы, искусственный интеллект.

Abstract

Currently, the sphere of intellectual property is characterized by new ways of implementing intellectual rights, as well as new opportunities for commercialization inherent in the digital economy: the development of smart contracts and blockchain technology, the use of artificial intelligence systems in the creation and use of intellectual property results, robotic production, NFT turnover, etc. Modern online services created on the basis of blockchain technology make it possible not only to deposit the results of intellectual activity protected in accordance with the law and the means of individualization equated to them, but also to manage exclusive rights, as well as to provide an evidence base and protect these rights in case of disputes. This direction seems very promising, including in the field of commercialization of intellectual property rights. In order to increase the effectiveness of such commercialization, it is necessary to establish information exchange and interaction between copyright holders and potential purchasers (users) of exclusive rights. In the context of digitalization, such mechanisms help not only to identify copyright holders and identify objects whose rights have been violated as a result of the illegal use of exclusive rights by offenders, but also to take the necessary measures to curb such violations.

Keywords: intellectual rights, exclusive rights, digitalization, blockchain, online services, escrow, digital platforms, artificial intelligence.

В настоящее время цифровизация охватила все сферы жизни общества, в том числе науку, литературу и искусство. Появились новые технологии, применяемые в праве интеллектуальной собственности для создания мультимедиа, 3D-моделей, аудиовизуальных произведений. Системы искусственного интеллекта стали использоваться для генерации текстов, изображений, а также для разработки технических усовершенствований. В праве интеллектуальной собственности стали достаточно активно применяться технологии блокчейна и искусственного интеллекта, смарт-контракты, NFT и т. д. Сквозные технологии, роботизированное производство оказывают огромное влияние на все отрасли промышленности.

В отношении интеграции цифровых технологий в сферу коммерциализации исключительных прав необходимо отметить, что с появлением NFT, криптовалют и технологии блокчейна сделки по лицензированию и отчуждению исключительных прав авторы и иные правообладатели могут заключать в цифровой среде, включая информационно-телекоммуникационные сети.

В настоящее время возможно существование объекта только в электронном виде, например, это касается 3D-моделей, используемых для цифровой трехмерной печати. NFT (non-fungible) токены, невзаимозаменяемые токены делают возможной фиксацию любого цифрового объекта (например, цифровой картины) в объективной форме, в силу чего в цифровой среде возникает уникальный объект (здесь возможна аналогия с подлинником картины или любого другого произведения искусства). При этом сведения об обладателе токена фиксируются в блокчейн-реестре, поэтому действия по их изменению легко отследить и такие транзакции прозрачны. Данное направление видится очень перспективным, в том числе в сфере коммерциализации прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Для увеличения эффективности такой коммерциализации необходимо наладить информационный обмен и взаимодействие правообладателей и потенциальных приобретателей (пользователей) исключительных прав. Этого можно достичь, в частности, путем организации патентных аукционов (проведения аукционов интеллекту-

альной собственности). Подобная практика осуществляется за рубежом достаточно длительный период времени, но в нашей стране, в отличие, например, от США, она не имеет широкого распространения. Некоторую известность приобрел только Аукционный дом интеллектуальной собственности «RUSINPRO». Например, в ходе одного из организованных им аукционов состоялись успешные торги в отношении патентов в сфере пищевой и химической промышленности. За рубежом, тем не менее, имеются соответствующие примеры: на площадке аукциона ICAP происходило отчуждение патентов таких компаний, как Intel, Xerox, Foxconn, Alcatel и т. д. [2]

Однако необходимо указать на то, что в современных условиях цифровизации получают развитие электронные площадки, позволяющие «соединять» правообладателей и пользователей. Они также предоставляют услуги по депонированию (негосударственной регистрации) различных результатов интеллектуальной деятельности, а также иных (в том числе не пользующихся правовой охраной объектов, таких как традиционные выражения культуры, например). Согласно норме статьи 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации правовой режим охраняемых объектов совершенно разный, в силу чего отличается и состав документов, способных подтвердить наличие в отношении них прав у определенного лица или лиц.

Объекты промышленной собственности (изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки и знаки обслуживания, селекционные достижения (сорта растений и породы животных) подлежат регистрации в реестрах Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатента). Патент как охраняемый документ подтверждает принадлежность исключительного права определенному физическому или юридическому лицу (правообладателю).

В отношении произведений науки, литературы и искусства, а также объектов смежных с авторским прав законодатель (статьи 1259 и 1304 Гражданского кодекса Российской Федерации, статья 5 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений и другие акты) не предусматривает необходимости их государственной регистрации либо использования каких-то других формальностей. В данных институтах права интеллектуальной собственности действует презумпция авторства: то лицо, кото-

рое было указано как автор на оригинале или экземпляре произведения – книги, картины или иного произведения либо объекта смежных прав, предполагается его автором, если в судебном порядке не будет доказано авторство другого лица (статья 1257 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Из этого следует, что процедура подтверждения авторства может выглядеть следующим образом: достаточно предъявить оригинал или экземпляр опубликованного произведения с указанием имени автора и/или информации об авторском праве. Помимо этого, возможно подтверждение обладания авторскими либо смежными правами посредством совершения нотариальных действий. Правила их совершения, а также перечень осуществляемых нотариусами действий изложены в Основах законодательства о нотариате (далее – Основы). Так, согласно статье 35 Основ, такого рода действиями являются: удостоверение времени предъявления документов; свидетельствование подлинности подписи на документах либо верности перевода документов с одного языка на другой; принятие на хранение документов; обеспечение доказательств. Можно также производить депонирование экземпляра произведения в различных организациях, оказывающих подобные услуги. Хорошо известным в мире примером реестра произведений является Библиотека Конгресса США¹.

В России для создания механизма оповещения третьих лиц о своих правах в цифровой среде и повышения эффективности использования интеллектуальной собственности в апреле 2016 г. на базе технологии блокчейна был создан Национальный реестр интеллектуальной собственности (НРИС)². Целью проекта было провозглашено предоставление каждому автору, изобретателю либо иному правообладателю возможности добровольного уведомления всех заинтересованных лиц о своих правах посредством заполнения специальной онлайн-заявки. При этом разработчики НРИС поставили перед собой цель охватить в одном реестре все охраняемые по нормам права интеллектуальной собственности объекты: как объекты авторского и смежных прав, патентного

¹ Официальный сайт Библиотеки Конгресса США. – URL: <https://read.gov/>

² Официальный сайт Национального реестра интеллектуальной собственности. – URL: <https://nris.ru/>

права, так и товарные знаки, а также другие приравненные к ним средства индивидуализации.

В настоящее время подобные платформы предлагают различные онлайн-сервисы для авторов, правообладателей, пользователей. Например, Указом Президента Российской Федерации от 28 июня 2021 г. № 378 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности» был создан РЦИС. В качестве основных принципов функционирования подобных платформ, как правило, провозглашаются добровольность, открытость и доступность. Так, с его помощью можно осуществить депонирование онлайн. Это предполагает возможность хранения файла, содержащего результат интеллектуальной деятельности, в защищенной электронной ячейке с выдачей автору электронного свидетельства о депонировании, защищенного цифровой подписью, с указанием даты и времени депонирования как на русском, так и на английском языках. Данное свидетельство может быть также выдано в виде бумажного документа.

Кроме того, был создан специальный сервис Art Cloud, предназначенный для создания авторского портфолио дизайнерских, художественных работ либо фотографий, а также для безопасного обнародования произведений в онлайн-среде. При его использовании также возможно получение свидетельства на каждый файл, содержащий изображения. При загрузке изображения вся информация о нем и об авторе, а также дата и время загрузки фиксируются в распределенном реестре IPChain. Файл загружается в зашифрованном виде в защищенное виртуальное хранилище с возможностью предоставления к нему доступа (обнародования с возможностью выбора уровня доступа для каждого пользователя) либо возможностью сохранения конфиденциальности). Для обеспечения сохранности изображений используется технология блокчейна, гарантирующая неизменность и сохранность произведений, причем каждый файл депонируется с присвоением ему уникального идентификатора.

Возможно также предоставление услуги по выдаче творческого паспорта, позволяющего осуществлять идентификацию авторов и иных правообладателей результатов интеллектуальной деятельности с присвоением уникального идентификатора имени автору, псевдониму или импринту издателя в реестре ISNI (International

Standard Name Identifier). Это упрощает процедуру нахождения автора произведения и эффективно управлять исключительными правами в цифровой среде.

Система защиты контента Antipiracy позволяет отслеживать размещение фильмов, фотографий и иных изображений, музыкальных произведений в информационно-телекоммуникационных сетях, и направлять досудебные претензии нарушителям в автоматическом режиме. Система функционирует на основе технологии искусственного интеллекта и позволяет проводить мониторинг социальных сетей, поисковиков, маркетплейсов, файлообменников и других популярных сетевых ресурсов. По итогам такого мониторинга формируются отчеты, позволяющие установить место нахождения незаконно размещенного контента в сети Интернет и осуществлять защиту цифрового контента. Подобная защита предполагает выявление нарушений исключительных и иных интеллектуальных прав, а также их фиксацию, установление владельцев сетевых ресурсов, на которых контент размещен без согласия на то правообладателя и направление им досудебных претензий.

Претензионная работа также возможна, она предполагает создание доказательственной базы (например, получение скриншотов страниц, на которых объект размещен без согласия правообладателя), выявление владельцев доменов и направление им претензий, а также направление соответствующих требований и регистраторам доменов, и хостинг-провайдерам при непосредственном взаимодействии с Роскомнадзором. Кроме того, данная система позволяет формировать отчеты о фактах незаконного использования и результатах защиты исключительных прав. Для этого необходимо осуществить депонирование файла в блокчейн-реестре (цифрового эталона, с которым будут сопоставляться все файлы, найденные в информационно-телекоммуникационной сети Интернет). Тем самым обеспечивается проведение мониторинга нелегального размещения контента в Интернете (в Южной Корее эту функцию выполняет, в частности, цифровой сервис ICOP).

Еще один ресурс, предоставляющий возможность регистрации результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, –

IREG¹. С его помощью также можно осуществлять депонирование результатов интеллектуальной деятельности, а также иных объектов, в том числе средств индивидуализации товаров, работ, услуг и предприятий. Этот ресурс предполагает оформление цифрового сертификата, проведение аудита интеллектуальных прав, составление проектов договоров о распоряжении исключительными правами, а также в случае необходимости – защиту нарушенных или оспариваемых интеллектуальных прав с обеспечением соответствующей доказательственной базы.

В целях защиты нарушенных интеллектуальных прав также возможно использование электронных сервисов, администрируемых Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС). Один из таких сервисов – относительно недавно созданная онлайн-платформа WIPO ALERT, на которую государства – участники ВОИС могут загружать сведения о сайтах в сети Интернет, а также приложениях, в рамках функционирования которых нарушаются нормы национального авторского законодательства².

В настоящее время также весьма актуально создание своего рода интеллектуальной биржи – цифровой платформы, посредством которой можно совершать сделки, направленные на отчуждение исключительных прав и заключение лицензионных договоров.

Для авторов поиск необходимого финансирования является актуальной задачей, способствовать решению которой можно обращаясь к различным краудфандинговым платформам. В рамках ВОИС создана онлайн-платформа WIPO Match³. Используя ее, правообладатели могут наладить взаимодействие с потенциальными инвесторами, для того чтобы более полно реализовать потенциал промышленности и частного сектора в интересах экономического, социального и культурного развития развивающихся стран, наименее развитых стран и стран с переходной экономикой. ВОИС выступает координатором этого сотрудничества и популяризатором примеров успешного взаимодействия.

Концепция цифровой биржи прав на инновационные объекты исключительных прав (изобре-

тения, промышленные образцы, полезные модели и т. д.) особенно актуальна в условиях санкционного давления со стороны недружественных государств. Подобные биржи существуют, например, в Сингапуре, Китае, Южной Корее и других странах. Объединение в рамках таких площадок правообладателей и пользователей обеспечивает активное функционирование рынка исключительных прав, осуществляет их учет, мониторинг и анализ эффективности их использования.

Полагаем, что сегодня возможно стимулировать усилия авторов и иных правообладателей для эффективного осуществления ими с помощью цифровых технологий действий, необходимых не только для депонирования, но и эффективного управления исключительными правами, а также защиты интеллектуальных прав в случае их нарушения либо возникновения угрозы нарушения. В условиях цифровизации подобные механизмы помогают не только устанавливать правообладателей, а также выявлять объекты, права на которые были нарушены в результате их незаконного использования исключительных прав правонарушителями, но и предпринимать необходимые меры по пресечению таких нарушений.

Формируемые для этого базы данных, как правило, функционирующие на базе технологии блокчейна, должны позволять не только авторам, изобретателям, но и иным правообладателям, а также пользователям производить проверку необходимых им сведений о зарегистрированных объектах, обеспечивая тем самым необходимую доказательственную основу для ведения судебного разбирательства. В случае необходимости по запросам заинтересованных физических и юридических лиц, а также государственных органов целесообразно получение соответствующей выписки из реестра.

В целом такая альтернативная система регистрации и депонирования охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации вполне может упрощать сбор и представление суду необходимых доказательств. Особенно актуальной представляется возможность облечения таких доказательств в надлежащую форму, если это требуется в рамках судебного либо административного разбирательства, касающегося нарушения исключительных прав.

¹ Официальный сайт IREG. – URL: <https://ireg.pro/>

² Онлайн-платформа WIPO ALERT. – URL: <https://www.wipo.int/wipo-alert/ru/>

³ Онлайн-платформа WIPO Match. – URL: <https://www.wipo.int/wipo-match/ru/index.html>

Список литературы

1. Актуальные проблемы авторского права по гражданскому законодательству Российской Федерации : монография / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. – М. : Проспект, 2021.
2. Близнец И. А., Леонтьев К. Б., Ревинский О. В. Практические инструменты коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности. – М. : Российская государственная академия интеллектуальной собственности, 2014.
3. Брикалина А. А., Костюченко К. В. Актуальные вопросы защиты интеллектуальных прав в условиях цифровизации // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2020. – № 1. – С. 384 – 388.
4. Савина В. С. Эволюция концепции права интеллектуальной собственности. – М. : Юрсервитум, 2019.
5. Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. – М. : Проспект, 2019.

Анализ правового регулирования оборота цифровых активов в Великобритании¹

О. В. Нардина

кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента международного
и публичного права юридического факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
125167, Москва, Ленинградский проспект, д. 55.
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: nardina.ov@rea.ru

В. А. Свечников

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: svechnikov.va@rea.ru

Analysis of the Legal Regulation of the Turnover of Digital Assets in Great Britain

O. V. Nardina

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law
of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics.
Address: Financial University under the Government of the Russian Federation,
55 Leningradsky prospect, Moscow, 125167, Russian Federation.
Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: nardina.ov@rea.ru

V. A. Svechnikov

Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines
of the Plekhanov Russian University of Economics.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: svechnikov.va@rea.ru

Аннотация

Цифровые права приобретают все большее значение в современном гражданском обороте. Их применение разнообразно, при этом использование электронной подписи, криптографии, смарт-контрактов и иных технологических процессов расширяет способы создания, доступа и передачи цифровых прав. Такое тех-

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-20415.

нологическое развитие будет продолжаться, поэтому важным для каждой страны является правовое регулирование оборота цифровых прав и их защита. В статье исследуются вопросы правового и институционального регулирования оборота цифровых активов в Великобритании. Авторами выявляется несовершенство современного законодательства, адаптация норм, регулирующих традиционные финансовые инструменты, к современным цифровым продуктам. Очевидно, что законодательство Великобритании, как и других стран, в сфере оборота цифровых активов находится в стадии формирования.

Ключевые слова: цифровые права, криптовалюты, объекты данных, законодательство Великобритании, Управление финансового надзора (FCA), Банк Англии.

Abstract

Digital rights are becoming increasingly important in modern civil circulation. Their applications are diverse, with the use of electronic signatures, cryptography, smart contracts and other technological processes expanding the ways in which digital rights are created, accessed and transferred. Such technological development will continue, therefore, it is important for each country to regulate the circulation of digital rights and their protection. The article examines the issues of legal and institutional regulation of the circulation of digital assets in the UK. The authors reveal the imperfection of modern legislation, the adaptation of the norms governing traditional financial instruments to modern digital products. It is obvious that the legislation of the UK, as well as other countries, in the field of circulation of digital assets is in the process of formation.

Keywords: digital rights, cryptocurrencies, data objects, UK law, Financial Conduct Authority (FCA), Bank of England.

Цифровые активы, основанные на технологии распределенного реестра, привлекают внимание не только крупных инвесторов, но и простых граждан по всему миру. Исследование потребителей криптовалют, проведенное в Великобритании Управлением финансового надзора (FCA) в 2021 г., показало, что около 3 млн взрослых британцев в настоящее время владеют той или иной формой криптовалюты [7]. Отдельные британские банки инвестировали в технологии блокчейна. Например, Standard Chartered в партнерстве с Northern Trust запустила Zodia Custody, сервис хранения криптовалют, ориентированный на институциональных инвесторов. Ряд крупномасштабных международных блокчейн-проектов с участием глобальных финансовых институтов связаны с Великобританией. В качестве примера можно привести британский проект Finality International, поддерживаемый консорциумом финансовых институтов, который разрабатывает токенизированные версии пяти основных фиатных валют (CAD, EUR, GBP, JPY и USD). В июне 2019 г. 14 крупных финансовых институтов (включая Lloyds и Barclays) инвестировали в Finality 50 млн фунтов стерлингов, а в марте 2022 г. компания получила дополнительные значительные инвестиции от клирингового гиганта Euroclear.

Несмотря на то что рынок цифровых активов в Великобритании постоянно растет, он остается небольшим по сравнению с другими странами. Правительство Великобритании стремится его расширить и сохранить позиции одного из

ведущих финансовых центров в мире. Так, в Цифровой стратегии Великобритании (UK Digital Strategy, 2022) говорится о необходимости цифровой трансформации. Дорожная карта для развития цифровых технологий на 2022–2025 гг.¹ ставит целью построение более инклюзивной, конкурентоспособной и инновационной цифровой экономики, способной обеспечить:

- международную репутацию безопасного и прозрачного места для ведения бизнеса;
- высокие стандарты регулирования;
- снижение рисков и защиту потребителей;
- поддержку инноваций и др.

Принятие документов стратегического планирования обосновывает стремление государственного воздействия на цифровые технологии, применяемые в экономике, однако формирование и эффективное функционирование рынка цифровых активов невозможно без полноценного правового регулирования.

Эту тенденцию отмечают исследователи цифровых технологий. А. И. Овчинников и В. И. Фатхи. В связи развитием цифровизации экономики они утверждают, что перед правовой доктриной «стоит задача спрогнозировать, какие новые направления в развитии системы права будут появляться, какие отрасли и правовые институты способны к трансформации в новых

¹ Transforming for a digital future: 2022 to 2025 roadmap for digital and data.

условиях, а какие требуют разработки» [4. – С. 104–105].

На международном уровне отсутствует единый правовой подход регулирования оборота цифровых активов. В Европейском союзе в настоящее время регулирование направлено на противодействие легализации преступных доходов и финансированию терроризма¹.

Одной из первых попыток комплексного регулирования криптовалют является проект Закона о рынках криптоактивов (Markets in Crypto-Assets (MiCA) Regulation), разработанный Европейским советом в октябре 2022 г. Регулирование охватывает несколько ключевых областей правового воздействия: в области противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма – обеспечивает прозрачность и раскрытие информации; в области защиты прав потребителей – авторизацию и надзор за транзакциями, ответственность криптокомпаний.

Законопроект (MiCA) разделяет криптоактивы на три категории:

- электронные деньги – криптоактивы, целью которых является стабилизация их стоимости за счет ссылки только на одну официальную валюту;

- токены, привязанные к активам, – токены, не являющиеся аналогами электронных денег и предназначенные для поддержания стабильной стоимости за счет ссылки на любую другую ценность. Подобный подход является всеобъемлющим, рассчитанным на появление в будущем иных форм цифровых активов;

- остальные криптоактивы – служебные токены, предназначенные для предоставления доступа к товару или услуге, предоставляемой эмитентом этого токена.

Закон о рынках криптоактивов (MiCA) может быть принят Европейским парламентом в начале 2023 г., в этом случае он вступит в силу в 2024 г. При этом для эффективного правового регулирования цифровых активов необходим международный подход. Связано это с несколькими обстоятельствами, во-первых, с характером криптоактива. Не имеющий территориальной привязки, он распространяется в электронной форме. Таким образом, любое правовое регулирование

(независимо от его статуса – национальное или же наднациональное) в перспективе является экстерриториальным» [1. – С. 139]. Во-вторых, чрезмерное регулирование на региональном или национальном уровне могут подтолкнуть участников рынка криптоактивов искать менее регулируемые юрисдикции. На данную особенность обращает внимание В. Феррари, исследующая регулирование криптоактивов в ЕС. Она считает, что подобная ситуация способна поставить «под угрозу защиту инвесторов, поскольку токены могут быть проданы европейским инвесторам из других юрисдикций. Учитывая эти риски, предпочтительным будет сбалансированный подход к регулированию» [6. – С. 327]. О. Г. Боброва и К. В. Горлов, анализируя подходы различных стран к правовому регулированию цифровых активов, настаивают на целесообразности сочетания запретов и дозволений, поскольку запреты способны лишить государство «преимуществ легализации данных видов деятельности. Например, государственный бюджет не получит налогов, взимаемых со сделок с цифровыми активами» [3. – С. 40–41].

Великобритания после Brexit не ориентируется на европейское законодательство и стремится обойти ЕС в области правового регулирования инновационных финансовых услуг. При этом правительство Великобритании планирует использовать потенциал криптовалюты и стимулировать инновации не за счет снижения стандартов, а за счет внедрения надежного и эффективного регулирования. В настоящее время в Великобритании правовое регулирование цифровых прав является консервативным. Существующую нормативную базу, регламентирующую традиционные финансовые инструменты, стараются адаптировать для цифровых активов. Так, например, Положение об электронных деньгах² регламентирует оборот электронных денег, а также дает представление о цифровом фунте стерлингов Великобритании. Закон о финансовых услугах и рынках³ регулирует оборот токенов ценных бумаг, соответствующих акциям или долговым инструментам и др.

И. З. Аюшеева, анализируя цифровые объекты гражданских прав, обращается к законодательству США. Она отмечает, что «предложения

¹ Directive (EU) 2018/1673 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2018 on combating money laundering by criminal law.

² The Electronic Money Regulations, 2011 (changes on 2022).

³ Financial Services and Markets Act, 2000 (changes on 2022).

и продажа ценных бумаг подчиняются правилам законодательства о ценных бумагах, даже если эти ценные бумаги приобретаются с помощью виртуальных валют или распространяются с помощью технологии блокчейн» [2. – С. 35]. То есть подход законодателя США является аналогичным подходу, действующему в Великобритании. Тем не менее традиционное законодательство не всегда согласуется с современными нетрадиционными продуктами. Так, в Великобритании в зависимости от характеристик токена он может классифицироваться как ценная бумага, долговая ценная бумага или схема коллективного инвестирования. Данные токены признаются и регулируются Управлением финансового надзора (FCA). Но если токен не определяется категорией ценных бумаг, то он может быть нерегулируемым.

Не определен в текущем законодательстве Великобритании и статус криптовалюты. Криптовалюта – цифровая валюта, созданная с помощью распределенного реестра, включающего сеть без централизованного управления. Криптовалюта создается, когда криптографическая информация, сгенерированная в этой сети, токенизируется и получает ценность, чтобы ею можно было торговать и ее передавать. Это определение учитывает техническую и экономическую природу криптовалют. На нормативно-правовом уровне нет ни определения криптовалюты, ни классифицирующих признаков, позволяющих определить ее правовую природу – товар или валюту. Управление финансового надзора (FCA) с осторожностью относится к определению статуса криптовалюты, тем не менее все предприниматели, занимающиеся в Великобритании предоставлением финансовых услуг, в том числе с криптовалютой (биржи, консультанты, инвестиционные менеджеры), обязаны получить лицензию и соблюдать законодательство в сферах:

- борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма (The Money Laundering, Terrorist Financing and Transfer of Funds (Information on the Payer) Regulations, 2017);

- защиты клиентов/потребителей (Consumer Rights Act, 2015).

Внесенные в октябре 2022 г. изменения в Закон о финансовых услугах и рынках (Financial Services and Markets Act, 2000 (changes on 2022)) ужесточают финансовое регулирование цифровых активов и поставщиков цифровых

услуг. Например, без разрешения Управления финансового надзора (FCA) никто не может в ходе ведения бизнеса сообщать о приглашении к участию в какой-либо инвестиционной деятельности, в том числе связанной с криптоактивами. Включаются в работу с криптоактивами и другие государственные органы Великобритании. Так, Банк Англии стремится обеспечить совместимость существующей платежной системы с системами на базе распределенных реестров. Управление по налогам и таможенным пошлинам разработало руководство по политике налогообложения криптоактивов (UK Crypto Tax Guide, 2022). Управление не считает криптоактивы деньгами или валютой, оно группирует их в зависимости от категорий: биржевые токены, служебные токены, токены безопасности и стейблкоины. При этом налоговый режим всех типов токенов зависит от их использования, а не от видового определения.

Ситуация с правовым регулированием криптоактивов в Российской Федерации имеет схожие проблемы. Они были достаточно подробно исследованы Р. М. Янковским. Рассмотрев частноправовую и финансово-правовую дискуссии о правовом регулировании цифрового рынка, он констатирует, что правовая природа криптовалюты, ее место в системе объектов гражданских прав, а также способы защиты прав на криптовалюту не получили эффективного правового закрепления и регулирования, несмотря на то что в Гражданский кодекс Российской Федерации было введено определение цифровых прав. Государство сконцентрировало внимание на финансово-правовых вопросах, связанных с мерами борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма. Р. М. Янковский: «Сотрудники Минфина и Росфинмониторинга... сосредоточились на возможных ограничениях и в целом придерживались охранительного подхода» [5. – С. 45–46]. Данные меры нашли отражение в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Возвращаясь к правовой системе Великобритании, еще раз подчеркнем ее сосредоточенность на регулировании деятельности предпринимателей, предоставляющих финансовые услуги. При этом статус цифровых активов остается неопределенным. Эта ситуация требу-

ет урегулирования. Среди предложений рассматривается возможность включения цифровых прав в систему объектов права личной собственности. Право личной собственности Великобритании является подотраслью права собственности, регулирующей имущественные отношения, не связанные с недвижимостью. В рамках подотрасли система объектов личного права собственности состоит из двух элементов. Во-первых, вещи во владении, под ними понимаются материальные объекты. Во-вторых, вещи в действии, включающие права, которые могут быть юридически обеспечены, например, договорные. Цифровые права нематериальны, поэтому их нельзя включить в первую категорию, они не могут быть вещами во владении и не являются и вещами в действии. Цифровые активы могут предоставлять определенные договорные права, которые должны защищаться, но сам актив не может быть вещью в действии.

Рассматривая дело № CL-2019-000746 о мошенничестве с криптовалютами Арбитражный суд Англии и Уэльса (High Court of Justice business & property Courts of England and Wales commercial Court (QBD)), пришел к выводу, что держатели криптовалют должны получить правовую защиту, а цифровые права могут рассматриваться как объекты права собственности. Как обоснования были выдвинуты следующие тезисы:

- криптовалюты, включая биткоин, поддаются определению, а их владельцы могут быть идентифицированы;
- их можно сравнить с другими цифровыми активами — криптовалюты существуют до тех пор, пока не будут выкуплены, погашены или использованы;
- криптовалюты имеют отличительные особенности, такие как неосязаемость, необходимость криптографической аутентификации, использование распределенного реестра, децентрализованность и др.

Таким образом, Арбитражный суд Англии и Уэльса посчитал, что традиционные определения и концепции не должны ограничивать перечень объектов права собственности, их необходимо адаптировать к новой деловой практике. Тем не менее указанное и иные решения Арбитражного суда не являются абсолютными, и связано это с тем, что они были вынесены на слушаниях по временным судебным запретам, а не

основаны на полном судебном разбирательстве. Следовательно, вышестоящая судебная инстанция может после полного судебного разбирательства по этому вопросу постановить, что криптоактивы не являются объектом права собственности. Для обеспечения правовой определенности правительство в 2021 г. обратилось в Юридическую комиссию Великобритании (Law Commissions Act, 1965). Исследовав современное законодательство, а также правоприменительную практику, комиссия предложила провести реформирование института права собственности, при котором цифровые права будут признаваться в качестве одного из объектов права личной собственности. Считаем, что признание цифровых активов объектом права личной собственности будет иметь ключевое значение и позволит рассматривать их наряду с другим имуществом не только в рамках правоотношений личной собственности, но и в смежных правоотношениях, таких как правопреемство, способы обеспечения исполнения обязательств, несостоятельность, наследование, семейные отношения и др.

Цифровые активы как объекты права личной собственности предложено называть объектами данных. Они определяются исходя из следующих критериев. Во-первых, объекты данных должны быть представлены на электронном носителе в виде компьютерного кода, электронных, цифровых или аналоговых сигналов. Этот критерий необходим, чтобы различать объект данных с вещью, находящейся во владении. Например, жесткий диск является физическим объектом и, следовательно, является вещью во владении. При этом данные, хранящиеся на жестком диске, не будут предметом владения, поскольку эта информация не является физическим элементом.

Во-вторых, объекты данных должны существовать независимо от лиц и от правовой системы. Этот критерий позволит отграничить объекты данных от вещей в действии. Реализовать свое право в действии можно путем предъявления иска к конкретному лицу в рамках конкретной правовой системы. Криптоактив, размещенный на блокчейне, существует вне сферы деятельности конкретного лица, вне рамок любой правовой системы.

В-третьих, объекты данных должны быть соперничающими, т. е. использование предмета одним лицом обязательно наносит ущерб спо-

способности других использовать его в одно и то же время. Например, если лицо владеет токеном криптоактива и решает потратить этот токен, другое лицо не может использовать эти токены одновременно. Данный признак является важнейшим, именно он подлежит защите правом собственности.

В-четвертых, передача объекта данных приводит к изменению крипто токена. Обычно передача вещи от одного лица к другому не меняет существа самой вещи. Однако в отношении объектов данных это правило не действует. К фактическим последствиям передачи крипто токенов относятся:

- аннулирование исходного крипто токена и создание нового крипто токена. Здесь должны применяться правила производной передачи правового титула. То есть интерес нового собственника зависит от передачи прав предшественника и является производным от него;

- переход контроля от плательщика к получателю;

- изменение распределенного реестра. Распределенный реестр не всегда является окончательной записью правового титула, а скорее фиксирует фактическое положение – транзакции, которые имели место в системе крипто токенов. Тем не менее он может служить убедительным доказательством права собственности.

Обеспечение права собственности на традиционные объекты – вещи во владении и вещи в действии – зависит от лица, контролирующего соответствующую вещь или право. Им может быть собственник, владелец, пользователь, держатель и др. Однако концепция контроля может не работать для объектов данных.

В отношении криптоактивов контроль часто определяется лицом, владеющим криптографическим ключом.

Подобный факт может привести к ситуации, когда владелец криптоактива является лицом незащищенным, так как провайдер кошелька или третья сторона хранят криптографический ключ от его имени.

Поставленный вопрос является чрезвычайно важным. Между тем юридическая комиссия не разработала рекомендации в отношении контроля объектов данных, а, учитывая прецедентный характер права, правоприменитель может столкнуться с рядом проблем. Во-первых, разные судьи, рассматривая схожие факты, могут принять разноплановые решения. Во-вторых, не каждое дело создает прецедент.

Юридическая комиссия данные рекомендации представит Правительству Великобритании в 2023 г. На их основании законодательные изменения возможны не ранее 2024 г.

Таким образом, сфера финансовых услуг Великобритании, внедряющая цифровые активы, развивается и может использоваться в качестве инновационного инструмента привлечения капитала. Однако извлечение экономических преимуществ возможно лишь при эффективном государственном и правовом регулировании. Основными регуляторами цифровых активов в Великобритании являются Банк Англии и Управление финансового надзора (FCA). Они принимают государственные меры, позволяющие снижать потенциальные риски от оборота криптоактивов для потребителей и целостности рынка, защищать государство от угроз финансовой стабильности, а также поощрять ответственное развитие законной финансовой деятельности.

При этом существующая нормативно-правовая база, регулирующая традиционные формы финансовых услуг, не адаптирована к современным цифровым активам и требует серьезного реформирования.

Список литературы

1. Абдуллаева З. Ю. Правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и странах Европейского союза // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. – 2022. – № 8. – С. 131–140.
2. Аюшеева И. З. Цифровые объекты гражданских прав // Lex russica. – 2021. – Т. 74. – № 7. – С. 32–43.
3. Боброва О. Г., Горлов К. В. Правовое регулирование отдельных видов цифровых активов в странах мира // Экономика. Право. Инновации. – 2020. – № 3. – С. 37–42.
4. Овчинников А. И., Фатхи В. И. Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. – 2019. – № 3. – С. 104–112.

5. Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 43–77.
6. Ferrari V. The Regulation of Crypto-Assets in the EU – Investment and Payment Tokens under the Radar // Maastricht Journal of European and Comparative Law. – 2020. – № 27 (3). – P. 325–342.
7. Research Note: Cryptoasset Consumer Research. – 2021. – URL: <https://www.fca.org.uk/publications/research/research-note-cryptoasset-consumer-re> (дата обращения: 20 декабря 2022 г.).

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-2-64-70>

Понятие эскроу-счета и основные положения его использования в договоре долевого участия

А. М. Белялова

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: belyalova.am@rea.ru

И. С. Денисов

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: is.denisov@mail.ru

The Concept of an Escrow Account and the Main Provisions of its Use in an Equity Participation Agreement

A. M. Belyalova

PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: belyalova.am@rea.ru

I. S. Denisov

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: is.denisov@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье проанализировано использование эскроу-счета в области долевого строительства на территории Российской Федерации. Раскрываются дефиниция эскроу-счета, целевое назначение, существенные черты, отличия от договора участия в долевом строительстве, а также его преимущества и недостатки. Охарактеризована модель применения эскроу-счета в рамках долевого строительства, а также сделаны прогнозы относительно ее возможной проблематики. Сформулирован вывод о необходимости изменения кадровой политики в банковских организациях в связи с произведенными законодательными обновлениями. Актуальность выбранной темы объясняется прежде всего распространенностью, всеобщностью проблемы обмана граждан, безвозвратно потерявших свои деньги ввиду «замороженных» строительных работ. Несколько лет назад на высшем государственном уровне началось серьезное обсуждение проблем, связанных с долевым строительством. В первую очередь было уделено внимание стабильному увеличению численности обманутого населения. В качестве способа решения этой острой проблемы выбран институт эскроу-счета. Цель настоящей статьи состоит в комплексном анализе использования эскроу-счета в рамках долевого строительства, выявлении его проблем. В основе настоящего исследования лежат такие методы, как системно-структурный, моделирование, анализ и обобщение.

Ключевые слова: договор банковского счета, эскроу-агент, депонент, дольщик, застройщик, банковская организация, денежные средства, строительный процесс.

Abstract

This article analyzes the use of an escrow account in the field of shared-equity construction in the territory of the Russian Federation. The definition of an escrow account, purpose, essential features, differences from the contract of participation in shared construction, as well as its advantages and disadvantages are revealed. Have characterized the model of using an escrow account in the framework of shared-equity construction, and also made predictions about its possible problems. The conclusion is formulated about the need to change the personnel policy in banking organizations in connection with the legislative updates. The relevance of the chosen topic is explained primarily by the prevalence, universality of the problem of cheating on citizens who have irretrievably lost their money due to "frozen" construction works. A few years ago, a serious discussion of problems related to shared-equity construction began at the highest state level. First of all, attention was paid to the steady increase in the number of the deceived population. The institute of escrow accounts has been chosen as a way to solve this acute problem. The purpose of this article is a comprehensive analysis of the use of an escrow account in the framework of shared-equity construction, identifying its problems. The present research is based on such methods as system-structural, modeling, analysis and generalization

Keywords: bank account agreement, escrow agent, depositor, equity holder, developer, banking organization, cash, construction process.

Эскроу-счет урегулирован в первую очередь нормами отечественного гражданского законодательства.

Так, в пункте 1 статьи 860.7 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закреплена его легальная дефиниция: «По договору счета эскроу банк (эскроу-агент) открывает специальный счет эскроу для учета и блокирования денежных средств, полученных им от владельца счета (депонента) в целях их передачи другому лицу (бенефициару) при возникновении оснований, предусмотренных договором счета эскроу»¹. Обратим внимание на то, что конструкция счета эскроу крайне популярна в странах зарубежного правового порядка. При этом в отличие от России в иностранной практике данный механизм используется довольно продолжительное время.

В Российской Федерации одним из самых острых вопросов справедливо считается проблема защиты прав и законных интересов граждан, отнесенных к группе так называемых обмануемых дольщиков.

До недавнего времени предусмотренные национальными нормами механизмы, предназначенные для защиты таких граждан, не позволяли достичь желаемых результатов. Слишком часто в практической деятельности встречались

ситуации, при которых люди, вложившие деньги в строящийся объект недвижимости, оставались в конечном счете с недостроенным жильем и без денег.

Так, по официальной информации от Минстроя России², количество договоров в сфере строительства, заключенных с обманутыми дольщиками, на январь 2019 г. составило практически 99 000. Очевидно, что любой гражданин, желающий купить недвижимую вещь, должен иметь гарантии того, что он сможет возратить денежные средства в случае, если строительный процесс был приостановлен на длительный срок или вообще прекращен.

В результате для выправления сложившейся негативной практики в строительной сфере российский законодатель в 2018 г. ввел использование эскроу-счетов³.

Стоит отметить, что если в 2018 г. применение этого механизма базировалось на началах

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

² См.: URL: <https://rg.ru/2019/01/25/minstroj-nazval-chislo-dolgostroev-i-obmanutyh-dolshchikov.html> (дата обращения: 30.01.2020).

³ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 25 декабря 2018 г. № 478-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8404.

добровольности, то в 2019 г. был провозглашен принцип императивности такого применения¹.

Важно сказать о том, что не любая банковская организация сможет принять участие в использовании эскроу-счета в пределах правоотношений, возникающих в области долевого строительства. Так, открытие данного рода счетов осуществляют только те банковские организации, которые отвечают определенным качественным признакам, которые раскрываются в Постановлении Правительства Российской Федерации² от 18 июня 2018 г. № 697. Назовем эти признаки:

- банковская организация должна получить не любую лицензию, а только ту, которая отличается универсальностью;

- банковская организация должна обладать статусом участника в сфере обязательного страхования вкладов;

- банковской организацией не должны использоваться ограничители по реализации определенных отраслей, юридических лиц ввиду применения санкций к российскому государству. Кроме того, не должно быть рисков относительно использования банковской организацией данного рода ограничителей. Если банковская организация не обладает указанным признаком, то вышший орган исполнительной власти оформляет соответствующее решение, а затем передает его в Центральный банк Российской Федерации.

Отметим, что банковская (кредитная) организация, в соответствии с пунктом 5.2 статьи 7 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных пре-

ступным путем, и финансированию терроризма»³, имеет право отказаться от заключения договора об открытии эскроу-счета с клиентом-юридическим лицом, который отнесен кредитной организацией к группе низкой степени (уровня) риска совершения подозрительных операций. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа рассматривал иск, поданный истцом ООО «Реит» в отношении ответчика – Публичного акционерного общества Банк «Финансовая корпорация «Открытие». Суть спора заключалась в отказе ПАО Банк ФК «Открытие» от открытия специального счета эскроу. Обосновывая причину отказа, банк назвал приведенную выше норму закона – пункт 5.2 статьи 7 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁴. Иск был отклонен, так как суд исходил из доказанности факта подозрительности и сомнительности банковских операций общества.

Таким образом, думается, что эскроу-счет в строительной сфере является если не панацеей, то весьма эффективным способом законодательной защиты граждан, заключивших договор участия в долевом строительстве (далее – ДДУ). В частности, с помощью привлечения к процессу исполнения ДДУ банковской организации учитываются интересы обоих контрагентов: 1) застройщику даются гарантии по оплате его работы; 2) участнику ДДУ гарантируется, что застройщик не получит денег ровно до тех пор, пока не выполнит свои обязательства перед ним по ДДУ.

На основании анализа, упомянутого ранее (пункт 1 статьи 860.7 Гражданского кодекса Российской Федерации), можно установить, что:

- эскроу-счет не обладает самостоятельными признаками для выделения его в отдельную разновидность гражданско-правового договора;

- эскроу-счет – это разновидность договора банковского счета;

- предметом данной разновидности банковского счета выступает размещение денежных

¹ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июня 2019 г. № 151-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 26. – Ст. 3317.

² См.: Об утверждении критериев (требований), которым в соответствии с Федеральным законом «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» должны соответствовать уполномоченные банки и банки, которые имеют право на открытие счетов эскроу для расчетов по договорам участия в долевом строительстве: Постановление Правительства Российской Федерации от 18 июня 2018 г. № 697 (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 27. – Ст. 4066.

³ См.: Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 18 марта 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33. – Ст. 3418.

⁴ Там же.

средств в банковской организации на отдельном счете депонентом для их последующей передачи бенефициару при наступлении оговоренных договорными условиями оснований;

— сторонами счета эскроу выступают банковская организация, которая является эскроу-агентом, а также депонент (применительно к ДДУ это участник долевого строительства).

Конкретизируем законодательное определение эскроу-счета применительно к сфере долевого строительства: договор счета эскроу, заключаемый в сфере долевого строительства, представляет собой разновидность договора банковского счета, по которому участник долевого строительства, выступая в качестве депонента, размещает денежные средства в банковской организации на отдельном счете для их последующей передачи строительной организации при наступлении оговоренных договорными условиями оснований.

Ценность института эскроу-счета заключается в том, что деньги передаются банковской организацией застройщику только после подтверждения того, что тот исполнил оговоренное в ДДУ обязательство перед своим контрагентом.

Таким образом, существование данной договорной конструкции позволяет предупредить появление многих проблемных ситуаций. Ведь в случае с эскроу-счетом деньги на период исполнения ДДУ располагаются вне досягаемости сторон, которые его заключили [1. – С. 118].

Основным отличием эскроу-счета от ДДУ выступает то, что ДДУ регулирует сам строительный процесс, т. е. создание объекта недвижимости, а эскроу-счет – порядок оплаты выполненных застройщиком обязательств¹. При этом в ДДУ в обязательном порядке в разделе, посвященном оплате обязательств застройщика, указывается, что такая оплата производится с помощью эскроу-счета.

При покупке определенного объекта недвижимости, заключении ДДУ участник после его регистрации должен предоставить денежные средства застройщику. Но при этом передача денег осуществляется не непосредственно застройщику, как это было ранее, а опосредованно, т. е. через банковскую организацию.

После размещения денежных средств на особом счете в конкретной банковской организации происходит их блокировка, т. е. доступа к ним нет ни у одного контрагента ДДУ. Указанная блокировка действует в рамках всего строительного процесса. Строительный процесс завершается подписанием контрагентами ДДУ акта приема-передачи. Соответственно, основанием выдачи денежных средств банковской организацией застройщику будет предоставление данного документа, подтверждающего выполнение обязательств по ДДУ.

Важно иметь в виду, что в силу статьи 15.4 Федерального закона № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»² эскроу-счета в долевом строительстве используются в ситуации, когда строительный процесс реализуется за счет денежных средств, полученных строительной организацией на основании договора целевого кредита и в условиях заключенного договора предусматривается обязанность дольщиков оплатить обязательство посредством открытия специального банковского счета. Открытие такого счета связывается с фактом регистрации ДДУ.

Указанное законодательное правило предполагает, что строительный процесс спонсируется не дольщиками, а банковской организацией, заключившей договор целевого кредита со строительной организацией. Источником финансирования в данном случае служат денежные средства, являющиеся объектом кредитного договора. Размещенные на эскроу-счете деньги подлежат передаче застройщику после окончания строительного процесса, подтверждаемого подписанием контрагентами по ДДУ акта приема-передачи недвижимой вещи.

Кроме того, возможен вариант, по которому размещенные на эскроу-счете деньги по окончании строительного процесса используются для оплаты заключенного ранее договора целевого кредита.

¹ См.: Курбанов Р. А. Жилищное право : учебник / под общ. ред. Р. А. Курбанова, Е. В. Богданова. – М. : Проспект, 2016. – С. 56.

² См.: Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 28 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 40.

Следовательно, гражданско-правовое обязательство, вытекающее из содержания договора целевого кредита, подлежит оплате из тех денег, которые были получены от продажи жилых помещений, а проценты по такому договору выплачиваются должником в течение всего строительного процесса.

В. Д. Рудакова убеждена в том, что при наличии эскроу-счета заключение одного договора счета эскроу не является достаточным для надлежащей регламентации соответствующих правоотношений. Так, автор полагает, что в этом случае должны заключаться сразу две разновидности гражданско-правового договора: 1) сам договор счета эскроу, который служит юридическим основанием для открытия банковской организацией специального счета; 2) договор условного депонирования, в котором контрагенты формулируют основания передачи денег банковской организацией бенефициару (т. е. застройщику)¹.

Соответственно, если перенести данную точку зрения в плоскость правоотношений, возникающих в сфере долевого строительства, то, следовательно, должны быть заключены сразу три гражданско-правовых договора: 1) ДДУ; 2) договор счета эскроу; 3) договор условного депонирования.

Представляется, что с указанным доктринальным подходом согласиться нельзя. В первую очередь наше несогласие основывается на пункте 2 статьи 860.7 ГК РФ. Из анализа этой гражданско-правовой нормы следует, что основания передачи денег в данном случае могут быть сконструированы как в договоре счета эскроу, так и в любой другой разновидности гражданско-правового договора. В рассматриваемом нами случае абсолютно логичным является формулирование условий для выдачи денежных средств банковской организацией застройщику в ДДУ, поскольку именно последний выступает юридическим основанием для открытия счета-эскроу.

Определим сущностные признаки эскроу-счета:

1. Эскроу-счет носит целевой характер. В частности, его назначением выступает обеспечение надлежащего исполнения ДДУ.

2. Эскроу-счет отличается срочностью. Так, срок действия эскроу-счета фактически определяется сроком строительного процесса по ДДУ.

3. Эскроу-счет носит зависимый характер по отношению к обязательству, вытекающему из ДДУ.

Как мы ранее отметили, эффективность эскроу-счета как способа законодательной защиты денег граждан, заключающих ДДУ, состоит в том, что деньги строительная организация сможет получить только при условии надлежащего исполнения принятых обязательств по ДДУ. Добросовестная строительная организация также вправе рассчитывать на все выплаты, которые были оговорены при заключении ДДУ. Иначе говоря, эскроу-счет защищает по всем направлениям, так как:

- уменьшаются риски в части неисполнения обязанностей по ДДУ строительной организацией (застройщиком);

- уменьшаются риски в части утраты денег дольщика при недостроенном объекте недвижимости. Таким образом, эскроу-счет на сегодняшний день признается оптимальным способом минимизации рисков, могущих иметь место при реализации ДДУ.

Следует сказать о том, что наша позиция относительно положительных сторон использования эскроу-счета при оплате обязательств по ДДУ является не единственной. Так, отечественные правоведы [2. – С. 22; 4. – С. 60] также подчеркивают множество плюсов данного механизма:

1) во-первых, благодаря эскроу-счету строительная организация фактически становится подотчетной банковской организации в своих обязательствах перед дольщиками. Здесь нужно понимать, что банковская организация – это профессиональный участник хозяйственного оборота, в отличие от дольщиков. Следовательно, банковская организация в ходе проверки будет запрашивать любые документы, информационные сведения и в любом количестве, что, безусловно, способствует всестороннему изучению надлежащего исполнения обязательств строительной организацией как застройщиком;

2) во-вторых, эскроу-счет делает максимально безопасным вложение денежных средств в строительство жилых помещений;

3) в-третьих, при эскроу-счете в обязательном порядке соблюдается условие о целевом

¹ См.: Рудакова В. Д. Гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. В. Л. Слесарев. – М. : Проспект, 2016. – Т. 2. – С. 395.

применении предоставленных банковской организацией денег.

Представляется, что эффективность использования эскроу-счетов в сфере строительства в будущем может доказать только практика. К сожалению, российский законодатель уже имел негативный опыт применения тех механизмов, которые получили много одобрения на этапе их законодательного закрепления, однако не оправдали себя. В частности, имеется в виду прежде всего институт страхования гражданско-правовой ответственности строительных фирм. В конечном счете указанный институт стабилизировать ситуацию в части обмана граждан, заключавших ДДУ, так и не смог.

Выше нами отмечено, что эскроу-счет должен успешно справиться с защитой законных интересов как застройщиков, так и дольщиков. Но при этом его защита распространяется и на еще одного субъекта правоотношений – банковскую организацию. В частности, последняя также получает определенную пользу от оформления эскроу-счетов в области долевого строительства, так как ей гарантируется возврат денежных средств и процентов в соответствии с заключенными кредитными договорами. Думается, что детальное изучение информационных сведений, подтверждающих качественное выполнение строительных работ застройщиком, потребует от банковских организаций изменения кадровой политики.

Можно предположить, что в структуре банковских организаций появятся новые сотрудники, в перечень обязанностей которых будет входить проверка строительной документации. Данная необходимость обусловлена и тем, что эскроу-счета, как правило, оформляются с теми организациями, которые зарекомендовали себя профессионалами в этой области. Соответственно, банки должны доказать свою компетентность в рамках заключения договоров счета эскроу. В противном случае будет нарушаться фидуциарный характер правоотношений, которые вытекают из заключения данного типа гражданско-правового договора.

Несмотря на все преимущества, которыми обладает эскроу-счет, нельзя не сказать о том, что определенные дефекты ему также присущи. Как справедливо отмечают ученые-юристы, действующий формат применения эскроу-счетов в сфере долевого строительства недвижимости нуждается в серьезной и глубокой законодательной доработке [6. – С. 47]. Например, на сего-

дняшний день остается открытым вопрос о том, какие негативные последствия придется претерпевать дольщикам и строительным организациям, если банковскую организацию, где был открыт эскроу-счет, лишит лицензии Банк России.

В юридическом сообществе укрепилась позиция о том, что закрепление на нормативно-правовом уровне проектного финансирования, бесспорно, способствует эффективизации правовой защиты граждан. Более того, в связи с этим даже термин «обманутые дольщики» утратит свою остроту и актуальность, но при всем этом ситуация на рынке недвижимости будет осложнена по причине удорожания услуг по строительству.

По мнению С. А. Знаменщикова, появившиеся законодательные новеллы в сфере долевого строительства носят непоследовательный, неточный характер; при этом они негативным образом влияют на развитие строительной деятельности на территории нашего государства и конкуренции строительных фирм, а сама конструкция эскроу-счета не способна гарантировать результативность правовой защиты дольщиков. При этом автор полагает, что все эти указанные обстоятельства тормозят развитие альтернативных способов финансирования строительной деятельности в России, что, бесспорно, представляет неразрешимую проблему [3. – С. 42].

Л. А. Кинетова считает, что конструирование отечественным законодателем модели проектного финансирования, которое абсолютно точно будет иметь в качестве последствия расширение экономических издержек, отрицательно повлияет на работу строительных фирм «средней руки», так как последние станут или существенно увеличивать стоимость построенных квартир, или вообще примут решение о своей ликвидации [5. – С. 85].

Выполненный анализ использования эскроу-счета в области долевого строительства показывает, что новеллизация данной законодательной отрасли прежде всего принесет пользу банковским организациям. Дальше по степени заинтересованности в законодательных нововведениях стоят строительные организации.

Вопрос о выгоде для граждан, желающих вложить деньги в строительство жилых помещений, остается открытым, ибо в настоящее время практика применения новых законодательных норм не оформлена.

Таким образом, только лишь апробирование законодательных новелл в практической деятельности в будущем покажет реальную результативность использования эскроу-счета в рамках долевого строительства. Думается, применение эскроу-счетов при заключении и исполнении ДДУ, безусловно, будет иметь одно существенное негативное последствие: недвижимость подорожает. Более того, модель проектного финансирования будет эффективной только лишь в том случае, если на рынке недвижимости будет спрос граждан на уже построенные объекты.

Мы считаем, что если плюсы эскроу-счета в рамках долевого строительства не нивелируют его минусы, то гарантированы сокращение количества застройщиков в строительной сфере, дальнейшее распространение проблемы обманутых дольщиков, повышение стоимости на квартиры, торможение поступательного развития экономического сектора по стране в целом.

Вышеизложенное позволяет сформулировать выводы. Договор счета эскроу, заключаемый в сфере долевого строительства, представляет собой разновидность договора банковского счета, по которому участник долевого строительства, выступая в качестве депонента, размещает денежные средства в банковской организации на отдельном счете для их последующей передачи строительной организации при наступлении оговоренных договорными условиями оснований.

Сущностные признаки эскроу-счета:

1. Эскроу-счет носит целевой характер, в частности, его назначением выступает обеспечение надлежащего исполнения ДДУ.

2. Эскроу-счет отличается срочностью – срок действия эскроу-счета фактически определяется сроком строительного процесса по ДДУ.

3. Эскроу-счет носит зависимый характер по отношению к обязательству, вытекающему из ДДУ.

Преимущества эскроу-счета:

1. Благодаря эскроу-счету строительная организация фактически в своих обязательствах перед дольщиками становится подотчетной банковской организации.

2. Эскроу-счет делает максимально безопасным вложение денежных средств в строительство жилых помещений.

3. При эскроу-счете в обязательном порядке соблюдается условие о целевом применении предоставленных банковской организацией денег.

Основное отличие эскроу-счета от ДДУ – то, что ДДУ регулирует сам строительный процесс, т. е. создание объекта недвижимости, а эскроу-счет – порядок оплаты выполненных застройщиком обязательств. При этом в ДДУ в обязательном порядке в разделе, посвященном оплате обязательств застройщика, указывается, что такая оплата производится с помощью эскроу-счета.

Список литературы

1. Баскакова И. В. Договор счета эскроу: отдельные вопросы правоприменения // Военное право. – 2018. – № 3 (49). – С. 116–121.
2. Гладких В. И. Новое законодательство об «обманутых дольщиках». Поможет ли оно им? // Безопасность бизнеса. – 2019. – № 5. – С. 20–25.
3. Знаменщиков С. А. Договор участия в долевом строительстве и счета эскроу // Бухгалтерский учет. – 2018. – № 12. – С. 41–47.
4. Катвицкая М. Ю. Новые правила для застройщиков и покупателей: эскроу-счет в долевом строительстве // Право и экономика. – 2019. – № 5. – С. 58–62.
5. Кинетова Л. А. Гражданско-правовые аспекты использования эскроу-счетов в договорах долевого участия в строительстве жилья // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 4. – С. 84–87.
6. Сафонов А. В., Алибекова А. А. Эскроу-счет в долевом строительстве // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – Т. 7. – Вып. 1. – С. 43–49.

О некоторых проблемных вопросах приказного производства в арбитражном процессе

М. О. Румянцева

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова,
доцент кафедры гражданского права Российской таможенной академии.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36,
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», 140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, 4.
E-mail: rumyantseva.mo@rea.ru

Н. Д. Ничипорова

магистрант кафедры гражданского права Российской таможенной академии.
Адрес: ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,
140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, 4.
E-mail: nd.nichiporova@customs-academy.ru

О. А. Калядина

заместитель директора Высшей школы права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: kalyadina.oa@rea.ru

About Some Problematic Issues of Writ Proceedings in the Arbitration Process

M. O. Rumyantseva

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the PRUE,
Associate Professor of the Department of Civil Law of Russian Customs Academy.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation,
Russian Customs Academy, 4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation.
E-mail: rumyantseva.mo@rea.ru

N. D. Nichiporova

Master's Student of the Department of Civil Law of Russian Customs Academy.
Address: Russian Customs Academy,
4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation.
E-mail: nd.nichiporova@customs-academy.ru

O. A. Kalyadina

Deputy Director of the Higher School of Law of the PRUE;
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation;
E-mail: kalyadina.oa@rea.ru

Аннотация

В настоящей статье предметом исследования выступает приказное производство в арбитражном процессе. Поднимаются проблемы, с которыми сталкиваются суды и участники предпринимательской деятельности при использовании данного способа защиты прав, в то же время несмотря на несомненные плюсы внедрения приказного производства в арбитражный процесс. На основе проведенного сравнительного ис-

следования норм гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства делается вывод о том, что одновременно с переносом положений о приказном производстве из гражданского процесса в арбитражный законодатель переносит в Арбитражный процессуальный кодекс еще и некоторые недостатки правового регулирования данного института. На примере материалов судебной практики продемонстрировано, что самый быстрый вид производства в арбитражном процессе может обернуться четырнадцатимесячным ожиданием судебного решения. Предлагается авторское видение решения проблем, связанных с возможным затягиванием сроков разрешения дел в арбитражном процессе, при этом внимание обращается не только на обеспечение интересов взыскателя, но и интересов должника.

Ключевые слова: приказное производство, судебный приказ, арбитражный процесс, заявление о выдаче судебного приказа, взыскатель, должник, отмена судебного приказа, заявление об отмене судебного приказа.

Abstract

In this article, the subject of the study is writ proceedings in the arbitration process. The problems that courts and business participants face when using this method of protecting rights are raised, despite, at the same time, the undoubted advantages of introducing writ proceedings in the arbitration process. Based on a comparative study of the norms of civil procedure and arbitration procedural legislation, it is concluded that, simultaneously with the transfer of the provisions on writ proceedings from civil procedure to arbitration, the legislator also transfers some shortcomings of the legal regulation of this institution to the Arbitration Procedural Code. On the example of the materials of judicial practice, it is demonstrated that the fastest type of proceedings in the arbitration process can turn into a fourteen-month wait for a court decision. The author's vision of solving the problems associated with the possible delay in the resolution of cases in the arbitration process is proposed, while attention is paid not only to ensuring the interests of the recoverer, but also the interests of the debtor.

Keywords: writ proceedings, court order, arbitration process, application for issuance of a court order, recoverer, debtor, cancellation of a court order, application for cancellation of a court order.

На сегодняшний день приказное производство является активно используемым процессуальным институтом рассмотрения дел, возникающих из предпринимательской и иной экономической деятельности, «ввиду определенного удобства и оперативности рассмотрения споров, что в свою очередь приближает момент исполнения судебного приказа» [4].

Согласно статистическим данным, представленным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации¹, в 2022 г. в арбитражные суды поступило всего 1 702 812 дел, из которых в порядке приказного производства было рассмотрено 300 437 дел. Данный показатель составляет 17,6% от общего количества рассмотренных дел.

Для сравнения, в 2021 г. арбитражными судами в общей сложности было рассмотрено 1 633 503 дел, из них в приказном порядке – 272 464 дела, т. е. 16,7% от общего числа.

В 2020 г. показатели были следующие: общее количество рассмотренных дел составило

1 509 290, из которых приказной порядок рассмотрения использовался в 238 413 случаях, что составило 15,8% от общего числа рассмотренных арбитражными судами дел.

Таким образом, очевидно прослеживается тенденция к увеличению количества дел, рассматриваемых в порядке приказного производства в арбитражном процессе.

При этом стоит отметить, что институт приказного производства изначально не существовал в арбитражном процессе при введении в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации² в 2002 г. Приказное производство, будучи априори институтом гражданского процесса, известным гражданскому процессуальному законодательству с 1923 г., на протяжении значительного периода времени выступало довольно эффективным инструментом рассмотрения гражданских дел.

Изменения, позволившие ввести приказное производство и в арбитражный процесс, произошли лишь в 2016 г. в связи с принятием Федерального закона от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. 2009–2023. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.05.2023).

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с послед. изм.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

«О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»¹. Как следует из пояснительной записки к законопроекту № 638178-6, инициатором которого выступил Верховный Суд Российской Федерации, введение приказного производства в арбитражный процесс выступило очередным шагом «на пути сближения систем судов общей юрисдикции и арбитражных судов, унификации процессуальных процедур и правил, применяемых этими судами в ходе рассмотрения и разрешения конкретных споров и иных юридических дел»².

Как отмечает В. С. Стерликова, в 2014–2018 гг. «судебная система Российской Федерации претерпела ряд значительных изменений, которые вполне обоснованно назвали «процессуальной революцией» [3].

Начало было положено интеграцией Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Причем изменения затронули как саму судебную систему, так и нормы процессуального законодательства. Целью такого реформирования являлось увеличение эффективности и повышение качества судопроизводства.

Более того, ввиду доказанной эффективности приказного производства, в ближайшее время следует ожидать дальнейшего расширения сферы рассматриваемого института в арбитражном процессе. В подтверждение высказанного предположения следует привести положения Проекта федерального закона № 237135-8, согласно которым предлагается увеличить размер требований, рассматриваемых в порядке приказного производства до 1 млн рублей (вместо нынешних 500 тыс. рублей)³.

Вместе с заимствованием положений о приказном производстве из гражданского процесса в арбитражный (с учетом предметных особенностей арбитражного процесса, а также статуса его

участников, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности), «перекочева-ли», на наш взгляд, и некоторые недостатки правового регулирования данного института.

Презюмируется, что приказное производство является самым быстрым в арбитражном процессе: статья 229.5 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает десятидневный срок для вынесения судом судебного приказа. Однако на практике зачастую возникают ситуации, отнюдь не способствующие оперативному судопроизводству. Так, согласно пункту 1.1 части 1 статьи 135 ГПК Российской Федерации исковое заявление подлежит возврату судьей, если требования, с которыми обращается податель заявления, должны быть рассмотрены в приказном порядке. Аналогичная норма содержится и в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации. Исковое заявление будет возвращено при обнаружении факта, что заявляемые требования подпадают под приказной порядок судопроизводства, в соответствии с пунктом 2.1 части 1 статьи 129 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Вполне объяснимо существование данного основания для возвращения искового заявления в рамках судопроизводства в судах общей юрисдикции ввиду того, что судебные приказы выносятся исключительно мировым судьей, в то время как большинство дел рассматриваются районными судами. В арбитражном же судопроизводстве все дела по первой инстанции, будь то дела, разрешаемые в рамках приказного производства, будь то споры, разрешаемые в порядке искового производства, рассматриваются только арбитражными судами субъектов⁴. Более того, поскольку заявление о выдаче судебного приказа подается по общим правилам подсудности, не требуется перенаправления искового заявления в другой суд. Иными словами, арбитражный суд субъекта, получив исковое заявление и усмотрев, что дело должно быть разрешено в порядке приказного производства, вполне мог бы обойтись лишь уведомлением истца о рассмотрении дела в порядке приказного производства, минуя про-

¹ Федеральный закон от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 10. – Ст. 1321.

² Паспорт проекта Федерального закона № 638178-6 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (об унификации процессуальных норм).

³ Проект федерального закона № 237135-8 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (внесен 17 ноября 2022 г. Верховным Судом Российской Федерации).

⁴ Исключение составляют лишь дела о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство / исполнение судебного акта в разумный срок. Однако названная категория дел в порядке приказного производства разрешена быть не может.

цедуру возвращения искового заявления, предусмотренную пунктом 2.1 части 1 статьи 129 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Рассмотрим еще одну проблему, способствующую затягиванию сроков судопроизводства. Судебный приказ может быть вынесен только по бесспорным требованиям. Соответственно, о наличии спора могут свидетельствовать возражения должника. Однако эти возражения, служащие основанием для отмены судебного приказа, поступают лишь после того, как судебный приказ был вынесен, а его копия направлена должнику. При этом нельзя не отметить тот факт, что закон не регламентирует содержание возражений должника против исполнения судебного приказа. Как следует из содержания части 4 статьи 229.5 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, «судебный приказ подлежит отмене судьей, если от должника... поступят возражения относительно его исполнения». Основанием для отмены судебного приказа является просто сам факт поступления возражений от должника, безотносительно к тому, прикладывает ли должник в подтверждение своего возражения какие-либо документы или нет.

На это указывается и в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»¹. Так, в соответствии с пунктом 31 указанного Постановления содержание направленных должником в десятидневный срок возражений может исчерпываться только выражением своего несогласия с принятым судебным приказом.

Иными словами, взыскатель, обратившись с заявлением о выдаче судебного приказа, изначально ожидает в течение трех дней реакцию суда на поступившее заявление, затем ждет еще десять дней, отведенных суду на вынесение судебного приказа. Добавляем к этим срокам еще

пять дней, до истечения которых суд направляет должнику копию судебного приказа. Затем взыскатель ожидает еще *n*-е количество дней², пока судебный приказ дойдет до должника, и, наконец, еще десять дней, в течение которых должник может представить возражения относительно исполнения судебного приказа, в результате чего как минимум месячное ожидание взыскателя вполне может оказаться бесполезным и взыскатель вновь будет вовлечен в арбитражное судопроизводство, на этот раз в исковое, которое в лучшем случае займет три месяца (если дело будет рассмотрено в упрощенном порядке), в худшем – девять месяцев (если дело будет рассмотрено по общим правилам).

В качестве иллюстрации приведем следующий пример. Так, решением Арбитражного суда Омской области от 1 декабря 2022 г. по делу № А46-8753/2022 были удовлетворены исковые требования ООО «Магнит» к индивидуальному предпринимателю о взыскании задолженности за оплату услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами.

Изначально 14 октября 2021 г. Арбитражным судом Омской области был вынесен судебный приказ о взыскании с индивидуального предпринимателя в пользу ООО «Магнит» задолженности в размере 16 946 рублей 41 копейки.

Впоследствии от должника поступили возражения по поводу исполнения данного судебного приказа, и 28 октября 2021 г. судом было вынесено определение о его отмене.

Далее истец, реализуя право, предоставленное ему абзацем 2 части 4 статьи 229.5 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, обратился в суд с иском о взыскании указанной задолженности.

31 мая 2022 г. исковое заявление было принято к производству арбитражного суда. И на основании пункта 1 части 1 статьи 227 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 2.

² Поясним, что начало течения десятидневного срока для заявления должником возражений относительно исполнения судебного приказа исчисляется со дня получения должником копии судебного приказа на бумажном носителе либо со дня истечения срока хранения судебной почтовой корреспонденции, установленного организациями почтовой связи (например, АО «Почта России» установлен семи-дневный срок хранения почтовой корреспонденции). Отчет об отслеживании отправления распечатывается и приобщается к материалам приказного производства.

судом было вынесено определение о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства.

Однако уже 25 июля 2022 г. суд пришел к выводу о необходимости перехода к общему исковому порядку рассмотрения дела (часть 5 статьи 227 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации), о чем было вынесено соответствующее определение.

Стоит также отметить, что в письменном отзыве на исковое заявление ответчик, наряду с иными возражениями относительно требований истца, настаивал на том, что предъявленное ООО «Магнит» исковое заявление – повторное, поскольку ранее по данным требованиям уже был вынесен судебный приказ, который впоследствии был отменен определением суда.

Безусловно, с указанным доводом ответчика, представляющим собой неверное толкование норм процессуального права, арбитражный суд не мог согласиться.

Как пояснил суд, «судебный приказ выносится только по бесспорным требованиям, поэтому само по себе представление ответчиком возражений относительно судебного приказа в предусмотренный для этого законом срок есть безусловное основание для вынесения судом определения об обмене судебного приказа. Данное обстоятельство не свидетельствует о неправомерности требований взыскателя, а служит лишь возможностью рассмотреть и разрешить по существу образовавшийся между сторонами спор в общем порядке искового производства»¹.

Однако в данной ситуации хотелось бы обратить внимание на срок, прошедший с момента предъявления первоначальных требований ООО «Магнит» (14 октября 2021 г. – вынесение судебного приказа) и их окончательным удовлетворением (1 декабря 2022 г. – изготовление решения суда в полном объеме).

Стоит отметить, что недобросовестный участник арбитражного процесса может сознательно использовать возможность представления возражений для отмены судебного приказа, чтобы затянуть процесс разрешения дела по существу и отдалить момент вынесения судом окончательного решения. И, более того, если указанные

требования будут подпадать под упрощенный порядок, впоследствии может недобросовестно инициировать переход к рассмотрению дела от упрощенного порядка к общему, чтобы рассмотрение дела осуществилось с самого начала с обнулением сроков (части 5, 6 статьи 227 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

В такой ситуации противоположная сторона, имеющая все основания полагать, что ее оппонент имеет недобросовестные намерения, при предоставлении ей возможности выбора приказного или искового порядка рассмотрения дела с самого начала могла бы избрать общий исковой порядок, что в подобной ситуации привело бы к ускорению разрешения спора по существу. Иными словами, в арбитражном процессуальном законодательстве следовало бы предусмотреть возможность взыскателя отказаться от использования такого способа защиты своих интересов, как приказное производство при наличии мотивированного пояснения.

Также напомним, что часть 4 статьи 229.3 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации требует от взыскателя «приложить к заявлению о выдаче судебного приказа уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие направление взыскателем должнику копии указанного заявления». Однако при этом закон нигде не упоминает ни сроки, в которые должен быть извещен уведомлен должник до дня обращения взыскателя в суд, ни последствия подобного уведомления должника – например, в виде права (или обязанности) представить возражения против предъявленного заявления.

Например, «Основы законодательства о нотариате», раскрывая порядок совершения исполнительной надписи нотариусом (своего рода аналог приказного производства), предписывают взыскателю направлять должнику уведомление о наличии задолженности не менее чем за четырнадцать дней до обращения к нотариусу за совершением исполнительной надписи.

Полагаем, что дополнением норм главы 29.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации аналогичной нормой, требующей направления взыскателем должнику копии обращенного к суду заявления о выдаче судебного приказа, предоставило бы должнику возможность заблаговременно сообщить суду о имеющихся у него возражениях относительно выдачи судебного приказа, и суд, на основании поступивших воз-

¹ Решение Арбитражного суда Омской области от 1 декабря 2022 г. по делу № А46-8753/2022 // Официальный сайт Арбитражного суда Омской области. – URL: <https://omsk.arbitr.ru/>

ражений принял бы решение о переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, что, в свою очередь, ускорило бы сроки восстановления нарушенных прав.

На основании изложенного предлагаем одновременно с расширением сферы применения

приказного производства в арбитражном процессе законодателю учитывать и решение реальных проблем, возникающих на пути защиты прав предпринимателей в суде.

Список литературы

1. Горбунова Ю. О. Особенности приказного производства в арбитражном процессе // *Инновационная экономика и право*. – 2016. – № 2 (3). – С. 46–50.
2. Идилова А. К. Приказное производство как новый вид судебного производства в арбитражном процессе // *Антропология права и правовой плюрализм: сборник статей Международной научно-практической конференции*. – 2017. – С. 142–145.
3. Стерликова В. С. Перспективы развития судебной системы России как межотраслевая проблема // *Государственно-правовые исследования*. – 2020. – № 3. – С. 261–263.
4. Филимонкина Д. В. Развитие приказного производства в гражданском и арбитражном процессе // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2020. – № 5-4 (44). – С. 181–184.
5. Яковлева Е. С., Губайдуллина Э. Х. Приказное производство в арбитражном процессе // *Современные научные исследования и разработки*. – 2017. – № 7 (15). – С. 391–393.

Особенности организационно-правового регулирования и современного развития международной спортивной дипломатии¹

Т. Э. Зулфугарзаде

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

А. В. Потапова

ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: potapova.av @rea.ru

Features of Organizational and Legal Regulation and Modern Development of International Sports Diplomacy

T. E. Zulfugarzade

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

A. V. Potapova

Assistant of the Department
of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: potapova.av @rea.ru

Аннотация

В статье приведены основные результаты научного исследования основополагающих правовых и организационных подходов к вопросам развития и совершенствования инструментов спортивной дипломатии, что особенно важно в современный период санкционной политики в отношении России в целом и национального спорта нашей страны в том числе, что главным образом выражается в реализации западными странами политики отстранения российских спортсменов от участия в крупных международных спортивных соревнованиях, что в свою очередь предопределяет невозможность выступать под своим флагом и вынужденную необходимость изменения спортивного гражданства, утрату и, в конечном итоге, утрату национальной идентичности в мире большого спорта на достаточно длительное время. В указанных обстоятельствах объективно возникает необходимость проведения новых научных исследований особенностей взаимодействия российских спортивных организаций с международными спортивными комитетами и спортивными ассоциациями с целью полноценного возвращения российских спортсменов на международную спортивную арену, что в свою очередь возможно посредством реализации таких специализиро-

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».

ванных методов публичной дипломатии, как народная и в особенности спортивная дипломатия, важность развития которой определена соответствующими требованиями правительства Российской Федерации. В процессе проведения исследования также были определены основные методы правового обеспечения спортивной дипломатии, определены направления ее развития и совершенствования юридически корректного инструментария. В качестве основных методов познания при проведении исследования были использованы логический, сравнительный, эмпирический, аналитический, историко-правовой, описательный и другие. Научную новизну исследования составили выводы, в соответствии с которыми целесообразно на основе изложенных в работе методов подготовить учебное пособие по вопросам правового регулирования и организационного обеспечения международной спортивной дипломатии, которое может явиться основой для последующего создания и практической реализации программы повышения квалификации по означенным вопросам.

Ключевые слова: право, спорт, народный, дипломатия, инструмент, взаимодействие, представитель, субъект, взаимодействие, Олимпийские игры, чемпионат мира, Российская Федерация, международный, организация, санкции, отстранение, спортсмены, соревнования, мероприятия, методика.

Abstract

The article presents the main results of a scientific study of the fundamental legal and organizational approaches to the development and improvement of sports diplomacy tools, which is especially important in the modern period of sanctions policy against Russia as a whole and the national sports of our country, including, which is mainly expressed in the suspension of Russian athletes from participating in major international sports competitions related to the issues of the inability to perform under their own flag and the forced need to change sports citizenship, threatening to lose their national identity in the world of big-time sports for quite a long time. In these circumstances, there is an objective need to conduct new scientific research on the specifics of the interaction of Russian sports organizations with international sports committees and sports associations in order to fully return Russian athletes to the international sports arena. The latter is possible through the implementation of methods of such specialized varieties of public diplomacy as popular and especially sports diplomacy, the importance of the development of which is determined by the relevant requirements of the Government of the Russian Federation. In the course of the research, the main methods of legal support of sports diplomacy were also identified, the directions of its development and improvement of legally correct tools were determined. Logical, comparative, empirical, analytical, historical-legal, descriptive and others were used as the main methods of cognition during the research. The scientific novelty of the study was formed by the conclusions, according to which it is advisable, based on the methods outlined in the work, to prepare a textbook on legal regulation and organizational support of international sports diplomacy, which can be the basis for the subsequent creation and practical implementation of a professional development program on these issues.

Keywords: law, sport, people's, diplomacy, instrument, interaction, representative, subject, interaction, Olympic games, world cup, Russian Federation, international, organization, sanctions, suspension, athletes, competitions, events, methodology.

Общеизвестно, что на протяжении тысячелетий между спортом и политикой существовала весьма тесная связь. Когда спорт выполняет функцию, выходящую за рамки игры, его часто принимает правящая элита. История Олимпийских игр (далее – ОИ) ведет свое начало со времен Древней Греции, примерно с 776 г. до н. э., когда ОИ проводились как дополнения к «религиозному празднику Зевса» [4], трансформировавшись в последующие годы в массовые спортивные соревнования, являвшиеся своего рода даром или подарком народу, а равно эффективным средством и одновременно действенным методом (способом) сублимировать военный или иного рода массовый конфликт. Несмотря на свою эффективность, примерно через 600 лет после

их основания примерно в 394 г. н. э. ОИ тем не менее были отменены римским императором Феодосием I в рамках кампании по отмене язычества и активного развития христианства в качестве государственной религии Древнего Рима [2. – С. 19].

Возрождение олимпийского движения осуществилось позднее, во второй половине XIX в., во времена стратегического и непримиримого соперничества за господство в Центральной Азии между Великобританией и Россией, получившее название «Большая игра» (или «Турнир теней») [9]. Воспринимавшие спорт и бизнес как войну британцы, поддерживая континентальные инициативы по возобновлению проведения ОИ и воздавая дань уважения спорту и войне, восприни-

мали спорт в качестве одной из фундаментальных основ войны и военных конфликтов, на которых распространялась и консолидировалась Британская империя. Спортсмены выступали от имени этих стран на межгосударственных соревнованиях, представлявших собой некий аналог некропролитных боевых действий, проводимых на спортивной арене.

Совсем недавно, в прошедшем XX в., уже наблюдалась взаимосвязь между спортом и фашизмом, апартеидом и расизмом, а также бесчисленное множество партнерских отношений, подпадающих под широкую категорию спорта и общемирового развития в целом [5. – С. 23].

Основы правового регулирования олимпийского движения (далее – ОД) заложены в Олимпийской хартии (Olympic Charter), на основании и в соответствии с правилами которой ОД представляет собой «концентрированную, организованную универсальную деятельность всех лиц и организаций на пяти континентах, вдохновляемых ценностями олимпизма»¹. На этом основании полагаем возможным сделать вывод о том, что таким образом любое вдохновленное указанными ценностями лицо вправе осуществлять ОД, что, в свою очередь, формирует правовую основу для широкомасштабного развития спортивной дипломатии, способствующей содействию распространения благородных и ненасильственных идей олимпизма на всех пяти континентах, без обязательности наделения таковых лиц какими бы то ни было специальными полномочиями.

В указанной связи полагаем важным отметить, что несмотря на давние отношения между спортом и международной политикой, гораздо меньше исследований было предпринято в отношении средств и инструментов спортивной дипломатии, совершенствование которых прямо предусмотрено Стратегией развития физической культуры и спорта², для установления этих отношений именно дипломатическими методами. В теории и практике дипломатии «связь между международным спортом и дипломатией является знакомой, но относительно малоизученной

областью» [7]. Преимущественно речь, как правило, в данном ключе заходит прежде всего о пинг-понговой, бейсбольной и футбольной дипломатии, что объективно требует новых научных исследований в указанной области.

В процессе проведения исследования вопросов синергии международного спорта и публичной (политической) дипломатии были выявлены две отдельные основные категории: первая состоит из случаев, когда государства сознательно используют международный спорт в качестве инструмента дипломатии, а вторая – международный спорт как дипломатия – в свою очередь объединяет дипломатические представительства, общение (межкультурную коммуникацию) [8] и переговоры, проводимые между негосударственными субъектами – представителями спортивной дипломатии и происходящие в процессе проведения международных спортивных соревнований.

Таким образом, первая категория, в которой спорт используется государствами в качестве инструмента дипломатии, является более известной формой спортивной дипломатии в том ее традиционном смысле, в котором дипломатия представляет собой мирный межгосударственный диалог. Спортивная дипломатия зачастую ассоциируется непосредственным образом с государствами, заключающими договоры с гражданами, прежде всего спортсменами, как это, в частности, определено правилами главы 7 Федерального закона о физической культуре и спорте³, нормы которой определяют правовую основу международного спортивного взаимодействия России (см., в частности, пункт 6.1 части 10 статьи 26, части 1 статьи 11, части 1 статьи 12), для усиления собственного дипломатического влияния и обмена мнениями в переговорных процессах, либо с государствами, проводящими соответствующие спортивные мероприятия, для реализации методов публичной дипломатии в целях снижения напряженности в случаях ухудшения дипломатических отношений или предварительного «прощупывания почвы» для возможного изменения политики в дальнейшем.

¹ Олимпийская хартия // Международный олимпийский комитет. – Лозанна, 2007. – С. 11.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 49. – Ст. 7958.

³ Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.

В свою очередь более объемная, но менее изученная вторая рассматриваемая категория включает не только влияние международного спорта на публичную дипломатию в целом, но и специализированную спортивную дипломатию, т. е. дипломатию международного спорта, а именно комплексные дипломатические действия, направленные на то, чтобы сделать конкретные международные спортивные соревнования возможными. Подобного рода мероприятия в области спортивной дипломатии осуществляются прежде всего негосударственными общественными организациями, к которым относятся МОК и национальные олимпийские комитеты (НОК), международные спортивные ассоциации и организации, а также другие, но обязательно это, как отмечено выше, вдохновляемые ценностями олимпизма организации и физические лица, практикующие в своей деятельности особый тип дипломатии (спортивную дипломатию). Указанные организации и иные отдельные лица на постоянной основе участвуют в представительстве и переговорных процессах с государственными органами различных стран, поддерживающих ОД, а также иными универсальными, региональными и национальными спортивными организаторами, крупными спонсорами спортивных соревнований, медийными корпорациями и глобальными институтами (организациями) гражданского общества (далее – ИГО) [9].

Превалирование по объему и количеству направлений второй категории вызвано тем, что большая часть международного спорта организована для целей, официально не связанных именно с дипломатией. Традиционные и нетрадиционные виды спортивной дипломатии «накладываются» друг на друга в важных случаях, как, например, при создании древней Олимпиады специально для целей поощрения мира, вежливости и спортивного мастерства [4]. Тем не менее, в то же время каждый из них поднимает отдельный набор аналитических и нормативных вопросов, которые уже многие десятилетия объективно требуют своего разрешения. Учитывая все более нарастающий интерес к спорту как к инструменту мягкой силы, что вызвано существенными изменениями, связанными с переходом современного мироустройства от монополярности к мультиполярности, правила межгосударственного сотрудничества, присущие спортивной дипломатии, представляются особенно важными в процессе возвращения индустриаль-

но развитых стран к мирным переговорам и налаживанию делового сотрудничества по всем направлениям социально-экономической деятельности.

Обращаясь к более подробному рассмотрению вопросов правового обеспечения международного спорта инструментами спортивной дипломатии, прежде всего отметим, что в традиционном смысле дипломатия представляет собой совокупность политических методов ведения мирными средствами отношений между суверенными государствами через посредство официальных представителей. Как только внешняя политика заканчивается, политическая (публичная) дипломатия иссякает и становится бессильной. Дипломатия является фундаментальным инструментом международных отношений и фактически главенствующим институтом международного сообщества. Сфера применения традиционной дипломатии огромна, практически бесконечна. Помимо переговоров, общения, сбора и распространения информации, представительства и нивелирования международных противоречий, традиционная дипломатия нередко прибегает к ряду нетривиальных средств, выражающихся в привлечении различных партнеров и возможностей для распространения своей позиции по тому или иному внешнеполитическому вопросу. Нередко культурные обмены, такие как кинофестивали или гастроли национальных творческих коллективов в страну, с которой возникли серьезные разногласия, могут заменить более официальное дипломатическое взаимодействие. К подобного рода институтам мягкой силы относятся также обмены в области науки, образования и спорта, что способствует созданию новых каналов для развития и, при необходимости, восстановления дипломатических отношений.

Обратимся к более существенному исследованию понятия спорта. Этимологически происхождение английского слова sport¹ имеет французские корни. В целом спорт представляет собой достаточно сложное явление, при этом на сегодняшний день все государства одобрили международные спортивные соревнования как испытательный полигон для любой нации и политической системы.

¹ Английское слово sport произведено от disport (англ.) – «развлечение, забава», «досуг», имеющего французские корни.

Многовековая история использования спортивных соревнований в дипломатии в качестве посредника и альтернативы военным способам разрешения межгосударственных конфликтов предопределила благоприятные перспективы дальнейшего развития спортивной дипломатии для межстранового взаимодействия, основанного на международном спортивном сотрудничестве. Такое взаимодействие по праву может простиаться от сублимации или контролируемого высвобождения враждебности до предотвращения или управления конфликтом. Например, древняя Олимпиада, спортивный и религиозный праздник, проводившийся каждые четыре года непрерывно с 776 г. до н. э. по 393 г. н. э., положила начало идее перемирия во время соревнований. Путешествующим болельщикам была предоставлена защита, а вводимое на время проведения игр перемирие строго запрещало всем государствам, участвующим в таких играх, брать в руки оружие, вести судебные споры или применять смертную казнь.

Спортивные соревнования между нациями и людьми использовались для консолидации политических событий, как это было в случае встречи в 1520 г. между королем Франции Франциском I и английским королем Генрихом VIII. Саммит на «полях золотой парчи» на севере Франции, где два короля и их свита боролись, состязались и соревновались в стрельбе из лука в течение двух недель, был устроен для укрепления уз дружбы между двумя монархами после англо-французской войны, которые были юридически закреплены во Французском договоре 1514 г. Большинство этих довестфальских состязаний были сознательно организованы политиками с целью снижения международной напряженности и как средство, позволяющее отчужденным народам рассматривать друг друга как разделяющих общечеловеческие ценности, жизненно важные интересы и межчеловеческое общение в целом через спорт.

В современную эпоху спортивная дипломатия инициируется не только государственными, но и общественными организациями, перерастая нередко в весьма своеобразные формы, например, в ранее упомянутую пинг-понговую и ей подобные дипломатии (крикетную, бейсбольную и т. п.), придавая новые возможности налаживания отношений между различными государствами. Тем не менее, в наши дни спортивная дипломатия может показаться несколько странным гибридом, осо-

бенно с точки зрения мировой спортивной общности.

В то время как эти две культуры имеют определенное сходство, различия могут быть более значительными и указывать на причину, по которой до настоящего времени спортивная дипломатия являла собой существенным образом ограниченный вид деятельности, замкнутый именно на международный спорт в целом и крупные спортивные мероприятия в частности.

В международном спорте болельщики, как правило, прежде всего эмоционально связаны со своей национальной командой, а гимны, массовые демонстрации патриотизма и символизма, безусловно, усиливают чувство национальной гордости, нередко в ущерб общемировым спортивным ценностям. В этом отношении спорт противоречит дипломатии, основной функцией которой является минимизация трений в международных делах. Поэтому идея использования спорта как средства сближения отчужденных народов может показаться на первый взгляд несколько надуманной. Провозглашать спортивную дипломатию мягкой «панацеей» от болезней роста глобализации и одновременной деглобализации несколько проблематично просто потому, что это неправильно. Международная конкуренция может усилить враждебность, стать предпосылкой к последующей вражде и в худшем случае к насилию.

Будь то беспорядки, война или терроризм, спорт, к сожалению, очень часто ассоциируется с насилием. Отдельные государственные и негосударственные структуры аналогичным образом могут использовать спорт для экстраполирования своих национальных политических претензий.

После трагических событий на ОИ в Мюнхене 1972 г. было зарегистрировано более 170 терактов, так или иначе связанных со спортом, что дополнительно подтверждает негативный аспект спортивной дипломатии, согласно которому точно так же, как спорт может распространять положительные спортивные ценности, существует достаточно сильная глубинная связь между спортом и публикацией недипломатических сообщений, способствуя тем самым проявлению в спорте в том числе угрозы войны, вражды и насилия. Поэтому усилия спортивной дипломатии в указанной связи должны быть направлены на нивелирование перечисленных негативных явлений в сфере спорта.

Что касается дипломатов или государственных чиновников, осуществляющих вмешательство в спорт, то к ним болельщики зачастую относятся с подозрением. Причина такого отношения заключается в том, что для многих ценителей спорт является «священным». Освобожденный глобализацией, спорт обладает некой духовной силой, существующей вне политики и государств. В тех случаях, когда государства и их дипломаты вторгаются в спортивную сферу, говоря о спорте именно как о дипломатическом инструменте, используя при этом спорт как средство для достижения целей, возникает предположение о том, что они считают себя выше спорта и, соответственно, его приверженцев. В указанной связи спортсмены и спортивные болельщики приходят к выводу о том, что политика и политические деятели не вполне понимают истинную природу спорта, и смешение спорта как инструмента в политических или дипломатических целях со спортом «как священным по своей природе», может быть истолковано даже как некое «святотатство» и беспринципное неуважение.

В указанной связи также немаловажно отметить, что представители спортивной дипломатии высокого ранга, которые собираются на больших спортивных мероприятиях, являются наиболее значимыми дипломатами. Прежде всего это главы государств, объявляющие об открытии Игр, участвующие какое-то время на трибуне, когда проходят наиболее значимые спортивные соревнования или вручающие награды спортсменам, победившим в таких мероприятиях. Для подавляющего числа критиков спортивной дипломатии интерес того или иного главы государства к спорту практически сводится к нулю; они чаще всего считают это не более чем популизмом ради привлечения голосов избирателей.

В этом отношении спортивная дипломатия вызывает такую же критику, какую привлекает дипломатия на высшем уровне. Например, тщательно спланированные, подготовленные и проведенные встречи влиятельных политических деятелей на спортивную тему представляются большим числом любителей спорта не более чем мало что значащим протокольным мероприятием и означают видимую любовь к спорту ради политических возможностей. Такой политический подход создает порой не лучший образ для спортивной дипломатии, так как уважение границ между спортом и дипломатией имеет решающее значение для построения прочных отношений.

Следовательно, если традиционные представители публичной дипломатии действительно преследуют цель раскрыть потенциал спортивной дипломатии, то им немаловажно придерживаться ранее приведенного принципа уважения границ между дипломатией как таковой и спортом, в их неразрывной взаимосвязи. В современной дипломатической среде, возможно, пришло время позитивно использовать преимущества мягкой силы спорта и дипломатии. Тем, кто участвует, предлагается новое восприятие, чтобы бросить вызов укоренившимся социальным конструкциям оппонента. Спорт может преодолеть границы, соперничество в сфере безопасности и снизить риски, характерные для ядерного противостояния. Другими словами, именно через спорт может представиться возможность превратить опасные отношения в приемлемое, дружеское и конкурентное соперничество.

Обратимся к исследованию проблем правового обеспечения и структурирования (картирования) отношений, возникающих в международной спортивной дипломатии.

Природа второго, более широкого по сравнению с первым, типа спортивной дипломатии (международной спортивной дипломатии), как отмечено выше, менее прозрачна и более неуправляема. То, что мы сегодня называем международным спортом, соревнованием между спортсменами, представляющими разные политические юрисдикции или образования, существует и известно с древних времен. Он развился в значительной степени из стремления к совершенству, которое присуще каждой спортивной игре или занятию. Чтобы быть лучшим или даже играть (состязаться) на самом высоком уровне и быть замеченным другими (которые знают, что спорт работает на этом уровне), необходимо соревноваться с лучшими в мире противниками. К XIX в. спорт как вид досуга распространился среди зарождающегося среднего класса сначала в Европе [6. – С. 142], а затем и во всем остальном мире. Одним из наиболее известных результатов такой спортивной демократизации стало то, что не только сами спортсмены, но и большая часть болельщиков начали требовать проведения крупных, фактически эксклюзивных (элитных) спортивных соревнований, которые могли бы привести к тому, что спортсмены будут признаны лучшими в универсальном (глобальном) масштабе. Основание современных ОИ бароном де Кубертоном в 1896 г. и учреждение чемпионата ми-

ра по футболу в начале двадцатого века являются базовыми символами рассматриваемого процесса. Следовательно, формы и процессы международных спортивных соревнований являются неотъемлемой частью норм и достижений каждого вида спорта, признанных участниками и последователями этого вида спорта.

В свою очередь, в отличие от спортивных соревнований, проводимых специально как инструмент дипломатии, подавляющее большинство международных видов спорта вообще не преследует никаких дипломатических целей. Такой подход характеризует такого рода конкуренцию как форму межобщественных отношений между людьми, отличную от взаимодействия между государствами или ранее упомянутыми транснациональными ИГО. Тем не менее, хотя большинство международных спортивных соревнований не являются преднамеренной формой дипломатического инструмента, используемого государствами, международный спорт сам по себе служит формой дипломатии. Как и у более традиционной межгосударственной дипломатии, в международных спортивных соревнованиях опосредуется отчуждение между государствами, народами и другими субъектами рассматриваемой сферы деятельности. Подобно отправке и приему посольств, заключению соглашений и урегулированию конфликтов, деятельность международного спорта по своей сути представляет собой представительство и общение, другими словами, взаимодействие в области спорта по широкому кругу вопросов. Как и другие формы дипломатии, международный спорт осуществляет указанное взаимодействие на определенных этапах и в определенных местах. Таким образом, влияние международного спорта как такового на текущие межгосударственные отношения, нации, народы и другие действующие лица представляется возможным разделить на две основные категории, каждая из которых заслуживает изучения как важный компонент современной дипломатии в ее самом широком смысле: во-первых, прямое влияние международного спорта на дипломатию и дипломатические отношения и, во-вторых, специализированная дипломатия международного спорта.

Рассмотрим вышеперечисленные категории более подробно.

1. *Прямое влияние международного спорта на дипломатию и дипломатические отношения.* В случае конфликтов болельщиков на спортив-

ных соревнованиях последующие матчи должны проводиться на пустых стадионах (при пустых трибунах) из-за враждебности между соперничающими группами болельщиков, часто на уровне клуба, но иногда и на международном уровне, как это имеет место, например, в футболе. За болельщиками следят во время матчей и арестовывают за расистские высказывания. Подготовка и обеспечение безопасности на крупных региональных и международных соревнованиях, особенно по футболу, обычно включает обмен информацией, для того чтобы исключить известных агрессивно настроенных и хулиганящих болельщиков, которые совмещают поддержку своего клуба или национальной команды с организованным насилием.

Еще одно негативное влияние международных спортивных мероприятий на дипломатию заключается в том, что они привлекают группы, которые достигают своих собственных политических целей, срывая поводы для международной вежливости. Речь в данном случае идет прежде всего о террористах. Так, нападение на футбольную команду Того [10], направлявшуюся на Кубок африканских наций 2010 г. в Анголе, является одним из наиболее печально известных примеров террористических актов в спортивной сфере. На практике международный спорт способствует международной вежливости и стремится нивелировать возникающие конфликтные ситуации. Дипломатический подход к международному спорту ставит вопросы относительно того, какие условия делают международный спорт более вежливым, например, хорошее дипломатическое представительство и связь между государствами и международными спортивными организациями, сотрудничество в области безопасности и т. д.

В двусторонних матчах или соревнованиях дипломатический эффект победы и поражения может быть усилен. Во многих играх и соревнованиях есть победитель и проигравший, а в соревнованиях с участием нескольких стран есть победитель и уже несколько проигравших. В некоторых играх, таких как, например, крикет, футбол и шахматы, возможна ничья. Многие международные соревнования, например, чемпионаты мира по большинству основных видов спорта организуются таким образом, чтобы обеспечить максимальную возможность участия наибольшего числа стран, что сводит к минимуму негативные дипломатические последствия формата соревнований «победитель получает все». Боль-

шинство этих соревнований начинаются с продолжительного квалификационного кругового соревнования, в ходе которого формируется турнирная таблица результатов. Лучшие команды выходят в финал, который проходит как единое целое спортивное мероприятие. Финал начинается с группового этапа, в котором каждая команда в группе играет со всеми остальными. Лучшие участники из каждой группы выходят в финал плей-офф соревнования. В таких видах спорта, в которых предусмотрено соревнование отдельных участников (например, теннис), квалификация для участия в крупных международных турнирах предполагает с течением времени включение их в международные рейтинги. Затем участники по решению руководящего спортивного органа рассредоточиваются в соответствии с относительным рейтингом и принимают участие в первом туре соревнований на выбывание. Таким образом, игроки с самыми высокими результатами в дальнейшем соперничают друг с другом в финальных раундах или матчах соответствующего турнира.

Различные подсчеты олимпийских медалистов дают ряд показателей национальных достижений: общее количество медалей (золотых, серебряных и бронзовых), общее количество золотых медалей, наибольшее количество видов спорта, в которых страна завоевала медали и т. д. Еще одна сложность, которая может возникнуть при подсчете очков на международных соревнованиях, касается видов спорта, где выступления должны оцениваться судейской коллегией по техническим параметрам (качествам) и иногда даже с точки зрения художественного мастерства, что вызывает большее число споров. Различные виды спорта, от дайвинга до танцев на льду, гимнастики и фристайла, сталкиваются с эксцессом субъективности и даже интерсубъективности судей, которые обычно выбираются из представителей разных стран, чтобы избежать какой-либо национальной предвзятости. В соответствии с различными правилами высокие и низкие оценки судей могут быть оспорены и дисквалифицированы. Делается это для того, чтобы обеспечить гарантии защиты спортсменов от необъективного выставления оценок и в конечном итоге предотвратить угрозы в отношении общей справедливости судейства. Репутация международного фигурного катания до сих пор страдает от скандала на зимних ОИ 2002 г., когда французских судей обвинили в заговоре с целью ма-

нипулирования результатами [1]. Этот скандал фактически раздул антифранцузские настроения в США в то время, когда в двусторонних отношениях и без того уже наблюдалась напряженность из-за противодействия Франции планам США по вторжению в Ирак. Впоследствии усилиями спортивной дипломатии данный конфликт удалось благополучно нивелировать, что позволило вернуть доверие к судейству в целом на последующих ОИ.

2. *Специализированная дипломатия международного спорта.* В целях подготовки, успешного проведения и завершения крупного спортивного мероприятия международного уровня проводится последовательная, кропотливая работа целого ряда дипломатических спортивных представителей. Подобного рода специализированная дипломатия, выросшая из недр международного «большого спорта», в наше время оказывает подчас более существенное влияние на межгосударственные отношения, нежели традиционная публичная политическая дипломатия.

Обращаясь в указанном контексте к вопросам аккредитации и признания, являющимся обязательными в спортивной дипломатии, кратко отметим, что команды одной страны, по сложившимся в международном спорте традициям, в отдельных случаях могут выступать на международных спортивных соревнованиях в качестве соперников, например, футбольные команды Англии, Шотландии и Уэльса (таковые даже признаны самостоятельными соперниками на уровне МОК и ФИФА).

В указанной связи приведем дополнительно еще несколько подобного рода примеров, характеризующих вышеозначенную ситуацию, которую условно назовем «временной денационализацией» спортивных команд. Так, в Ирландии такого рода денационализация еще сложнее, так как конкуренты из Северной Ирландии, части Великобритании, иногда соревнуются как Северная Ирландия, но во многих видах спорта также имеют право (как жители Ирландского острова) соревноваться за Ирландскую Республику. В свою очередь, в контактной спортивной игре лакросс Конфедерация ирокезов – коренного аборигенного населения Северной Америки, историческая территория которого охватывает территории США и Канады, – признана Международной федерацией лакросса в качестве национальной спортивной федерации прежде всего потому, что этот народ изобрел игру. Обычно на практике такой подход

не вызывает особых сложностей правового и иного характера, но, когда национальная команда ирокезов по лакроссу отправилась в Великобританию на ЧМ по лакроссу 2010 г., по паспортам, выданным племенными властями Конфедерации ирокезов, им было отказано во въезде в Великобританию. Несмотря на то что правительство США рассматривало их как действующие выездные документы, действенность которых также была признана правительствами Канады, Японии и Австралии, официальные лица Великобритании заявили, что в их паспортах не было необходимого электронного кода безопасности, чтобы гарантировать их подлинность. Данный инцидент вызвал полномасштабный конфликт (и привел к необходимости нивелировать выявленное нарушение прав коренных народов), который был достаточно успешно разрешен усилиями спортивной дипломатии при участии государственных органов нескольких заинтересованных государств, а также спортивных федераций и племенного совета ирокезов.

Таким образом, спортивная дипломатия позволяет в отдельных случаях не привязывать отдельные команды по принципу национальной принадлежности и в необходимых случаях способствует разрешению и сглаживанию возникающих в указанной связи конфликтных ситуаций, что весьма важно в новых условиях совершенствования спортивного взаимодействия.

Немаловажно отметить также и то, что, например, отдельные ТНК, особенно из сферы компьютерных технологий, нередко осуществляют целенаправленное вмешательство в международные дела в целях защиты и продвижения собственных интересов и притока самостоятельно выработанных ценностей. Подобный подход являет собой использование дипломатии в качестве средства обеспечения выполнения обязанностей, принятых на себя подобными ТНК, но выходящих за рамки исключительно создания компьютерного программного обеспечения. Например, партнерская программа Microsoft по критической инфраструктуре способствует развитию партнерства между США и национальными государствами – партнерами Соединенных Штатов Америки, осуществляемого на основе взаимного доверия, общих целей и сотрудничества [3. – С. 96]. У «софтверного» гиганта также есть планы реагирования на стихийные бедствия и гуманитарную помощь, основанные на дипломатическом партнерстве с органами государственной

власти указанных государств высокого уровня, а также с транснациональными ИГО. Подобного рода подход целесообразен и со стороны крупных российских компаний, например, «Ростеха», «Газпрома» и им подобных в целях отстаивания собственных интересов на международных рынках, включая вопросы, непосредственным образом относящиеся к юрисдикции и методологии спортивной дипломатии.

Значимым подходом к развитию спортивной дипломатии, несомненно, является и взаимодействие между самими спортсменами, особенно если речь идет о товариществе и взаимовыручке между спортсменами, выступающими за разные команды из разных стран. Наиболее ярким примером такого взаимодействия служит помощь, оказанная спортсменом из КНР Чжуан Цзэдуну своему коллеге – спортсмену из США Гленну Коуэну после совместной встречи, где они выступали в качестве соперников, в марте 1971 г. на 31-м Чемпионате мира по настольному теннису в Нагое (Япония). По окончании спортивного мероприятия Г. Коуэн после долгого ожидания на стоянке около стадиона понял, что опоздал на автобус своей команды. В истинно спортивном духе китайский игрок дружеским жестом пригласил его в автобус китайской команды. Воспользовавшись предложением, Г. Коуэн во время поездки начал разговаривать с игроками из КНР через переводчика, выразив свою благодарность. В свою очередь, Ч. Цзэдун, к немалому удивлению американского спортсмена, подарил ему шелковый портрет гор Хуаншань. К тому времени, когда они должны были выйти из автобуса, собралось множество представителей СМИ, чтобы запечатлеть редкое зрелище, на котором американский и китайский спортсмены запечатлены вместе. На более поздней встрече Г. Коуэн ответил взаимностью, подарив Ч. Цзэдуну футболку с эмблемой мирного сосуществования.

Приведенная ситуация является, по нашему мнению, весьма важным примером народной дипломатии в спортивной сфере, являющейся одной из базовых составляющих современной спортивной дипломатии.

В указанной связи полагаем целесообразным в целях развития положений вышеупомянутой Стратегии развития физической культуры и спорта (предусматривающей в том числе совершенствование инструментов международной спортивной дипломатии, продвижение института спортивных атташе и развитие системы взаимо-

действия с органами исполнительной власти зарубежных стран), обеспечивающих развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации, на основе изложенных в настоящей работе методов подготовить учебное пособие по вопросам правового регулирования и организационного обеспечения международной спортивной дипломатии, которое может явиться основой для последующего создания и практической реализации программы повышения квалификации по означенным вопросам.

Завершая исследование отметим, что во время древних Олимпийских игр спортивное соревнование обозначалось словом «агон», откуда произошло английское слово «агону» («агония» – боль, мучения, терзания).

Этимология слова «атлетика» происходит от греческого слова *athlos* («борьба, бой»), и это состязание, происходящее на стадионе или на поле боя [4]. Точно так же случается и в наше время как на поле битвы, так и на спортивной арене, однако в сфере спортивной дипломатии поединки выглядят иначе – мягко, корректно, вкрадчиво и тонко, что приводит в конечном результате к успеху и мирному разрешению конфликтных ситуаций и примирению враждующих сторон, когда последнюю точку в споре ставят не военные, не политики и даже не спортсмены, а юристы, завершив подписание уполномоченными представителями сторон подготовленных ими проектов мирных договоров.

Список литературы

1. Авдохин А. Скандал, изменивший фигурное катание: столкновение на льду, подкуп судей и два золота // Sports.ru. – 19.02.2022. – URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/allresp/3006453.html> (дата обращения: 20.03.2023).
2. Горшунов Д. Н. Зарождение традиций частного права // История государства и права. – 2010. – № 12. – С. 16–20.
3. Коваленко Е. Ю., Шавандина О. А. Правовое регулирование международного сотрудничества Российской Федерации с зарубежными странами в области физической культуры и спорта // Российско-Азиатский правовой журнал. – 2020. – № 2. – С. 96–102.
4. Олимпийские игры. Историк Сергей Карпюк о культе Зевса, спортивных состязаниях в Древней Греции и возрождении Олимпийских игр // ПостНаука. – 07.07.2016. – URL: <https://www.postnauka.ru/faq/65719>
5. Песков А. Н. Расизм, национальный и религиозный экстремизм на Олимпийских играх и других спортивных мероприятиях. История и реальность (криминологический анализ, предупреждение и пресечение экстремизма в спорте) // Спорт: экономика, право, управление. – 2012. – № 3. – С. 23–29.
6. Туунов В. А. Особенности взаимодействия России и стран Северной Европы в сфере спорта: исторический аспект // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – Вып. 12. – С. 140–144.
7. Gerke A. Interorganizational Linkages in Sport Industry Clusters – Types, Development, and Motives // Proceedings of the Annual Conference of the European Academy of Management (EURAM). – URL: https://www.researchgate.net/publication/286933726_Interorganizational_linkages_in_sport_industry_clusters_-_types_development_and_motives
8. Lee M. Sport, Cross-Cultural Communication, and International Understanding // Academy.edu 02.05.2003. – URL: https://www.academia.edu/3310253/sport_cross_cultural_communication_and_international_understanding (дата обращения: 20.03.2023).
9. Stuart M., Geoffrey A. P. Mapping the Relationship Between International Sport and Diplomacy Stuart Murray and Geoffrey Allen Pigman // Sport Diplomacy Academy. – URL: <https://www.eusportdiplomacy.info/files/2-10.1.1.883.3153.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).
10. Togo soccer team attacked; one dead, nine hurt. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7404b7f1-64099875-f2428205-74722d776562/https/www.news18.com/news/football/togo-attack-togo-attack-331857.html (дата обращения: 20.03.2023).

К вопросу о проблемах формирования спортивного арбитража в России: сравнительно-правовой анализ российской практики и зарубежного опыта¹

Е. В. Кищенко

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: kischenko96@mail.ru

To the Question of the Problems of the Formation of Sports Arbitration in Russia: Comparative Legal Analysis of Russian Practice and Foreign Experience

E. V. Kischenko

Post-Graduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,

Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: kischenko96@mail.ru

Аннотация

В статье обоснована актуализация проблемы защиты прав российских спортсменов ввиду санкционного давления, обрушившегося на Россию в последние годы в силу неблагоприятного воздействия политических факторов. Сделан вывод о важности акцентирования внимания на совершенствовании в России механизмов альтернативного урегулирования спортивных конфликтов ввиду того, что именно система спортивного арбитража является наиболее подходящим рычагом защиты в данной сфере. Рассмотрены основные виды спортивных споров и базовые способы их урегулирования. С опорой на правовую практику развитых зарубежных юрисдикций был перенят определенный передовой опыт в сфере формирования учреждений спортивного арбитража. Проанализированы изменения, внесенные в российское законодательство в контексте создания в России нового национального спортивного арбитража. Некоторые законодательные положения были рассмотрены через призму обоснованной критики с последующим предложением альтернативных вариантов решения выявленных проблемных вопросов. Обоснована недостаточная эффективность защиты прав российских спортсменов в международном арбитраже г. Лозанны, который выступает ключевым звеном данного механизма. В то же время предложения о нивелировании примата решений Спортивного арбитражного суда (CAS) на территории России были восприняты излишне категоричным решением. Доказана потребность в разработке более гибкого подхода ухода от монопольной юрисдикции CAS посредством внедрения в саму уставную документацию международных федераций альтернативных способов урегулирования конфликта посредством обращения в CAS или другую уполномоченную международную арбитражную организацию. Кроме того, предложено отказаться от правила о закрытом перечне арбитров CAS, оставив его в силе лишь для председательствующего лица. Данный шаг в перспективе позволит повысить прозрачность и беспристрастность деятельности данного института. Иными словами, более взвешенным решением было бы не категоричное отрицание компетенции CAS в России, а разработка адаптивных вариантов альтернативного характера. Выводы научной работы конструируются на основе комплексной, функциональной, системной и сравнительной методологии.

Ключевые слова: спортивный арбитраж, третейские суды, альтернативное урегулирование спора, регламент Спортивного арбитражного суда, Олимпийский комитет России, клубные лиги, допинг, дисквалификация, санкции против России, Спортивный арбитражный суд (CAS) в Лозанне, НОК, Европейский суд по правам человека, арбитры, дискриминация, права спортсменов, апелляционная жалоба, профессиональный спорт, спорт высших достижений, спортивные федерации.

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».

Abstract

The article substantiates the actualization of the problem of protecting the rights of Russian athletes in view of the sanctions pressure that has fallen on Russia in recent years due to the adverse impact of political factors. It is concluded that it is important to focus on improving the mechanisms of alternative settlement of sports conflicts in Russia due to the fact that it is the system of sports arbitration that is the most appropriate lever of protection in this area. The main types of sports disputes and basic ways of their settlement are considered. Based on the legal practice of developed foreign jurisdictions, certain best practices in the field of the formation of sports arbitration institutions were adopted. The changes made to the Russian legislation in the context of the creation of a new national sports arbitration in Russia were analyzed, some legislative provisions were considered through the prism of reasonable criticism. Followed by the proposal of alternative solutions to the identified problematic issues. The insufficient effectiveness of the protection of the rights of Russian athletes in the international arbitration of Lausanne, which acts as a key link of this mechanism, is substantiated. At the same time, the proposals on leveling the primacy of the decisions of the Court of Arbitration for Sport (CAS) on the territory of Russia were perceived by an unnecessarily categorical decision. The need to develop a more flexible approach to avoiding the "monopoly" jurisdiction of the CAS by introducing alternative ways of resolving the conflict into the very statutory documentation of international federations by contacting the CAS or another authorized international arbitration organization is proved. In addition, it is proposed to abandon the rule on the closed list of CAS arbitrators, leaving it in force only for the presiding person. This step in the future will increase the transparency and impartiality of the activities of this institute. In other words, a more balanced solution would be not to categorically deny the competence of CAS in Russia, but to develop adaptive alternative options. The conclusions of the scientific work are constructed on the basis of a comprehensive, functional, systematic and comparative methodology.

Keywords: sports arbitration, arbitration courts, alternative dispute settlement, rules of the court of arbitration for sport, Russian Olympic committee, club leagues, doping, disqualification, sanctions against Russia, Court of arbitration for sport (CAS) in Lausanne, NOC, European court of human rights, arbitrators, discrimination, athletes' rights, appeal, professional sports, high-performance sports, sports federations.

На сегодняшний день уже стал аксиоматичным тезис о том, что спорт из сферы сугубо досуговой и рекреационной деятельности человека трансформировался в динамично развивающийся коммерциализированный сегмент экономики. Это полноправный бизнес, выступающий предметной сферой для инвестирования колоссальных финансовых ресурсов.

Данный вывод может быть проиллюстрирован статистическими материалами: согласно докладу PriceWaterhouseCoopers, суммарная прибыль в спортивной индустрии в общемировом контексте в 2022 г. составила порядка 388,3 млрд долларов [6. – С. 115].

Максимизация коммерческой составляющей профессионального спорта неизбежно порождает сопутствующую этому динамику споров в данной сфере. Скорее обыденными, нежели исключительными, являются ситуации конфронтации между спортсменами и различными спортивными организациями. Особую актуализацию они получают в свете масштабных спортивных мероприятий, таких как Олимпийские игры и чемпионаты мира по футболу.

Защита прав граждан Российской Федерации в рамках правоотношений, осложненных ино-

странным элементом, во все времена являлась одним из вопросов, имеющих приоритетное значение.

Однако ситуация в данной сфере заметно обострилась начиная с 2014 г., когда был впервые инициирован вопрос о очереди «санкционных мер» в отношении России от ряда иностранных юрисдикций.

Особое звучание проблема дискриминации по критерию национальной принадлежности имеет именно в области спорта, что дает веские основания для того, чтобы усомниться в тезисе о политической абстрагированности спорта.

Возникает закономерный вопрос о том, наличествуют ли на сегодняшний день действенные механизмы защиты прав спортсменов и располагает ли Российская Федерация такого рода правовыми рычагами, учитывая то обстоятельство, что сфера спорта уже давно преодолела территориальные границы отдельных государств, приобретая глобальный характер. Дело в том, что в подобных новостях фигурирует, как правило, Спортивный арбитражный суд (Court of Arbitration for Sport, CAS) в Лозанне. При этом умалчивается о месте, занимаемом в данном отношении рос-

сийскими судебными органами, и о пределах их юрисдикции.

Перед непосредственным рассмотрением существующих механизмов урегулирования споров в спортивной сфере целесообразно рассмотреть виды спортивных споров как таковых, что позволит глубже понять их сущность.

На этот счет в доктрине отсутствует унифицированная позиция, но заслуживает внимания точка зрения С. А. Ищенко, который предлагает дифференцировать спортивные споры:

- на имеющие технический характер (как правило, разногласия нивелируются в самом соревновательном процессе компетентным судебским корпусом);

- административные споры, субъектами которых выступают непосредственно сами спортсмены, клубы, федерации (в частности, когда идет речь о допуске к соревнованиям или о переходе из одного клуба в другой);

- споры дисциплинарного характера, которые, будучи производными из сферы административных отношений, вместе с тем имеют автономный характер и особую остроту (нишей наиболее частного основания для возникновения разночтений является проблема применения допинга);

- споры по экономическим вопросам, фигурантами которых выступают как отдельные лица, так и клубы, федерации и т. п., если идет речь о необходимости возмещения ущерба, причиненного игроку в рамках соревновательного процесса или, к примеру, если контрактные условия были проигнорированы какой-либо из его сторон;

- наконец, выделяются споры, где разногласия возникают между различными учреждениями в спортивной индустрии (например, между МОК и НОК, между национальными и международными федерациями и т. д.) [5. — С. 33].

При объективном плюрализме возможных модификаций споров в спортивной сфере можно выделить три базисных пути их урегулирования. В рамках первой группы споров арбитром, призванным нивелировать возникший конфликт, является *специализированный орган в составе самих спортивных учреждений* (олимпийских комитетов, клубных лиг и т. д.) по типу третейской структуры. Таковыми выступают, к примеру, палата по разрешению споров при РФС, дисциплинарная комиссия МОК и иные структуры. В то же время, несмотря на некоторые схожие черты,

данные организации не следует отождествлять с системой третейских судов, поскольку их сущностная природа несколько иная и они базируются на внутрикорпоративных положениях и кроме того по порядку своего формирования не согласуются с предписаниями российского законодательства о третейских судах [7. — С. 55].

В данной ситуации основной упор делается на максимальную оперативность и профессиональную «оснащенность» арбитров. Правило о предварительном внутреннем рассмотрении спора обусловлено императивным требованием многих спортивных организаций, а также устоявшейся практикой соблюдения такого порядка перед непосредственным обращением во многие международные арбитражные суды. Не оспаривая несомненных достоинств этого способа разрешения спортивных споров, заметим, что в данном случае недостает некоторой степени объективности, поскольку неизбежно будет сохраняться элемент корпоративной солидарности.

Иные споры в спортивной сфере могут также быть рассмотрены посредством инструментария национальной судебной системы, однако в таком случае вряд ли возможно вести речь о быстром разрешении спорной ситуации и о профессиональной компетентности самого судьи. Невостребованность данного способа защиты прав спортсменов довольно иллюстративно проявляется в разрезе решения вопроса о дисквалификации, например, затягивание процесса может стать причиной того, что решение суда будет уже индифферентно для спортсмена.

Наконец, наибольший интерес в контексте настоящего исследования для нас представляет механизм третейского разбирательства в спортивных спорах. Как было отмечено ранее, нишу наиболее популярного суда подобного характера занимает Спортивный арбитражный суд в Лозанне. В то же время он не является единственным и в данной сфере также функционируют, в частности, Бельгийская арбитражная комиссия по спорту, Национальный спортивный центр по разрешению споров в Австралии, Палата по разрешению споров в области спорта в Италии, Спортивный арбитраж при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Спортивный арбитраж при немецкой арбитражной институции, Американская арбитражная ассоциация и пр.

Авторитет данных учреждений объясняется окончательным характером вынесенного решения и оперативностью рассмотрения споров. Здесь

необходимо сослаться на статью 10 Регламента Спортивного арбитражного суда, в которой указано что третейское разбирательство по конкретному делу должно быть завершено в срок не более шестидесяти дней с момента поступления искового заявления, а по спорам, связанным с обжалованием действий и решений физкультурно-спортивных организаций любых организационно-правовых форм и форм собственности, а также всех иных организаций, осуществляющих деятельность в области спорта, должно быть завершено в срок не более сорока пяти дней с момента поступления искового заявления в суд.

В зарубежных юрисдикциях также давно и вполне успешно функционируют специализированные арбитражные институты в области спорта, чьи полномочия в полной мере тождественны имеющимся у третейских судов, а решения обладают правовой силой за пределами государства в силу Нью-Йоркской Конвенции о признании и исполнении иностранных арбитражных решений 1958 г. (например, *The America's Cup Arbitration Panel*, предметная область которого сосредоточена вокруг споров в сфере проведения парусных регат) [11. – С. 88].

Примечательно, что, к примеру, в Италии законодатель изначально сделал обоснованный вывод о том, что спортивные споры чужды системе государственных судов, ввиду чего была сформирована стройная система арбитражных учреждений: Национальный спортивный арбитражный суд и Верховный суд спортивного правосудия, выступающий высшей инстанцией при исчерпании иных механизмов защиты спортивных прав.

Положительно оценим тот факт, что Верховный суд в Италии активно формирует обзоры судебной практики по спортивным спорам, вырабатывая рекомендательные положения и ценные обобщения в рамках рассмотрения сложных дел. Аналогичный подход отражен в правовой практике Бразилии, где слаженно функционируют: Высший суд спортивной юстиции, Дисциплинарные комиссии Высшего суда спортивной юстиции и Суды спортивной юрисдикции, которые формируют автономную систему бразильского арбитража, будучи обособленными от системы национальных судов [9. – С. 75].

Обращение к опыту Франции в данном отношении позволяет выделить сильную сторону системы спортивного арбитража, состоящую в распространенной практике включения в регламенты спортивных федераций механизма «предвари-

тельного согласительного разбирательства», в силу которого стороны имеют возможность уйти от юрисдикции государственных структур, решив конфликт на основе взаимной координации.

Не ставя целью исчерпывающе осветить все тенденции в сфере урегулирования спортивных споров в зарубежных юрисдикциях, уместно резюмировать, что явственно проявляется отсутствие унифицированного подхода к данному вопросу: в одних странах сформирована четкая иерархичная система спортивного арбитража (например, в Италии), в то время как в иных правовых порядках такие споры могут стать предметом рассмотрения как государственного суда, так и арбитража или внутреннего органа спортивной федерации (Франция), а также частных структур, чья деятельность сосредоточена на альтернативной модели урегулирования соответствующих разногласий (такая практика имеется в Англии).

Что касается российского правового опыта, то законодатель признал малоэффективность судебного инструментария в плоскости урегулирования спортивных споров, ввиду чего был принят ряд мер, позволяющих выявить общую нацеленность на делегирование полномочий в данной сфере системы арбитража. Это получило свою объективацию в Федеральном законе от 22 ноября 2016 г. № 396-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» в части регулирования спорта высших достижений и профессионального спорта».

Однако непонятным остается наименование главы 5.1 «Рассмотрение споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений» рассматриваемого Закона № 396-ФЗ. Почему акцент поставлен именно на профессиональном спорте и спорте высших достижений? Ведь спорные вопросы относительно обоснованности результатов спортивных соревнований, допуска к ним для участия вполне могут возникать в сфере любительского спорта и также должны быть оптимизированы.

Именно данным законодательным актом предусмотрено формирование в России арбитражного учреждения, действующего на постоянной основе при некоммерческой организации. Его органы управления, по замыслу законодателя, должны конструироваться различными субъектами, включая Олимпийский комитет России и спортивные организации. Данная структура является заменой Спортивного арбитражного суда

при АНО «Спортивная арбитражная палата» и Спортивный арбитраж при Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

При этом показательно, что ранее спортсмены не имели правовой возможности адресовать свой спор на рассмотрение третейского суда ввиду отсутствия соответствующих законоположений. Им не оставалось другого пути, кроме как обращаться в аналогичные учреждения международного характера. Сейчас такая возможность директивно отражена в статье 348.13 Трудового кодекса Российской Федерации. Разработчики законопроекта, которыми были внесены приведенные коррективы, для аргументации своей позиции ссылались помимо прочего, на существенные финансовые издержки (от 10 тыс. евро), длительность рассмотрения (по меньшей мере, 8 месяцев) и не объективное отношение к спортсменам из России в рамках практики международных спортивных третейских судов [1. – С. 32].

Данный шаг многими исследователями и практиками оценивается в позитивном русле ввиду того, что спорные ситуации в спортивной индустрии характеризуются яркой специфичностью, что предполагает наличие определенного уровня квалификации лиц, рассматривающих их. Помимо прочего, отмечается, что тем самым судебная система будет в значительной мере освобождена от объективно лишнего бремени.

В то же время небезосновательно высказываются позиции относительно того, что данные поправки нацелены на монополизацию нового спортивного третейского суда и на максимизацию его предметной компетенции за счет включения в нее трудовых споров в области спорта высших достижений и профессионального спорта. Это чревато рисками появления феномена принудительного арбитража, что совершенно недопустимо [3. – С. 47].

Не случайно обращено внимание на то, что ЕСПЧ сконструировал подход, согласно которому третейская форма урегулирования разногласий, будучи априори основанной на договорных началах, может трактоваться в качестве принудительной. Такая ситуация может возникнуть, к примеру, при включении третейской оговорки в рамочные договоры присоединения, когда другая сторона при присоединении не располагает действенными рычагами преодоления данной оговорки. Между тем именно таким образом предусмотрены российские регламенты по проведению соревнований в игровых видах спорта. Клубы

допускаются к соревнованиям лишь после подписания регламента, который сформулирован по типу договора присоединения, включающего в себя положение о подсудности спора безальтернативного характера.

Таким образом, спортсмены не принимают участия в урегулировании вопроса о разрешении спорной ситуации, будучи вынужденными принять уже установленные правила в рамках подписываемых ими контрактов, правил, регламентов и т. д. К слову, например, в статье 61 Устава ФИФА вовсе вполне однозначно запрещено обращение в государственные суды для разрешения спортивного спора [4. – С. 45].

Согласно позиции ЕСПЧ, даже при восприятии арбитража в качестве принудительного механизма вряд ли уместно вести речь об автоматическом обесценивании такой оговорки, но в то же время в таком случае применимы гарантии, установленные в пункте 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В то же время в условиях российской действительности пока преждевременно ставить вопрос о достижении международных конвенционных стандартов в сфере спортивного арбитража. Подтверждением тому является непоследовательная политика государства в отношении установления требований к арбитрам спортивного арбитража. Если для одних арбитров достаточным является незначительный опыт работы в спортивной сфере, то для иных требуется наличие ученой степени, что не требуется даже для претендентов на должность судьи в системе государственных судов. Кроме того, на сегодняшний день наличие ученой степени не выступает в качестве надежной гарантии высокого профессионализма лица, нацеленного на должность арбитра. Согласно положениям анализируемого Закона № 396-ФЗ, по меньшей мере 1/3 списка арбитров формируется профсоюзами, но при этом умалчивается относительно причастности к данному процессу ключевых фигур рассматриваемых отношений – самих спортсменов.

К сожалению, проблема объективности спортивных арбитражных судов проявляется весьма рельефно, поскольку большая часть списка арбитров формируется при непосредственном участии спортивных федераций и предлагаемые кандидатуры участвуют в делах, рассматриваемых этим же судом [8. – С. 67]. Помимо прочего, часто руководящий корпус арбитражного учреждения, при котором функционирует арбитраж,

формируется при содействии спортивных организаций, что не позволяет вести речь об абсолютной беспристрастности спортивных арбитражных судов.

Мы считаем справедливым обеспечение спортсменов реальным правом выражения своей позиции относительно кандидата, способного максимально объективно урегулировать возникший конфликт. В данном отношении не лишено рационального начала предложение о дополнении части 7 статьи 36.2 Закона № 329-ФЗ указанием на то, что не менее 1/2 списка арбитров формируется при непосредственном учете мнения спортсменов или их представителя.

Имеет также смысл предусмотреть должность представителя спортсменов в спортивном арбитражном суде, на которого были бы возложены функции по контролю за законностью и справедливостью заключения третейских соглашений и избрания перечня арбитров.

В целом же, как видится, вопрос о делегировании трудовых споров к области предметной компетенции новой судебной структуры должен быть проработан более скрупулезно. Сама суть третейской процедуры состоит в урегулировании разногласий коммерческого плана между участниками предпринимательства. Но в России, на контрасте с правовой традицией большинства зарубежных юрисдикций, воспринимающих трудовое право в качестве органически неотъемлемого компонента частного права, между сферой трудовых отношений и областью предпринимательства в доктринальном срезе выстроен четкий барьер.

Вполне вероятно, что для конструирования российского образца механизма третейского урегулирования спортивных споров был воспринят пример неоднократно указываемого ранее суда CAS, который принимает к своему рассмотрению также споры, связанные с контрактными (трудовыми) отношениями спортсменов [10. – С. 32].

Многие исследователи весьма скептически оценивают данное нововведение, считая, что столь упрощенный подход неизбежно породит в будущем проблемы, прогнозирование которых пока довольно проблематично. Так или иначе, избранный вектор реформирования российского третейского законодательства в сфере спорта в целом имеет прогрессивный характер, поскольку новый суд при продуманном подходе способен стать надежным кросс-фундаментом для различных спортивных направлений, защитив многие из

них, ранее не попадающих в сферу действия спортивной юрисдикции ввиду отсутствия специализированных внутренних формирований. В то же время для его эффективного функционирования необходимо внести сопутствующие изменения в действующее законодательство. Так, требует определенности вопрос о механизме признания и приведения в действие решений нового спортивного арбитражного суда относительно необходимости осуществления в данном аспекте содействия национальных спортивных федераций или же данный процесс должен будет подчиняться общим правилам признания и приведения в исполнение решений спортивных арбитражей через посредство инструментария системы государственного правосудия. На данный вопрос пока нет однозначного ответа в связи с отсутствием однозначной позиции законодателя.

Относительно сопутствующего вопроса об изменениях в порядке обращения в CAS, укажем, что данная судебная инстанция согласно уставной документации и регламентам МОК, Всемирного антидопингового агентства (ВАДА) выступает в качестве конечной, в силу чего порядок рассмотрения международных споров в свете создания нового спортивного арбитража не претерпит каких-либо существенных и значимых изменений, способствующих нивелированию сложившейся негативной ситуации.

Соответствующие федерации должны предметно оговаривать, в каких спорах российский арбитраж может быть конечной инстанцией, однако по вопросам допинга необходимо придерживаться императивов Всемирного антидопингового кодекса, где однозначно указано, что именно CAS является итоговым звеном. В данном вопросе российский арбитраж может занимать срединное положение в случае инициирования апелляционного производства на решение Российского антидопингового агентства.

Для российских спортсменов такое нововведение не только упростит, но и усилит защиту собственных прав, поскольку ранее оспаривание, к примеру, решения Российского антидопингового агентства представлялось возможным лишь посредством обращения в CAS, требующего ощутимых финансовых издержек, в силу чего малый процент решений, принятых в рамках национальной юрисдикции, попадает на рассмотрение CAS.

Показательным здесь является дело КАС 2017/A/5037, предметом которого стала апелля-

ция российского легкоатлета на решение РУСАДА о дисквалификации за нарушение антидопинговых правил. По причине неуплаты императивного третейского сбора апелляция была сочтена за отозванную. В данном отношении полагаем целесообразным внести в статью 16 Закона № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» положение об обязанности соответствующих спортивных федераций принимать участие в софинансировании издержек российских спортсменов при отстаивании ими своих прав в международных учреждениях, поскольку тем самым они отстаивают репутацию своей спортивной федерации. К данной проблеме также необходимо привлечь внимание общественных объединений, созданных для оказания поддержки физической культуры и спорта.

Небезынтересно, что в настоящее время на рассмотрении Государственной Думы находится законопроект, нацеленный на нивелирование безусловного примата решений Спортивного арбитражного суда (CAS) на территории России (речь идет о нивелировании правовой силы статьи 36.4 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»). Данная законодательная инициатива вызывает широкий резонанс ввиду того, что обширный спектр международных спортивных федераций, а также МОК, безапелляционно признают фактическую монополию CAS на рассмотрение подобных споров. Авторы законопроекта апеллировали к недопустимости превалирования международного права над национальным в ущерб последнему. В качестве примера приводился эпизод, связанный с отстранением российского гимнаста Ивана Куляка. О степени реализации данной инициативы можно судить сообразно планируемым в дальнейшем действиям. Если идет речь о стратегии выхода российских спортивных федераций из международных, то в данной ситуации вопрос о полномочиях CAS по умолчанию занимает второстепенное значение. Однако если имеются планы остаться в международных федерациях, при этом отрицая компетенцию CAS, то в таком случае российское законодательство фактически бессильно.

Для непризнания решений CAS в территориальных пределах России достаточным шагом будет даже наработка практики правоприменения. В качестве наглядной иллюстрации приведем дело по иску президента Федерации бобслея России Александра Зубкова к Спортивному арбитражному

суду, которым он был лишен звания олимпийского чемпиона на почве допинга. Он в рамках проведения Игр-2014 в Сочи выиграл две золотые награды. 24 ноября 2017 г. комиссией МОК ему было предъявлено обвинение в несоблюдении допингового режима вследствие обнаружения царепин на его допинг-флаконах и аномального содержания соли в одной из проб. Итоги соревнований были нивелированы, а медали отобраны. CAS был солидарен с принятым решением.

В рамках апелляционного пересмотра дела Московский городской суд пришел к выводам о том, что представленный доказательственный базис недопустим для предъявления столь жестких обвинений и принятое решение вступает вразрез с конституционными постулатами, ввиду чего не имеет какого-либо правового эффекта в территориальных границах России. После принятого решения спортсмен был реабилитирован в своем звании олимпийского чемпиона в пределах России, ему были возвращены полученные на соревнованиях медали, а также пожизненно вновь назначена президентская стипендия, выплата которой была прекращена после решения CAS.

Тем не менее парадоксальность складывающейся ситуации заключается в том, что принятые CAS решения все равно будут признаваться за пределами России без ограничений по времени и без учета других судебных решений по этому вопросу. В качестве альтернативного варианта ухода от монополюющей юрисдикции CAS может выступить попытка закрепления в самой уставной документации международных федераций альтернативного варианта урегулирования конфликта посредством обращения в CAS или другую уполномоченную международную арбитражную структуру [12. – С. 58]. В данном аспекте ценным является предложение В. В. Блажеева – ректора МГЮА имени О. Е. Кутафина – о целесообразности создания новых международных структур по вопросам спортивного арбитража, равно как об усилении внимания к данной сфере в пределах национальной юрисдикции, высказанного на заседании экспертного совета по развитию физической культуры и спорта в Российской Федерации при Совете Федерации.

Им было отмечено то обстоятельство, что практически аксиоматичным стал тезис об утрате МОК своей регулятивной монополии в спортивной индустрии. Имеет смысл продумать функционирование альтернативных рычагов в мировом спорте,

обеспечить проведение соревнований в формате стран БРИКС, ШОС, СНГ.

Имеет смысл также уйти от правила о закрытом перечне арбитров CAS, оставив его в силе лишь для председательствующего лица. Как видится, это повысит транспарентность и беспристрастность деятельности данного института. Иными словами, более взвешенным решением было бы не категоричное отрицание компетенции CAS в России, а разработка адаптивных вариантов альтернативного характера, которые смогли бы найти отклик за пределами страны. Несмотря на открыто политизированный характер многих решений данного суда, нельзя отрицать его неоспоримый авторитет в мировом сообществе, и отказ от него с большой вероятностью запустит процесс долгой самоизоляции России. К тому же антироссийскую направленность деятельности арбитража в Лозанне также нередко откровенно преувеличивают. К примеру, именно Международный арбитраж отменил решение дисциплинарной

комиссии МОК о лишении медалей Игр в Сочи для большой группы наших спортсменов во главе с лыжником Александром Легковым. Равным образом 2020 г. был ознаменован сокращением CAS периода санкций ВАДА в отношении российского спорта с четырех до двух лет. В 2022 г. коллегия арбитров допустила российскую фигуристку Камилу Валиеву до участия на Олимпиаде в Пекине, несмотря на негативный настрой ВАДА и МОК. Безусловно, недавние многочисленные эпизоды отстранения российских спортсменов, команд, федераций от международных турниров ставят вопрос о новых направлениях развития системы управления российским спортом, в том числе и подчинения правилам и нормам международных федераций, их регламентам, а также системе рассмотрения спортивных споров. Каким образом в дальнейшем будет развиваться система спортивного правосудия? Профессиональному сообществу еще предстоит найти ответ на этот вопрос.

Список литературы

1. Балакина А. О. Хожение по лабиринту поправок, или первые итоги реформирования российского арбитража споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений // Журнал Arbitration.ru. – 2021. – № 29. – С. 29–36.
2. Богданова Н. А. Право, применимое к соглашениям о международной подсудности : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2020.
3. Васильев И. А. Требование справедливости при разрешении споров в практике спортивного арбитражного суда (CAS) // Образование и право. – 2020. – № 15. – С. 47–57.
4. Воеводина С. С., Тарасенко А. А. Эффективность применения форм разрешения спортивных споров в современных условиях // Физическая культура, спорт – наука и практика. – 2016. – № 12. – С. 43–49.
5. Ищенко С. А. Правовая характеристика и система спортивных арбитражных судов (CAS) в международном спортивном движении // Государство и право. – 2002. – № 12. – С. 32–38.
6. Коваль Д. А. Спортивный арбитраж: особенности и преимущества // Юрист и закон. – 2021. – № 29. – С. 112–117.
7. Погосян Е. В. Формы разрешения спортивных споров. – М. : Волтерс Клувер, 2011.
8. Полухина Р. Э. Правовые аспекты проблем спортивного арбитража // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 12. – С. 67–75.
9. Румянцева А. А. Спортивные споры: зарубежный опыт определения компетенции // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 12. – С. 75–83.
10. Соловьев А. А., Понкин И. В., Понкина А. И. Правовое регулирование спорта в Швейцарии. – М., 2013.
11. Филиппов Ю. М. Некоторые проблемы разрешения споров, возникающих из спортивных правоотношений: опыт Великобритании и США // Материалы Шестой международной научно-практической конференции «Спортивное право России: перспективы развития» / под ред. К. Н. Гусова; сост. Д. И. Рогачев, О. А. Шевченко. – М., 2018.
12. Чеботарева Д. А. Проблемы реализации спортсменом права на защиту в апелляционном порядке в Международном спортивном арбитраже в Лозанне (cas/tas) // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 20. – С. 57–66.

Гарантии, предоставляемые спортсменам при отстранении от участия в международных спортивных соревнованиях¹

А. А. Гришин

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: grishin.anatoly97@gmail.com

Guarantees Provided to Athletes in Case of Suspension from Participation in International Sports Competitions

A. A. Grishin

Post-Graduate Student of the Department of Civil Law Disciplines
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: grishin.anatoly97@gmail.com

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос о гарантиях, предоставляемых спортсменам при отстранении от участия в международных спортивных соревнованиях. В современных сложных политических и экономических условиях участились случаи отстранения спортсменов от участия в международных соревнованиях. Если не так давно причиной такого отстранения могли быть только строго очерченные законом причины, связанные с нарушением спортсменом спортивных правил или трудовой дисциплины, то сейчас такие отстранения происходят массово по различным причинам. Это обуславливает обострение актуальности темы, связанной с обеспечением гарантий спортсменам, отстраненным от участия в международных соревнованиях. Ведь в случае отстранения от участия в соревнованиях по политическим мотивам вины спортсмена никакой нет, в отличие от ситуаций, связанных с нарушением спортивных правил или трудовой дисциплины. Действующее российское трудовое законодательство предусматривает обязательные гарантии спортсменам в случае их отстранения от соревнований. При этом объем предлагаемых гарантий находится в прямой зависимости от причин отстранения и от уровня виновности спортсмена и его персонала. Целью исследования является изучение гарантий, предусмотренных для российских спортсменов при отстранении от соревнований.

Ключевые слова: спорт, атлет, трудовые отношения со спортсменами, отстранение от участия в международных соревнованиях, спортивная дисквалификация, трудовое законодательство, норма, срок дисквалификации, применение норм трудового законодательства к спортсменам, трудовой договор со спортсменом, увольнение спортсмена, соревнования, общероссийская спортивная федерация.

Abstract

This article discusses the issue of guarantees provided to athletes when they are suspended from participating in international sports competitions. In today's complex political and economic conditions, cases of athletes' suspension from participation in international competitions have become more frequent. If not so long ago the reason for such a suspension could only be strictly outlined by law reasons related to the violation of sports rules or labor discipline by an athlete, now such suspensions occur massively for various reasons. This leads to an aggravation of the relevance of the topic related to the provision of guarantees to athletes suspended from participating in international competitions. After all, in the case of suspension from participation in competitions for political reasons, there is no athlete's fault, unlike situations involving violation of sports rules or labor discipline.

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»

The current Russian labor legislation provides for mandatory guarantees for athletes in the event of their suspension from competitions. At the same time, the scope of the guarantees offered is directly dependent on the reasons for the suspension and on the level of guilt of the athlete and his staff. The purpose of the study is to study the guarantees provided for Russian athletes in case of suspension from competitions.

Keywords: sport, athlete, labor relations with athletes, suspension from participation in international competitions, sports disqualification, labor legislation, norm, period of disqualification, application of labor legislation to athletes, employment contract with an athlete, dismissal of an athlete, competitions, all-Russian sports federation.

В условиях резкого обострения международной обстановки противодействие спортивным санкциям становится важным вопросом. Бесчисленные санкции могут привести к ущемлению национальных интересов и прав целых народов [1]. Неправомерное отстранение российских спортсменов от участия в международных спортивных соревнованиях, проводимых под эгидой спорткомитетов и спортивных федераций с универсальным уровнем воздействия, может привести к игнорированию прав человека и унижению человеческого достоинства [2]. В связи с этим необходимо продолжать реализацию и совершенствование методов спортивной дипломатии, что позволит постепенно восстановить международные связи и обеспечить мягкий переход к началу широкомасштабного международного диалога в условиях многополярного мира. Создание открытого спортивного пространства на территории России также является важным шагом в этом направлении [3].

Регулирование трудовой деятельности спортсменов, как и других работников, осуществляется на основе положений Трудового кодекса, однако при этом имеется некоторая специфика. Необходимо учитывать также, что работа спортсменов ориентируется и на положения Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – Закон о спорте), другие федеральные законы, а также законодательство субъектов федерации, в которое включены нормы, относящиеся к трудовому праву. Также следует принимать во внимание нормы, которые принимаются общероссийскими спортивными федерациями и прочим спортивным законодательством.

Регулирование труда спортсменов и тренерского состава осуществляется на основе положений главы 54.1 Трудового кодекса Российской Федерации, в которой затронуты практически все основные моменты трудовой деятельности, а именно прием на работу, перевод, гарантии, ком-

пенсации, увольнение. Специфика применения трудовых правил по отношению к спортсменам раскрыта в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2015 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» (далее – Постановление № 52).

Трудовой кодекс предусматривает обязанность работодателя отстранить спортсмена от участия в соревнованиях в определенных случаях.

Законодательные нормы включают всего два варианта, при которых такая ситуация возможна: это спортивная дисквалификация и заявление требования общероссийской спортивной федерацией. При этом подобное требование должно полностью соответствовать утвержденным этой федерацией правилам [4].

При этом спортсмены имеют определенные гарантии, основными из которых следует назвать обязанность работодателя обеспечить качественные тренировки и участие в других мероприятиях, которые необходимы спортсмену для того, чтобы полноценно участвовать в последующих соревнованиях. Также обязанностью работодателя является сохранение заработной платы спортсмену в размере, соответствующем двум третям тарифной ставки (не меньше этой суммы). Конкретный размер заработной платы к выплате во время отстранения от соревнований должен быть предусмотрен нормами заключенного трудового договора.

Отметим, что отстранение от международных соревнований может осуществляться и по другим основаниям. Зачастую причиной отстранения спортсмена становятся политические и экономические мотивы, попытки повлиять на государственное регулирование.

Исходя из этого вопросы, связанные с гарантиями спортсменам при их отстранении от участия в международных спортивных соревнованиях, получают особую актуальность в современных условиях, когда политическая обстановка в

мире крайне напряженная и на Россию наложено множество санкций (в том числе и связанных с участием в международных соревнованиях).

Работодатель в своих локальных нормативных актах или в трудовом договоре может предусмотреть возможность предоставления спортсмену и других гарантий, основные из которых следующие:

- восстановительные мероприятия, направленные на улучшение состояния здоровья спортсмена;
- дополнительные гарантии при ситуации спортивных дисквалификаций;
- дополнительные компенсации при необходимости переезда в другой регион;
- оплата питания;
- предоставление дополнительных льгот по социально-бытовому обслуживанию;
- предоставление жилых помещений как самому спортсмену, так и членам его семьи;
- оплата транспортных расходов;
- компенсация образовательных затрат;
- предоставление дополнительных договоров пенсионного страхования.

Традиционно дисквалификация представляет собой вид административного наказания, которое может быть назначено только в суде.

Согласно положениям статьи 3.11 КоАП Российской Федерации, в случае дисквалификации физическое лицо теряет право на замещение определенных должностей. Эта мера применима по отношению к тем гражданам, которые заняты на должностях государственной гражданской и муниципальной службы, привлекаются к выполнению организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций в высших органах юридических лиц, занятым в работе советов директоров. Кроме того, дисквалифицировать могут предпринимателей, граждан, ведущих частную практику, а также сотрудников многофункциональных центров. В сфере спорта дисквалификация может быть применена по отношению к тренеру, специалисту спортивной медицины и другим специалистам, должности и специальности которых входят в соответствующий перечень. Также могут быть дисквалифицированы эксперты, занятые в сфере промышленной безопасности, медицине и фармацевтике.

Законодательно предусмотрены сроки дисквалификации: от 6 месяцев до 3 лет. При этом важным положением законодательства является

то, что дисквалификация не может применяться по отношению ко всем работникам. Она применяется по отношению только к тем, которые прямо указаны в законе. По отношению к спортивным работникам этот перечень содержится в Приказе Минспорттуризма Российской Федерации от 16 апреля 2012 г. № 347.

Пункт 8 части 1 статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации предусматривает возможность прекращения трудового договора с работником в случае дисквалификации или получения другого административного наказания, после которого работник теряет возможность исполнения своих трудовых обязанностей. При этом работодатель обязан предложить ему другую работу и только в случае отказа от новой должности следует увольнение.

Таким образом, основными моментами, связанными с дисквалификацией, являются:

- отношение дисквалификации к мерам административного наказания;
- возможность наложения данного наказания только на определенных лиц, перечень которых предусмотрен в КоАП Российской Федерации и других федеральных законах;
- возможность наложения дисквалификации только судом;
- необходимость увольнения дисквалифицированного работника с занимаемой им должности;
- обязательность предложения работнику другой вакантной должности перед увольнением;
- срок дисквалификации от полугода до 3 лет.

Особенности спортивной дисквалификации охарактеризованы в нормах статьи 2 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О спорте». В случае спортивной дисквалификации предусматривается отстранение спортсмена от участия в соревнованиях. Спортивная дисквалификация может быть наложена международной или общероссийской спортивной федерацией по соответствующему виду спорта. Основанием для спортивной дисквалификации служит нарушение спортивных правил, регламента спортивных соревнований, антидопинговых правил или норм, которые утверждены международными или общероссийскими спортивными федерациями.

В случае спортивной дисквалификации возможно увольнение спортсмена, однако основанием для этого будет не пункт 8 части 1 статьи 83, а статья 348.11 Трудового кодекса Российской Федерации, которая раскрывает возможно-

сти увольнения спортсмена, связанные со спортивной дисквалификацией на срок, превышающий 6 месяцев, а также нарушение антидопинговых правил, принятых общероссийской или международной антидопинговой организацией [5].

Таким образом, спортивная дисквалификация имеет определенную специфику, связанную:

- с отстранением от участия в соревнованиях;
- возможностью дисквалификации по решению международной или общероссийской спортивной федерации;
- возможностью дисквалификации на основании нарушения спортивных правил, норм антидопинговых регламентов, а также норм, утвержденных спортивными организациями общероссийского или международного масштаба;
- в случае нарушения антидопинговых правил и спортивной дисквалификации на срок, не превышающий полгода, возникает возможность увольнения спортсмена по нормам пункта 2 статьи 348.11 ТК Российской Федерации, а в случае, если срок дисквалификации превышает полгода, основанием для увольнения будут служить положения пункта 1 статьи 348.11;
- так как увольнение в связи со спортивной дисквалификацией является дисциплинарным взысканием, необходимо соблюдение процедуры, предусмотренной статьей 193 ТК Российской Федерации.

Статья 76 Трудового кодекса Российской Федерации содержит общие основания, которые могут стать причиной отстранения сотрудника от работы и могут быть применены также и к спортсменам, среди них:

- алкогольное, наркотическое или токсическое опьянение сотрудника;
- отсутствие сведений об обучении и проверке знаний, предусмотренных трудовым договором;
- отсутствие сведений о пройденном медицинском осмотре в случае его обязательности для данной категории работников и др.

Нормы статьи 348.5 ТК Российской Федерации содержат и дополнительные основания, по которым спортсмен может быть не допущен к работе (соревнованиям): спортивная дисквалификация и требования спортивных федераций общероссийского или международного масштаба.

При этом спортсмен не может участвовать в соревнованиях до тех пор, пока обстоятельства,

обусловившие отстранение, не будут полностью устранены.

Отметим основную специфику отстранения спортсменов от участия в соревнованиях: работодатель обязан обеспечивать возможность продолжения тренировочного процесса спортсмена, а также его участие в других мероприятиях, необходимых для подготовки к участию в последующих соревнованиях. Кроме того, за спортсменом сохраняется часть заработной платы. При этом необходимо учитывать фактор виновности. Так, если вина в отстранении лежит на работодателе, то в его обязанности входит выплата средней заработной платы спортсмена в полном объеме. В случае же отсутствия вины как работодателя, так и самого спортсмена, объем выплачиваемой заработной платы должен быть не ниже 2/3 от тарифной ставки. При наличии вины спортсмена выплаты должны соответствовать реально выполненному объему работ.

Таким образом, отстранение спортсмена от участия в соревнованиях может быть осуществлено на основании дисквалификации или требований спортивных федераций.

В связи с тем, что право принятия решения о дисквалификации имеют также спортивные федерации, то отстранение или увольнение спортсмена по нормам статей 348.5 и 348.11 находится в компетенции как спортивных федераций, так и работодателя.

Следовательно, порядок отстранения спортсмена таков: работодатель издает приказ, в основании которого указываются реквизиты документа спортивной федерации о наложении дисквалификации или о решении об отстранении.

На территории России правом подобных решений обладает РУСАДА, а по отношению к международным соревнованиям – ВАДА или международные спортивные федерации.

При этом международные спортивные федерации обладают полномочиями по определению собственных правил, исполнение которых для спортсменов обязательно.

Как мы уже отмечали, спортсмена могут дисквалифицировать за нарушение спортивных правил или регламента соревнований, а также антидопинговых норм, которые утверждены общероссийскими или международными спортивными организациями.

Так, правилами по шахматам, которые утверждены Приказом Минспорттуризма Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 1463, запре-

щено использование допинга или компьютерных подсказок. Нарушение этих правил влечет за собой дисквалификацию на срок от полугода до года, а если подобные нарушения допущены на соревнованиях высокого ранга – от года до двух. В особых случаях допускается возможность и пожизненной дисквалификации.

Деятельность Госкомспорта по борьбе с допингом основана на нормах российского законодательства, а также Всемирного антидопингового кодекса ВАДА, правилах и регламентах Международного олимпийского комитета и других организаций. В соответствии с нормами Положения об организации и проведении антидопингового контроля в области физической культуры и спорта в Российской Федерации, которые утверждены Приказом от 20 октября 2003 г. № 837 Госкомспорта Российской Федерации, под нарушением антидопинговых правил следует понимать:

- наличие запрещенных веществ или их следов во взятых у спортсмена пробах;
- выявление фактов использования (или его попытки) запрещенных веществ или методов;
- отказ от сдачи проб после информирования о необходимости этой процедуры без уважительных причин;
- сокрытие информации о своем местонахождении в период между соревнованиями, что приводит к невозможности взятия проб;
- выявление фактов фальсификации (или их попыток) в допинг-контроле;
- наличие запрещенных веществ;
- распространение запрещенных веществ или методов;
- подстрекательство и помощь спортсменам в применении запрещенных веществ или методов.

Обязательным элементом трудового договора спортсмена является упоминание об обязательности прохождения антидопингового контроля и соблюдения правил и требований, разработанных российскими и международными антидопинговыми организациями. Кроме того, возможно включение дополнительных положений, предусматривающих обязанность спортсмена четко соблюдать все регламенты спортивных соревнований.

Перед заключением трудового договора обязанностью работодателя является ознакомление спортсмена со всеми локальными актами той организации, с которой заключается трудовой дого-

вор, а также с положениями спортивных соревнований, антидопинговых норм и положениями, которыми руководствуются российские и международные спортивные организации.

Действующее законодательство на данный момент не содержит конкретных норм и процедур, как должна проходить процедура дисквалификации. Разработка этих правил полностью возложена на спортивные федерации.

Приказ Минспорта Российской Федерации от 2 октября 2012 г. № 267 «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил» предусматривает необходимость передачи полученных результатов дисциплинарному антидопинговому комитету. Это осуществляется в том случае, когда проведенный контроль выявил у спортсмена наличие запрещенных веществ. В течение трех месяцев комитет должен провести слушания. Если спортсмен не оспаривает факт нарушения правил, возможен отказ от проведения слушаний. После принятия решения оно должно быть передано в орган РУСАДА, который уже, соответственно, принимает собственное решение и отправляет его в общероссийскую спортивную федерацию, которая и применяет санкции, исполняя принятые решения.

Если же расследование выявит факты, свидетельствующие о том, что нарушение правил было осуществлено персоналом спортсмена, то РУСАДА информирует об этом федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные рассматривать административные дела.

Далее информация о принятом решении должна быть передана в международную спортивную федерацию и другие органы. При этом точные сроки передачи информации не указаны, но есть информация о том, что они должны быть «разумными».

Правила предусматривают возможность дисквалификации спортсмена в связи с нарушением антидопинговых норм на срок от одного года до бессрочного. Начало срока дисквалификации устанавливается решением спортивной федерации. Смягчающим фактором, который обуславливает возможность сокращения срока дисквалификации, является незначительность вины спортсмена или его небрежность. Однако здесь имеется определенное ограничение: срок может быть сокращен не более, чем в два раза по отношению к минимально возможному наказанию. В случае если установлена пожизненная дисквалификация, выявление смягчающих факторов

может сократить срок дисквалификации до не менее чем 8 лет.

В Правилах предусматривается возможность обжалования принятого решения.

Нормы о дисквалификации футболистов содержатся в статье 16 дисциплинарного регламента РФС, который предусматривает возможность дисквалификации как на матчи, так и на годы, месяцы или дни. В общем случае длительность дисквалификации не может превышать 24 матчей или 2 лет.

При наложении дисквалификации на количество матчей учитываются только те матчи, в которых принимала участие команда дисквалифицированного спортсмена. Даже в том случае, когда матч не был доигран до конца, произошла аннуляция его результата или результат игры был присужден, данный матч в счет дисквалификации засчитывается. Но в случае, когда назначается переигровка, данный матч в зачет счета дисквалификации не входит.

При сочетании дисквалификации со штрафными санкциями срок дисквалификации продолжается до полного погашения наложенного штрафа.

Если дисквалификация (в том числе и автоматическая) не была полностью погашена в текущем сезоне, она должна быть перенесена на следующий сезон.

Так, регламент предусматривает возможность назначения дисквалификации за грубую игру, в результате которой игрок удаляется с поля на 3 матча, за нанесение тяжелой травмы другому игроку – минимум на 7 матчей, за драку – минимум на 5 матчей и т. д.

После получения работодателем требования общероссийской или международной федерации о том, что данный спортсмен должен быть отстранен от соревнований или о том, что он дисквалифицируется, в его обязанности входит издание приказа об отстранении. Об этом необходимо уведомить спортсмена, получив его подпись.

При этом в случае отстранения по причине нарушения антидопинговых правил у работодателя появляется право увольнения спортсмена в соответствии с положениями пункта 2 статьи 348.11 Трудового кодекса Российской Федерации.

При этом необходимо соблюдать процедуру, предусмотренную в нормах статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации. То есть перед

тем, как на спортсмена будет возложено дисциплинарное взыскание, необходимо получить от него письменную объяснительную. В том случае, когда объяснение не будет представлено в течение двух рабочих дней, необходимо сформировать соответствующий акт, в котором будет подробно описана данная ситуация.

У работодателя имеется возможность применения дисциплинарного взыскания в срок, не превышающий один месяц с того дня, как проступок был обнаружен. При этом в данный срок не засчитывается время, когда спортсмен был болен или находился в отпуске. Кроме того, не учитывается то время, которое потребовалось представительному органу на принятие решения. Также существует положение о том, что взыскание не может быть наложено позже, чем через полгода со дня, когда проступок был совершен. Поэтому всегда имеется вероятность того, что принятие федерацией решения о дисквалификации займет больше времени, чем длится срок привлечения к дисциплинарной ответственности. Однако законодательство никак не урегулирует этот вопрос, поэтому в таком случае увольнение провинившегося спортсмена уже будет невозможно.

Увольнение должно быть оформлено соответствующим приказом, который выпускает работодатель. При этом спортсмена необходимо с ним ознакомить, о чем он проставляет свою подпись.

После этого в трудовую книжку вносится запись, соответствующая формулировкам, предусмотренным в статье 348.11 Трудового кодекса Российской Федерации. Например, «Трудовой договор прекращен в связи со спортивной дисквалификацией на срок десять месяцев, пункт 1 статьи 348.11 Трудового кодекса Российской Федерации».

Кроме того, информация о спортивной дисквалификации должна быть внесена и в спортивный паспорт спортсмена. Это документ утвержденного образца, который подтверждает факт принадлежности к спортивной организации, а также уровень спортивной квалификации владельца спортивного паспорта. Это предусмотрено нормами статьи 27 Закона № 329-ФЗ.

Тот факт, что в паспорте спортсмена имеются записи о дисквалификации, не может служить основанием для непринятия его на работу. Если такой отказ случился, спортсмен может потребовать у работодателя представить ему письмен-

ное обоснование причины отказа. И работодатель обязан это требование исполнить. При этом у спортсмена все также остается право оспаривания такого отказа в судебном порядке, что предусмотрено статьей 64 Трудового кодекса Российской Федерации.

Кроме возможности увольнения в случае дисквалификации нормы статьи 348.12 Трудового кодекса Российской Федерации предусматривают обязанность спортсмена осуществить выплаты в пользу работодателя. Выплаты необходимо сделать в том случае, если это предусмотрено положениями заключенного со спортсменом трудового договора. В какой срок и в каком размере должна быть осуществлена выплата, также устанавливается положениями трудового договора. В том случае, когда договор не оговаривает определенного срока, используются общие положения, представленные в нормах части 5 статьи 348.12 Трудового кодекса Российской Федерации – 2 месяца.

Спортсмен также в случае дисквалификации лишается полученных призов и медалей. Кроме того, в случае дисквалификации на срок, превышающий год на основании нарушения спортивных правил или использование запрещенных веществ,

спортсмен лишается права получения спортивных и почетных спортивных званий. В случае, если эти звания у спортсмена уже имелись, он может быть их лишен.

Однако в то же время положения пункта 6.7 отраслевого соглашения по организациям Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации предусматривают возможность того, что в коллективных договорах, соглашениях, локальных нормативных актах, трудовых договорах могут содержаться нормы, предполагающие возможность получения дополнительных гарантий и компенсаций в случаях, связанных со спортивной дисквалификацией.

Таким образом, в случае спортивной дисквалификации (в отличие от других видов дисквалификации) увольнение не является обязательным следствием, хотя и возможно. Решение о необходимости увольнения находится в полномочиях работодателя. При этом работодатель должен строить свое решение не только на нормах и специальных нормах Трудового кодекса, но также и на положениях общероссийских антидопинговых правил, а также других нормативных документов, принятых в спортивных федерациях.

Список литературы

1. Васильев И. А., Шевелева Н. А. Отстранения российских спортивных федераций и спортсменов: неправомерные ULTIMA RATIO // Закон. – 2022. – № 8. – С. 60.
2. Жиляев Д. «Мерзкая ситуация»: МОК выставил условия для возвращения россиян на соревнования // Газета.Ru. – 26.01.2023. – URL: https://www.gazeta.ru/sport/2023/01/26/a_16147681.shtml?updated (дата обращения: 20.03.2023).
3. Квашук П. В., Семаева Г. Н., Маслова И. Н. Некоторые аспекты стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2021. – № 6 (196). – С. 152–155.
4. Сергеева А. А., Путьлько К. В. Дискриминация в спорте: понятие, правовая природа и методы противодействия // Пролог: журнал о праве. – 2022. – № 2. – С. 65–74.
5. Курдюкова С. В., Воротник А. Н. Международно-правовые аспекты ответственности за использование допинга в спорте // Вестник БелЮИ МВД России. – 2020. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-aspekty-otvetstvennosti-za-ispolzovanie-dopinga-v-sporte>

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-2-102-110>

Налог на доходы физических лиц как инструмент регулирования социального неравенства

О. В. Староверова

доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент,
профессор кафедры государственных и муниципальных финансов
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Staroverova.OV@rea.ru

Р. Г. Ахмадеев

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры государственных и муниципальных финансов
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: ahm_rav@mail.ru

А. А. Агапова

кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственных и муниципальных финансов
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: agapova.aa@rea.ru

Personal Income Tax as an Instrument for Regulating Social Inequality

O. V. Staroverova

Doctor of Law, PhD in Economics, Associate Professor,
Professor of the Department of State and Municipal Finance
of the Plekhanov Russian University of Economics.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Staroverova.OV@rea.ru

R. G. Akhmadeyev

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of State and Municipal Finance
of the Plekhanov Russian University of Economics.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: ahm_rav@mail.ru

A. A. Agapova

PhD in Economics, Associate Professor of the Department of State and Municipal Finance
of the Plekhanov Russian University of Economics.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: agapova.aa@rea.ru

Аннотация

В исследовании проведен анализ особенностей систем налогообложения в глобальной экономике, с учетом выявления их взаимосвязи с неравенством уровня доходов населения. Целью исследования является определение уровня сложившегося социально-экономического неравенства при осуществлении межстранового сопоставления уровня дифференциации общества в отношении полученных доходов и уровня богатства для обоснования возможностей совершенствования используемой на основе опыта мировых стран прогрессивной шкалы НДФЛ в Российской Федерации. Для достижения поставленной цели исследованы основные тенденции динамики экономического неравенства в глобальном аспекте, действующих фискальных систем и особенностей налогообложения физических лиц по отдельным странам. В ходе исследования были использованы различные общенаучные и специальные методы: статистический метод, математическое моделирование и анализ. Результаты исследования основываются на элементе научной гипотезы теоретического обоснования возможности и целесообразности совершенствования действующей в России прогрессивной системы подоходного налогообложения, позволяющей сгладить экономическое неравенство и реализовать поставленные задачи государственной социальной политики в среднесрочной перспективе. Результаты исследования могут иметь практическое значение при формировании стимулирующих мер в области бюджетно-налогового регулирования и эффективности проводимой финансовой политики при предоставлении дополнительных налоговых вычетов и льгот, а также социальной поддержки населения.

Ключевые слова: налоговая система, НДФЛ, прогрессивная шкала, доходы домохозяйств, экономическое неравенство, мировой опыт.

Abstract

The study analyzes the features of taxation systems in the global economy, taking into account the identification of their relationship with income inequality of the population. The aim of the study is to determine the level of the existing socio-economic inequality in the implementation of a cross-country comparison of the level of differentiation of society in relation to the income received and the level of wealth to substantiate the possibilities of improving the progressive personal income tax scale used based on the experience of world countries in the Russian Federation. In order to achieve this goal, the main trends in the dynamics of economic inequality in the global aspect, the current fiscal systems and the peculiarities of taxation of individuals by individual countries are investigated. Various general scientific and special methods were used in the course of the study: statistical method, mathematical modeling and analysis. The results of the study are based on the element of the scientific hypothesis of the theoretical substantiation of the possibility and feasibility of improving the progressive income taxation system in Russia, which makes it possible to smooth out economic inequality and implement the tasks of state social policy in the medium term. The results of the study may be of practical importance in the formation of incentive measures in the field of fiscal regulation and the effectiveness of the financial policy in providing additional tax deductions and benefits, as well as social support for the population.

Keywords: tax system, personal income tax, progressive taxation, personal income, monetary inequality, international experience.

Проблема экономического неравенства доходов является актуальной для любой стадии его развития, а в зависимости от исторических этапов изменяются обуславливающие факторы. В частности, если в XX в. основой неравенства, как правило, выступало дифференцированное распределение факторов производства, в основном земли и капитала, то в современной экономике в центре

внимания находятся различия в доходах и богатстве различных социальных слоев. При этом затрагиваются и вопросы монетарной оценки неравенства возможностей тех или иных граждан, социальных или этнических обществ. Экономическое неравенство может как порождаться различными религиозными, этническими конфликтами и противоречиями, так и становиться при-

чиной социально-политической нестабильности в обществе. Данная проблема все чаще выходит на повестку дня различных научных и политических дискуссий, а обещание сгладить расслоение общества является одним из основных приоритетов в период предвыборных кампаний лидеров большинства экономически развитых стран. Существенно проблема экономического неравенства проявилась во время влияния глобальной пандемии в 2020–2021 гг., при этом в ряде стран ситуация усугубилась [1; 2]. В этих условиях правительства были вынуждены прибегнуть к дополнительным мерам поддержки населения: предоставить дополнительные пособия социально незащищенным категориям населения, льготы и субсидии – субъектам малого бизнеса и т. д. Вместе с тем основной инструмент сглаживания разрыва в отношении уровня получаемых доходов между обеспеченными и социально незащищенными категориями населения – фискальный механизм. Использование в большинстве стран прогрессивной шкалы подоходного налога, которая подразумевает увеличение налоговой ставки с ростом годового дохода, с учетом одновременного роста налоговой нагрузки по имущественным налогам, в отношении получаемого наследства, предметов роскоши и т. д. [7; 11].

Цель исследования – определение уровня сложившегося социально-экономического неравенства при осуществлении межстранового сопоставления уровня дифференциации общества в отношении полученных доходов и уровня богатства в целях обоснования возможностей совершенствования используемой на основе опыта мировых стран прогрессивной шкалы НДФЛ в Российской Федерации, с учетом снижения уровня социально-экономического неравенства. Научная гипотеза исследования заключается в теоретическом обосновании возможности и целесообразности совершенствования действующей в России прогрессивной системы подоходного налогообложения, позволяющей сгладить экономическое неравенство и реализовать поставленные задачи государственной социальной политики в среднесрочной перспективе.

Введение необлагаемого минимума полученных населением доходов, увеличение абсолютно-го размера предоставляемых налоговых вычетов в большей степени будет способствовать достижению баланса интересов государства и различных социальных слоев общества при распределении национального дохода, а также повлияет на

уровень социального неравенства всех категорий граждан. В процессе исследования использовались общенаучные методы, такие как анализ, дедукция, сравнение, непротиворечивость исторического и логического. В качестве методологической основы исследования использованы научные источники зарубежных и отечественных экономистов, а также практические метаданные отчетности Всемирного банка.

Тема неравенства рассматривалась многими экономическими школами. Впервые данная тема поднимается в трудах представителя школы физиократов Ф. Кенэ, который описал механизм распределения национального богатства между различными социальными группами¹. Ограниченность метода физиократов заключалась в рассмотрении сельского хозяйства как единственного производительного сектора экономики. В дальнейшем тему распределения доходов рассматривал шотландский экономист Адам Смит². В своей теории он выделял 3 класса общества: предприниматели, собственники земли и рабочие. При этом каждый класс получает свой факторный доход, который может отличаться в зависимости от региона или характера деятельности. Отдельное внимание обращено на уровень оплаты труда, являющейся основным компонентом цены товара в рамках трудовой теории стоимости. Адам Смит выделил отдельные признаки дифференциации доходов населения: по виду деятельности, ее сложности и уровню затрат. При этом государственное вмешательство также является обоснованием движущей силы экономического неравенства, поскольку ограничивает конкуренцию и свободу передвижения факторов производства. Дальнейшее развитие классической теории налогообложения подтвердило объективность: существования разрыва в доходах богатых и бедных (отчасти это связано с ростом народонаселения страны); оптимального уровня заработной платы на уровне прожиточного минимума. При этом налоги на труд, в соответствии с предложенным А. Смитом принципом справедливости, должны распределяться в соответствии с располагаемым доходом.

¹ См.: Самойлов А. Р. Эволюция взглядов и представлений о распределении и неравенстве в трудах известных экономистов // Политика, экономика и инновации. – 2017. – № 5 (15).

² См.: Пансков В. Г. Налог на богатство (роскошь): сущность, необходимость, перспективы // Финансы. – 2022. – С. 24–30.

Следующим этапом развития экономической мысли стало появление марксистской теории. К. Маркс поднимает проблему эксплуатации рабочего класса, создающего прибавочную стоимость, которая присваивается капиталистами [4]. Согласно теории К. Маркса, справедливое распределение в обществе должно быть основано на труде. Так, он отмечает, что весь продукт труда союза свободных людей представляет собой общественный продукт, одна часть которого служит в качестве средств производства, другая часть направлена на потребление и, следовательно, должна быть распределена. При этом марксистская теория основывается на применении прогрессивной шкалы налогообложения, считая ее наиболее эффективной системой перераспределения национального богатства для поддержания социальной справедливости.

Принципиально иной взгляд на природу социально-экономического неравенства предложил американский ученый С. Кузнец, предложивший U-образную модель, которая описывала зависимость коэффициента Джини от показателя ВВП на душу населения [13]. По мнению экономиста, как только экономика государства достигнет определенно высокого уровня развития, возрастающий тренд степени социально-экономического неравенства разворачивается в противоположную сторону и приобретает тенденцию к понижению. В этой связи для того, чтобы неравенство в обществе начало сокращаться, необходимо достижение существенной степени экономического развития.

На современном этапе проблема неравенства доходов населения остается особенно актуальной. Наиболее известным ученым, исследовавшим неравенство, является Т. Пикетти [14], изучивший степень распределения доходов между различными децилями общества, выявив тенденции и причины данного неравенства. На основе анализа доходов 9 и 1% наиболее обеспеченных категорий населения выявлено получение последними сверхдоходов от капитала, в то время как оставшаяся часть (9%) «верхнего» дециля накапливает богатство, исходя из трудовых доходов. При этом экономическое неравенство – неотвратимый процесс рыночной экономики, связанный в том числе и с политической ситуацией в стране. Доказывает это ученый с помощью условия $r > g$, где r – норма доходности капитала, а g – темп экономического роста. В этой связи важным аспектом является необходимость государствен-

ного вмешательства для снижения дифференциации доходов населения, а механизм достижения этого – международное прогрессивное налогообложение капитала. Такая мера, по мнению экономиста, в большей степени способствует сглаживанию неравенства в глобальной экономике, а налоговый метод перераспределения доходов наиболее оптимальный.

При формировании политики бюджетного перераспределения уровень налогов определяется в процентном отношении к ВВП. Вместе с тем данный показатель не отражает особенности распределения бюджетных трансфертов, а в качестве способа определения уровня бюджетного перераспределения является использование эффективной и предельной ставки налогообложения. Эффективная средняя ставка для конкретного уровня дохода определяется как сумма всех налогов (или трансфертов), выраженная в процентах от валового дохода до уплаты налогов и трансфертов. При этом важным экономическим аспектом является сокращение доходов населения при установлении высоких ставок налога.

В исследованиях П. Тридикко [15] рассматривается идея классификации видов экономического неравенства по внутристрановому и междустрановому характеру. Для внутристранового неравенства ключевым драйвером изменений является рынок труда, создание новых профессий и видов занятости, технологические изменения, позволяющие отдельным категориям населения зарабатывать больше, чем иным, что приводит к поляризации доходов и богатства в рамках конкретной юрисдикции. При этом П. Тридикко, основываясь на длинных циклах развития экономического неравенства с 1400 г. по настоящее время, выявляет характер внутристранового и междустранового неравенства в противофазе, а рост междустранового неравенства сопровождается усилением политики протекционизма.

В свою очередь, внутристрановой аспект возрастает на основе фактора международной торговли, снижения протекционизма и глобализации экономики.

Экономико-правовой характер исследования неравенства доходов отечественными экономистами основывается на разработке эффективных способов их преодоления. Так, стабильность в обществе невозможна без снижения разницы в доходах между богатыми и бедными. Она неразрывно связана со справедливостью налогообложения. Справедливость как принцип налогообло-

жения предполагает обеспечение равных возможностей для всех членов социума на удовлетворение первостепенных потребностей [3; 8]. В связи с этим установление необлагаемого минимума налогообложения доходов является неизбежным ввиду необходимости освобождения от дополнительных изъятий той части дохода налогоплательщика, которая обеспечивает его жизнедеятельность [5].

Вместе с тем при определении размера дохода, не подлежащего налогообложению, важным аспектом является достижение сбалансированности величины расходов, направленных на удовлетворение базовых потребностей плательщиков, и фискальных потребностей государства при осуществлении бюджетного финансирования социальных расходов, программ и т. д. Существенный фактор сглаживания неравенства доходов обосновывается увеличением абсолютных значений налоговых вычетов (стандартный, в первую очередь социальный), поскольку они имеют достаточно выраженный потенциал развития в отношении условий их применения и сферы распространения. В этой связи можно отметить, что проблема экономического неравенства доходов населения является существенным предметом исследования экономистов, а в зависимости от эпохи и уровня развития глобального и национального хозяйства предлагаются различные концепции природы и свойств данного явления.

Наиболее эффективным методом сглаживания экономического неравенства доходов населения

является действие механизма прогрессивного налогообложения физических лиц.

В международной практике при определении уровня экономического неравенства учитываются показатели дохода, потребления и богатства домохозяйств. Богатство представляет собой совокупность всех активов, которыми владеет субъект. В него включаются финансовые активы, такие как ценные бумаги, а также имущество и сбережения. Соотношение между доходом и богатством человека или на уровне домохозяйства непостоянно, поскольку изменяется в зависимости от экономической ситуации в стране, фазы делового цикла или иных непредвиденных обстоятельств. Данное соотношение зависит от типа экономики страны, а также уровня приоритетов в потреблении или сбережении.

Для стран с развитой экономикой характерно использование данных о доходах в связи с наличием более точных сведений, в т. ч. фискальных. Для развивающихся стран более характерно использование данных о потреблении. В таких странах значительная часть населения занята в сельском хозяйстве, производит продукцию для внутреннего потребления. Также в подобных странах может быть сильно развит теневой сектор, что искажает реальную картину доходов домохозяйств [12].

Наиболее распространенным инструментом измерения неравенства, применяемым в международной практике налогообложения, является коэффициент Джини (рис. 1).

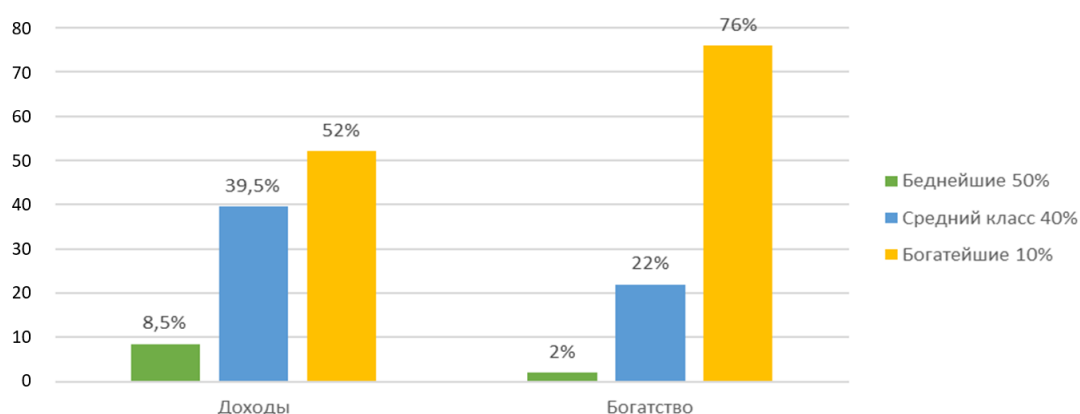

Рис. 1. Характеристика уровня глобального неравенства уровня доходов населения и богатства (в %)

Составлено по: World Inequality Report 2022. – URL: <https://wid.world/document/world-inequality-report-2022/>

Проведенные исследования данных (см. рис. 1) позволили сформулировать выводы: доходы 50% населения планеты (самого бедного) составляют 8,5% мирового дохода по ППС, при этом

они владеют 2% богатства. На долю 10% богатейших домохозяйств приходится 52% мирового дохода и 76% мирового богатства. В свою очередь, средний класс получает 40% общего дохода,

что является довольно высоким показателем, однако он владеет только 22% всего мирового уровня богатства. Если выразить эти доли в денежном эквиваленте, то в среднем на одного бедного приходится порядка 4 100 долларов мирового богатства, в то же время одному из 10% богатейших принадлежит 771 300 долларов.

К основным задачам деятельности Всемирного банка в рамках цели сокращения бедности относятся: сглаживание неравенства и обеспечение более равномерного распределения доходов в мировом масштабе. Динамика неравенства при этом оценивается с помощью соотношений до-

лей доходов (или богатства), приходящихся на 50% беднейшего населения, 40% среднего класса и 10% богатейшего класса. Такие показатели выявлены на основе статистических данных Всемирного банка и целостно отражают степень расслоения общества. Если в 2000 г. общемировой индекс Джини составлял 0,72, то в 2020 г. его значение снизилось до 0,67.

Одной из тенденций в глобальном распределении доходов за последние годы является сокращение разрыва между доходами богатых и бедных стран (рис. 2).

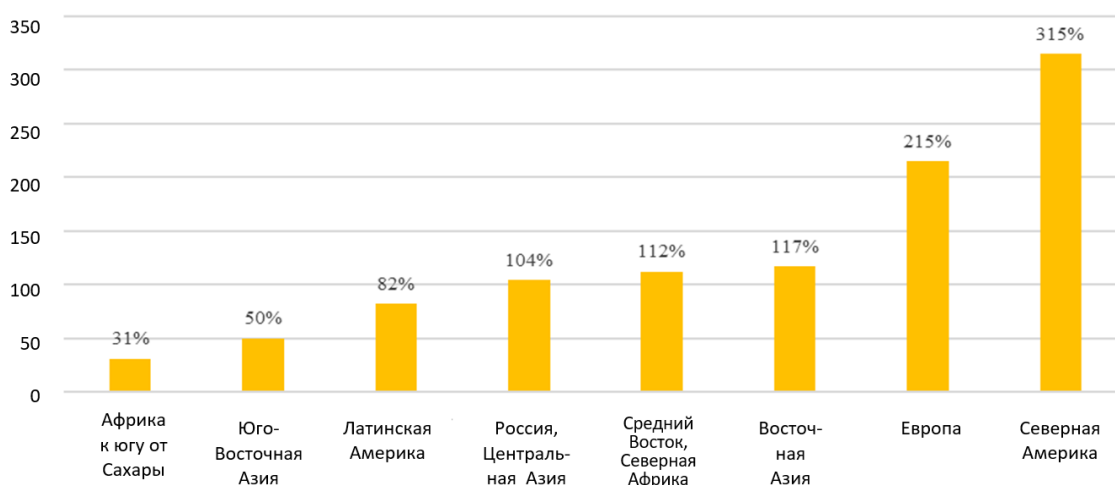

Рис. 2. Соотношение среднего уровня доходов домохозяйств (в %)

Составлено по: World Inequality Report 2022. – URL: <https://wid.world/document/world-inequality-report-2022/>

Вместе с тем следует отметить и существенный рост частного богатства, с которым связано выделение 1% богатейших людей в отдельную категорию, т. е. под влиянием глобализации и

международной интеграции в руках отдельных лиц, владельцев ТНК накапливаются огромные капиталы (рис. 3).

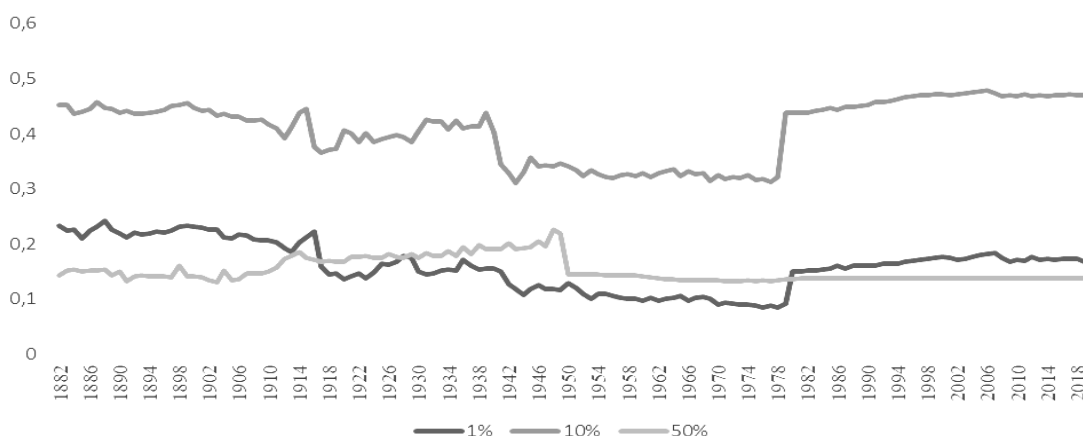

Рис. 3. Доля доходов сверхбогатого населения в глобальной экономике (в %)

Составлено по: World Inequality Report 2022. – URL: <https://wid.world/document/world-inequality-report-2022/>

Однако, помимо неравенства в доходах и активах, не менее важным является немонетарное неравенство, которое представляет собой совокупность критериев: в первую входит ряд монетарных показателей, таких как обеспеченность жильем, предметами длительного пользования.

С другой стороны, учитываются возможности граждан в сферах семьи, образования и карьеры, путешествий и т. д. Эти показатели позволяют оценить качество жизни людей в разных странах, уровень развития и доступности социально-экономической инфраструктуры. Среди немонетарных показателей неравенства следует назвать индекс человеческого развития (далее – ИЧР) ООН.

ИРЧ – это совокупный показатель уровня развития человека в стране, отражающий такие понятия, как качество жизни или уровень жизни. Вместе с тем данные критерии не связаны с богатством и доходами, однако от них во многом зависит общественное благосостояние. В частности, уровень неравенства в Российской Федерации сопоставим в историческом аспекте с периодом Царской России до 1917 г. [17]

Согласно классификации Всемирного банка, Россия занимает срединную позицию в рейтинге стран по экономическому неравенству. Индекс Джини и другие показатели в нашей стране выше, чем в развитых европейских государствах, однако они не достигают мировых максимумов, которые задают развивающиеся страны. Вместе с тем следует подчеркнуть их высокую дифференциацию у различных слоев населения. При переходе от верхних 10% населения, на которые, по данным Всемирного банка, приходится 77% национального дохода Российской Федерации, к верхним 1–5%, позиционирование России на общемировом фоне значительно изменяется. Россия находится на первом месте по концентрации активов на 1% богатейших жителей страны.

По данным ежегодного отчета Credit Suisse о глобальном богатстве за 2020 г., на эту группу приходится 58% богатства; на втором месте находится ЮАР с показателем 42% [16].

Можно выделить несколько причин столь сильного расслоения. Во-первых, высокий уровень экономического неравенства обусловлен *высокой степенью монополизации российской экономики*. Крупные корпорации, часто не без поддержки государства, занимают доминирую-

щее положение в отрасли и получают сверхприбыль.

В результате этого выделяется тот самый 1%, наиболее состоятельная часть населения, имеющая не только экономический, но и политический вес в стране. Важнейшим фактором, определяющим высокий уровень неравенства, также является *несоответствие качества жизни населения в различных регионах*.

Данная ситуация характерна не только для Российской Федерации: наиболее обеспеченными являются столичный регион и крупные города-миллионники, а в остальных субъектах Российской Федерации имеются менее развитая инфраструктура, низкий уровень здравоохранения, низкий уровень минимальной заработной платы региона и, как следствие, низкий уровень жизни.

При этом индекс Джини на уровне 38–40% означает достаточно высокий уровень неравенства, который может привести к различным неблагоприятным последствиям: социальным конфликтам, росту преступности и напряженности в обществе.

Стоит отметить, что, согласно последним отчетам Всемирного банка, в России не зафиксирована доля населения, находящегося в положении крайней бедности, т. е. с доходом 2,17 доллара в день. Несмотря на это, разрыв между богатыми и большинством населения растет, средний класс не является основой общества, а скорее, наоборот, практически не сформирован. Динамика отрыва в России «шпиля» от остального населения увеличивается, что требует контроля и регулирования.

В связи с вышеизложенным, одним из возможных решений проблемы неравенства в России является *введение прогрессивной ставки подоходного налога*. На основе мирового опыта, применение прогрессивной шкалы подоходного налога обеспечивает эффективное функционирование системы распределения доходов. В отличие от стран, применяющих прогрессивную шкалу, в некоторых странах используют пропорциональную систему НДФЛ, т. е. плоскую ставку налога для любого уровня дохода.

Исходя из этого выделим для пропорциональной шкалы отдельные ее преимущества, основанные на практическом применении.

Так, во Франции прогрессивная шкала налогообложения с максимальной ставкой 45% од-

новременно предусматривает ежемесячный необлагаемый минимум в размере 9 964 евро.

Все налогоплательщики разделены на 5 групп в зависимости от годового дохода. Особенностью является то, что для расчета подоходного налога берут не конкретное физическое лицо, а семья налогоплательщика. Семейный доход делится на части, исходя из количества членов семьи.

В Германии также применяется необлагаемый налогом минимум в размере 9 168 евро. В бюджет Германии поступает около 40% подоходного налога. Ставка изменяется в диапазоне от 14% до 42%, при этом население также разделено на 5 групп по доходам. Ставка 42% применяется в отношении доходов свыше 55 961 евро в год, а предельные значения дохода свыше 265 327 евро в год облагаются налогом по ставке 45%.

В Великобритании отличительной особенностью является то, что налоговым периодом не является календарный год, как в Российской Федерации, а начинается он с 6 апреля текущего года и продолжается до 5 апреля следующего года. Налоговые ставки – 20, 40 и 45%, а максимальной ставкой облагается доход свыше 150 000 фунтов стерлингов [9].

Проведенные исследования позволили сформулировать следующие основные выводы.

Неравенство доходов остается важной проблемой современного общества, с которой необходимо бороться в том числе и методами государственного вмешательства. На основе идеи введения прогрессивного налогообложения с целью сглаживания неравенства доходов обязательным является введение необлагаемого минимума с целью защиты наиболее уязвимых категорий граждан.

При этом в зависимости от режима налогообложения и уровня дифференциации доходов населения страны Европейского союза характеризуются более низкими показателями неравенства доходов.

Российская Федерация занимает срединную позицию по неравенству в рейтинге стран, однако в силу особенностей развития экономики страны наблюдается сильный отрыв в отношении наиболее обеспеченной категории населения.

Отметим, что с учетом проведенного анализа теоретических взглядов, а также практической ситуации в экономике в целях эффективного применения действующей прогрессивной шкалы налогообложения, максимальная ставка в отношении сверхдоходов в России должна быть не менее 40%.

Список литературы

1. Арсаева И. Л., Джабраилова Х. М., Межиева Х. А. Прогрессивная шкала налогообложения в России: проблемы и перспективы // Московский экономический журнал. – 2020. – С. 255–260.
2. Вылкова Е. С. НДФЛ: реформирование в России и влияние на неравенство доходов населения // Journal of New Economy. – 2021. – С. 5–22.
3. Дорофеев М. Л. Экономическое неравенство в России: проблемы и пути их решения // Вестник университета. – 2020. – С. 85–93.
4. Ермакова Э. Р., Илякова И. Е. Распределение доходов и благосостояния в странах Европейского союза и России: сравнительный анализ // Финансы: теория и практика. – 2022.
5. Ермилов В. Г., Прокофьев М. Н. Прогрессивное налогообложение доходов физических лиц: за и против // Банковское дело. – 2022. – С. 36–41.
6. Изотова О. И. Перспективы реформирования налога на доходы физических лиц как инструмента социальной политики государства: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2015.
7. Косов М. Е., Бондаренко Н. О. Теории пропорционального и прогрессивного налогообложения: практика применения // Международный бухгалтерский учет. – 2018. – Т. 21. – № 11. – С. 1267–1280.
8. Мареева, С. В., Слободенюк, Е. Д. Неравенство в России на фоне других стран: доходы, богатство, возможности : аналитический доклад. – М. : НИУ ВШЭ, 2021.
9. Пансков В. Г. Налог на богатство (роскошь): сущность, необходимость, перспективы // Финансы. – 2022. – С. 24–30.
10. Самойлов А. Р. Эволюция взглядов и представлений о распределении и неравенстве в трудах известных экономистов // Политика, экономика и инновации. – 2017. – № 5 (15).

11. Чапанов М. А., Косенкова Ю. Ю. Налог на роскошь: зарубежный опыт и возможности применения в России // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – С. 124–127.
12. Husman A., Brezeanu P. Progressive Taxation and Economic Development in UE Countries // Economic Computation and Economic Cybernetics Studies and Research. – 2021. – Vol. 55. – Issue 1. – P. 285–300.
13. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // The American Economic Review. – 1955.
14. Piketty T. The Economics of Inequality // Belknap Press. – Cambridge, Massachusetts : eBook, 2015.
15. Tridico P. Inequality in financial capitalism. – London: Routledge, 2017.
16. World Inequality Report 2022. – URL: <https://wid.world/document/world-inequality-report-2022/>

Частноправовые аспекты статуса российского государственного служащего

К. М. Евменова

аспирантка кафедры правового обеспечения рыночной экономики
ИГСУ РАНХиГС,

заместитель начальника управления общей политики Администрации г. Ноябрьска.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства государственной службы
при Президенте Российской Федерации»,
119606, Москва, просп. Вернадского, 84, стр. 1.
E-mail: yevmenova.kseniya@mail.ru

Private Law Aspects of the Status of a Russian Civil Servant

K. M. Evmenova

Post-Graduate Student of the Department of Legal Support of Market Economy
of the Institute of Public Service and Management of the RANEPa,
Deputy Head of the General Policy Department of the Administration of Noyabrsk.
Address: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
84 Vernadsky Avenue, Building 1, Moscow, 119606, Russian Federation.
E-mail: yevmenova.kseniya@mail.ru

Аннотация

Предметом исследования в данной статье является содержание ограничений конституционного права на занятие экономической деятельностью (статья 37 Конституции Российской Федерации) федеральных государственных служащих, в контексте развития под влиянием частного и публичного права. Именно от них производны и аналогичные ограничения в отношении государственных служащих субъектов Российской Федерации, муниципальных служащих, работников и должностных лиц, юридических лиц с разной степенью государственного участия. В статье показано, что с усилением государственного регулирования сфера действия частного права не сужается, а напротив, расширяется. На основе частного права будет развиваться понимание конфликта интересов, содержание элементов состава коррупционного деяния. Подчеркнута важность научной дискуссии о юридическом содержании предпринимательской деятельности. Обращается особое внимание на вопросы международного частного права. Игнорирование содержания норм иностранного права, в соответствии с которыми определяются понятия корпоративного права, имущества, обязательств и другие ключевые для квалификации поведения государственного служащего как коррупционного, имеет своим следствием как неэффективность ограничений, так и непропорциональные, чрезмерно жесткие ограничения, которые серьезно снизят привлекательность государственной службы в Российской Федерации.

Ключевые слова: частное право, государственная служба, коррупция, конфликт интересов, экономическая деятельность, иностранное право.

Abstract

The subject of the research in this article is the content of restrictions of constitutional law to engage in economic activity (Article 37 of the Constitution of the Russian Federation) of federal civil servants, in the context of the development of legal regulation, under the influence of private and public law. Similar restrictions are applying to civil servants of the constituent entities of the Russian Federation, municipal employees, employees and officials of legal entities with different degrees of state participation. The article shows that due to strengthening the state regulation, the scope of private law does not narrow himself, but rather expands. The conflict of interest, the content of the elements of the corpus delicti of a corrupt act, their understanding will develop on the basis of private law. The importance of scientific discussion about the legal content of entrepreneurial activity is emphasized. Particular attention is given to the issues of international private law. Ignoring the content of the norms of foreign law defining the concepts of corporate relationships, property, obligations and other key concepts for qualifying the behaviour of a civil servant as corrupt, result in both the ineffectiveness of restrictions and disproportionate, overly stringent restrictions that will seriously reduce the attractiveness of the civil service in Russian Federation.

Keywords: private law, state service, corruption, conflict of interests, economical activity, foreign law.

Активное участие государства в имущественных отношениях, регулируемых частным правом (в том числе приобретение государством корпоративных прав), является «катализатором» возникновения конкуренции интересов юридического лица с интересами государства.

Несмотря на то что правовой статус муниципальных служащих, военнослужащих, работников бюджетных организаций, не говоря уже о работниках хозяйственных обществ с государственным участием, отличается от правового статуса государственных служащих, нельзя не отметить очевидного влияния норм, регулирующих поведение государственных служащих, на правовое положение перечисленных субъектов частного права.

Даже самые радикальные идеи либерального толка о максимальном отчуждении государственных служащих от общества не отрицают за ними права обладать имуществом.

Одним из негативных последствий коррупционных деяний является то, что они размывают устои честного, добросовестного, социально ориентированного предпринимательства. Именно поэтому законодательство ряда государств имеет тенденцию к расширению оснований привлечения к ответственности за коррупционные деяния в частной сфере¹.

Частному праву в России в разные периоды знакомы совершенно различные состояния: от декларации его постепенного отмирания по мере построения коммунистического общества до состояния законодательного вакуума 90-х гг. прошлого века, когда именно оно стало основным инструментом регулирования общественных отношений.

На данном этапе развития представляется необходимым достижение равновесия – оптимального сочетания норм публичного и частного права. С одной стороны, может сложиться впечатление об обратной тенденции: в сферу правового регулирования попадает все больший объем общественных отношений.

Так, С. Г. Воронцов сравнивает [2] общий объем только кодифицированных источников права в России и СССР в 2012 г.² Сферы, находящиеся вне правового регулирования (например, обращение криптовалюты на территории России), в самой ближайшей перспективе окажутся под влиянием достаточно детализированного правового регулирования (учитывая степень их общественной опасности, как в случае с криптовалютой [4]). Другой пример – отношения по обеспечению приоритетного снабжения удаленных территорий Российской Федерации, так называемого «северного завоза», которые нуждаются, по мнению многих исследователей, в регламентации [1]. Однако исследователи часто забывают о том, что нормативные правовые акты, положения которых ограничивают свободу волеизъявления субъектов права, – суть источники частного права. Поэтому с расширением регламентации государством отношений в обществе частное право также расширяет свои границы.

Государственные служащие, являясь физическими лицами, не утрачивают частноправовой составляющей своего статуса. Они продолжают владеть имуществом, заключать сделки, осуществлять экономическую деятельность. И именно частным правом определяются пределы свободного осуществления ими этих действий.

Казалось бы, последнее утверждение в корне неверно, ведь статус государственного служащего регулируется именно публичным правом, регулирующим отношения государственно-властного характера. Необходимо отметить, что со времен Юстиниана³ суть частного права несколько изменилась: если ранее определяющим фактором являлся субъектный состав отноше-

¹ См.: Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы: научно-практическое пособие: в 2 т. / Т. Я. Хабриева, Р. А. Курбанов, Н. А. Абузярова [и др.]. – Т. 1. – М.: Инфра-М, 2021.

² Он отмечает, что если в современной России совокупный объем текста равен примерно 6 728 Кб (около 2 800 страниц печатного текста с соблюдением требований издательского стандарта), то объем нормативных актов в СССР составлял приблизительно 1 078 Кб (449 страниц).

³ Император Византии, по распоряжению которого были изданы сборники норм римского частного права, содержащие в том числе принадлежащую перу Ульпиана формулу разграничения публичного и частного права: «Публичное право есть то, которое относится к положению римского государства; частное – которое относится к пользе отдельных лиц».

ний, то в настоящее время принадлежность той или иной нормы к публичному праву определяется прежде всего сутью отношений и лишь во вторую очередь – составом их участников. Например, процедура назначения лица на государственную должность имеет властный характер и не может быть предметом согласования назначаемого и назначающего лица. Тем не менее аналогичные отношения в области корпоративного управления (назначение генерального директора общества) носят хотя и властный характер, но не имеют в своем составе государства, действующего с публично-правовыми целями. Следовательно, такие отношения также относятся к сфере регулирования частного права. Таким образом, ответ на вопрос о принадлежности отношений к частному или публичному праву определяется в первую очередь правовой природой этих отношений и лишь во вторую – составом их участников.

С одной стороны, частное право играет в определении правового статуса государственного служащего вторичную роль, поскольку первичны нормы федеральных законов «О государственной гражданской службе» и «О противодействии коррупции», которые устанавливают права и обязанности государственных гражданских служащих, ответственность государственных служащих. Ю. А. Тихомиров давал определение государственной службы как организации постоянной профессиональной деятельности работников по осуществлению полномочий государственных органов и учреждений публичной власти¹. Частное право не может существовать без государства, поскольку оно основано на нормативных актах, принимаемых государством, и обеспечивается его принудительной силой. Содержание его предопределяется нормами публичного права. С другой стороны, частное право определяет пределы действия ограничений гражданских прав государственных служащих, установленных нормами публичного права.

Очевидно, например, что понятие конфликта интересов (статья 10 Федерального закона «О противодействии коррупции»), являющегося основанием для принятия должностными лицами мер по его недопущению или урегулированию, будет во многом основываться на нормах корпо-

ративного права, регулирующих конфликт интересов должностного лица коммерческой или некоммерческой организации (статья 12.14 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах», статья 27 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», статья 36.24 Федерального закона от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» в отношении юридических лиц, обладающих общей правосубъектностью, применим подпункт 1 пункта 2 Постановления Пленума ВАС Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62).

Заслуживает внимания также и то, что наиболее распространенной формой предотвращения конфликта интересов на государственной службе является отчуждение (прекращение права собственности) государственного служащего на так называемые конфликтно-опасные активы [6]. То есть способом предотвращения конфликта интересов государственного служащего и государства является регулируемый исключительно нормами частного права (часть 3 статей 212, 235 Гражданского кодекса Российской Федерации) институт прекращения права собственности. Именно проблемой частного правового регулирования является возможность сохранения за бывшим собственником полномочий по контролю за отчужденным им имуществом.

Нормами частного права определяется содержание элементов состава коррупционного деяния (получение имущества, имущественных прав, неосновательного обогащения, заключение недействительной сделки или сделки с превышением полномочий, причинение вреда действиями или бездействием органов государственной власти), без которого привлечение к ответственности невозможно. Как верно отмечает академик РАН Т. Я. Хабриева, «именно понятийно-категориальный аппарат продолжает оставаться предметом самых острых дискуссий по антикоррупционной тематике» [7].

Запрет на занятие государственными служащими предпринимательской деятельностью заставляет обратиться к активно ведущейся в настоящее время дискуссии о квалификации деятельности в качестве таковой [8]. Очевидно, что вывод определенных видов деятельности (в частности, пассивного получения дохода) из юридического объема понятия предпринима-

¹ См.: Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс: полный курс : учебник. – М., 2006. – С. 309.

тельской деятельности исключит наличие состава правонарушения, предусмотренного подпунктом 2 пункта 3 статьи 12.1. Федерального закона «О противодействии коррупции».

Актуальны для квалификации деяний государственных служащих в качестве правонарушений коррупционного характера и вопросы международного частного права. Например, предусмотренный статьей 7.1. Федерального закона «О противодействии коррупции» запрет открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории России, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами требует решения вопроса о квалификации того или иного обязательства в качестве финансового инструмента. Квалификация банка в качестве иностранного осуществляется также в соответствии с личным законом соответствующего юридического лица, т. е. по праву места государственной регистрации. Например, может ли рассматриваться в качестве банковского вклада такое действие российского государственного служащего, как вложение имущества в уставный фонд испанского сельскохозяйственного кооператива? Очевидно, что данный вопрос не может быть разрешен без обращения не просто к нормам испанского права, но также и к нормам соответствующего автономного сообщества (региона) Испании [5], на территории которого зарегистрирован данный сельскохозяйственный кооператив.

Аналогичные вопросы возникают и при квалификации участия государственных служащих в корпоративных правах иностранных юридических лиц. Ответ на вопрос о наличии у государственного служащего нарушения запрета на нахождение в составе органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений (подпункт 10 пункта 3 статьи 12.1. Федерального закона «О противодействии коррупции») напрямую зависит от содержания правовых норм соответствующего государства, регулирующих внутрикорпоративные отношения юридических лиц.

Вопросы юридической связи с иностранным государством юридических лиц, учрежденных этим государством (например, при квалификации органов в качестве осуществляющих руководство юридическим лицом и даче соответствующей

оценки занятию государственным служащим должности в этом органе юридического лица) или в имуществе которых участвует иностранное государство; вопросы относимости тех или иных прав к юридической категории «имущество»; квалификации тех или иных деяний государственных служащих в качестве заключения договора или иной сделки (например, при выполнении ими работ или оказании услуг) – все это требует проведения анализа законодательства соответствующего иностранного государства.

Это, в свою очередь, привело к разобщенности развития действующего законодательства, что крайне негативно может сказаться на эффективности правоприменения: создаются возможности для «лазеек» в законе. Напротив, чрезмерно жесткое регулирование серьезно снизит привлекательность государственной службы в Российской Федерации, что неминуемо вызовет отток квалифицированных кадров.

В качестве примера можно привести распространение запрета иметь счета и вклады в иностранных банках, хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами на супругов и на несовершеннолетних детей государственных служащих (подпункт «д» пункта 1 и пункта 2 части 1 статьи 2 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»), а также ограничение действия гражданско-правового принципа свободы договора в отношении лиц, находившихся на государственной службе, установленное частью 1 статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции», представляющее собой механическое заимствование из законодательства США, регулирующего отношения между бывшим работником и работодателем. При этом данное правило в США предполагает своего рода компенсацию такого ограничения прав бывшего работника в виде встречного представления (*past consideration*) в виде выплат определенной суммы денег в течение срока действия этого запрета.

Если гражданское законодательство находится в исключительном ведении Российской Федерации, то в отношении частного права это утверждение как минимум спорно. Семейное право, например, находится в сфере совместной компетенции России и ее субъектов. Согласно части 1 статьи 12.5 Федерального закона «О противодействии коррупции» законами субъектов Российской Федерации могут устанавливаться иные запреты, ограничения, обязательства и правила служебного поведения, нежели установленные данным законом. Эта формула оценивается судебной практикой неоднозначно¹. Разумеется, в буквальной трактовке данное правило прямо противоречит нормам Гражданского кодекса Российской Федерации о приоритете норм гражданского законодательства перед нормами субъектов Российской Федерации. Представляется, что это правило необходимо толковать как наделение субъектов Российской Федерации дополнительными (к установленным Федеральным законом «О противодействии коррупции») полномочиями устанавливать ограничения, обязательства и правила служебного поведения.

На современном этапе своего развития российское законодательство характеризуется повышенным вниманием к юридической связи государственных служащих с иностранными государствами [3] независимо от того, являются ли они дружественными, или недружественными Российской Федерации, или даже независимо от участия этих государств в интеграционных объединениях.

Юридическая связь физического лица с иностранным государством может проявляться, в частности, в наличии у него иностранного гражданства или domicilio (места постоянного или преимущественного проживания) на территории иностранного государства. Причина правовой ситуации множественности гражданств – в суще-

ствовании в национальных правовых порядках многих оснований для приобретения гражданства.

Распространена практика приобретения гражданства или права на постоянное проживание на территории государства в обмен на инвестиции, что означает возможность наличия такого права одновременно на территории нескольких государств. Другим примером юридической связи с иностранным государством является получение финансирования из иностранных источников. Если вопрос основания для приобретения гражданства находится исключительно в сфере публично-правового регулирования, то вопрос определения того или иного государства в качестве места постоянного проживания, напротив, определяется нормами частного права (статья 20 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Нам представляется, что развитие правового регулирования происходит на основе закона диалектики о переходе количественных изменений в качественные. По мере накопления критической массы норм происходят качественные изменения. Российское право постепенно преодолевает не только дихотомию публичного и частного права, но и отказывается от противопоставления отраслей законодательства. Формально-юридической основой данного процесса является указание во втором абзаце части 2 статьи 3 Гражданского кодекса Российской Федерации на то, что нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать Гражданскому кодексу Российской Федерации. Это, во-первых, указывает на разграничение объема понятий «право» и «законодательство», во-вторых, на несовпадение отраслевой принадлежности федеральных законов. Получается, что в рамках одного федерального закона могут сосуществовать нормы различной отраслевой принадлежности.

Нельзя согласиться с мнением о том, что по мере регламентации общественных отношений законом сфера действия частного права сокращается. Происходит сокращение свободы усмотрения субъектов правового регулирования, но нормативные правовые акты, положения которых ограничивают эту свободу, – суть источники частного права. Поэтому с расширением регламентации государством отношений в обществе, частное право также расширяет свои границы.

Современный ответ на вопрос о подчиненности отношений частному или публичному праву определяется в первую очередь правовой приро-

¹ Например, установленное субъектом Российской Федерации ограничение реализации права на получение социальной поддержки, предусматриваемого федеральным законодательством, в частности, условия о расположении приобретаемого жилого помещения на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, которое осуществлялось путем заключения с получателями жилья гражданско-правовых договоров, Верховный Суд Российской Федерации посчитал противоречащим принципу свободы договора (см.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 сентября 2012 г. № 35-АПГ12-3).

дой этих отношений и лишь во вторую – составом их участников.

Несмотря на публично-правовую в целом основу правового статуса государственных служа-

щих и публично-правовой характер ограничений, пределы свободного осуществления ими этих действий определяются именно нормами частного права.

Список литературы

1. *Василькова С. В.* Противоборство ведущих мировых государств за ресурсы и территорию Арктики // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации. – М. : УМЦ, 2023. – С. 84–92.
2. *Воронцов С. Г.* К вопросу о проблеме эффективности правового регулирования в современной России // Вестник Пермского университета. – 2012. – Вып. 3.
3. *Курбанов Р. А., Налетов К. И.* Статус иностранных агентов в России, США и Австралии: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17. – № 5. – С. 5–15.
4. *Мехтиев М. Г.* Роль международной судебной практики в правовом регулировании применения криптовалют // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 4. – С. 242–247.
5. *Налетов К. И.* Профессиональная монополия юристов в государствах романо-германской правовой системы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18. – № 5. – С. 49–59.
6. *Ручкина Г. Ф., Амелина Е. Е.* Порядок передачи ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в целях предотвращения конфликта интересов // Предпринимательское право. – 2022. – № 4. – С. 45–53.
7. *Хабриева Т. Я.* Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы // Журнал российского права. – 2012. – № 6. – С. 9.
8. *Шувалов И. И.* Правовая категория «предпринимательская деятельность»: законодательная дефиниция и реальность // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 59–65.

Нормативно-правовой и правоприменительный аспекты дефинирования понятия традиционных семейных ценностей

Д. С. Петренко

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Petrenko.DS@rea.ru

Regulatory and Law Enforcement Aspects of Defining the Concept of Traditional Family Values

D. S. Petrenko

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Petrenko.DS@rea.ru

Аннотация

В статье анализируются отдельные проблемные вопросы правового дефинирования понятия традиционных семейных ценностей, основные подходы к выявлению сущности и раскрытию содержания этого словосочетания и обозначаемого им явления в современном российском праве. На основе рассматриваемого в статье теоретического и законодательного материала, а также судебной практики делается вывод о том, что понятие традиционных семейных ценностей, изначально имевшее сугубо идеологическую, пропагандистскую, политическую коннотацию, после его включения в текст Конституции Российской Федерации прочно вошло в российский юридический дискурс. Установлено, что отсутствие закрепленной в законе дефиниции традиционных семейных ценностей, недостаточность и противоречивость попыток определений этого понятия в российском праве, с одной стороны, осложняет решение многих теоретических и прагматических задач, в том числе вносит элемент неопределенности в правоприменительную практику. С другой стороны, такая правовая неопределенность создает возможности для систематического толкования данной «каучуковой» формулировки в целях противодействия деструктивному влиянию нетрадиционных моделей социального поведения на принятые в российском обществе нормы семейной морали.

Ключевые слова: семья, ценность, традиция, консерватизм, новеллы Конституции Российской Федерации.

Abstract

The article analyzes some problematic issues of legal definition of the concept of traditional family values, the main approaches to identifying the essence and disclosure of the content of this phrase and the phenomenon designated by it in modern Russian law. Based on the theoretical and legislative material considered in the article, as well as judicial practice, it is concluded that the concept of traditional family values, which initially had a purely ideological, propagandistic, political connotation, after its inclusion in the text of the Constitution of the Russian Federation, has firmly entered the Russian legal discourse. It is established that the absence of the definition of traditional family values fixed in the law, the insufficiency and contradiction of attempts to define this concept in Russian law, on the one hand, complicates the solution of many theoretical and pragmatic tasks, including introducing an element of uncertainty into the law-applied practice. On the other hand, such legal uncertainty creates opportunities for systematic interpretation of this "rubber" formulation in order to counteract the destructive influence of non-traditional models of social behavior on the norms of family morality accepted in Russian society.

Keywords: family, value, tradition, conservatism, novels of the Constitution of the Russian Federation.

Понятие традиционных ценностей в качестве официального слогана впервые было упомянуто Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в его Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации 2013 г. В этом обращении в качестве одной из важнейших целей государственной политики определялась защита «традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа»¹. Здесь же главой государства были перечислены данные ценности, среди которых упоминались также *ценности традиционной семьи*.

Начиная с этого момента в выступлениях как президента, так и других высших должностных лиц фигуры речи: «ценности семьи – это важно», «семья – это основа основ», «важно сохранить традиционные ценности семьи», «традиционные семейные ценности стали новой идеологией России» и т. п. – приобрели регулярный характер. В официальных СМИ началось, по образному выражению известного отечественного социолога Л. Г. Ионина, «сентиментальное воспевание семейных ценностей» [3].

Упомянутое словосочетание начинает регулярно употребляться в официальной сфере. Например, в 2017 г. Президент Российской Федерации высказался в пользу традиционных семейных ценностей на заседании Совета глав СНГ², повторив этот тезис и на своей инаугурации в 2018 г., дав при этом обещание уделять внимание «поддержке традиционных семейных ценностей»³. Подобные высказывания в той или иной мере начали определять стиль многих последующих публичных выступлений первых лиц государства и официальных текстов на эту тему.

Таким образом, именно коллокация⁴ традиционных семейных ценностей была выбрана в качестве идеологемы, мировоззренческой установки, заключающей в себе один из фундамен-

тальных смыслов конструкта новой идеологии российского государства.

Интуитивный выбор властями именно «твердыни» традиционных семейных ценностей в качестве важного нарратива официальной идеологии вполне оправдан, поскольку их признание и поддержка политическим руководством позволяет, помимо прочего, рассчитывать на успешное решение широкого спектра стоящих перед государством задач демографического, экономического, идейно-духовного, оборонного, правоохранительного характера. Семейные ценности, обеспечивая социальную и культурную преемственность поколений, являясь основами общественного консенсуса, выступают фактором стабильности и устойчивого развития многонационального народа России. Опора на эти ценности в социальном, правовом и политическом пространствах позволяет обществу и государству избежать подчинения чуждым ценностным системам и сохранить национальный ценностный суверенитет.

В 2014 г. понятие традиционных семейных ценностей впервые вводится и в юридический оборот в утвержденной Правительством Российской Федерации Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года⁵ (далее – Концепция 2014 г.), в которой даже была сделана первая попытка (представляющаяся не совсем удачной) легально определить это понятие.

С 2020 г. новая словесная формулировка нашла свое отражение в законе высшей юридической силы – в Конституции Российской Федерации (речь идет о появлении прямого упоминания традиционных семейных ценностей в статье 114 Конституции в связи внесением в нее поправок в марте 2020 г.⁶), а также в норме статьи 1 новейшей редакции Федерального конституционного закона «О Правительстве Рос-

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. // Российская газета. – № 282. – 13.12.2013.

² См.: Заседание Совета глав государств СНГ в расширенном составе. 11 октября 2017 г. – URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/55818

³ См.: Российская газета. – № 97. – 07.05.2018.

⁴ Коллокация – устойчивое, часто встречающееся сочетание слов в речи, формирование которого обусловлено понятийной системой области знания, где оно используется [5].

⁵ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. №1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.09.2014. – № 35. – ст. 4811.

⁶ См.: Пункт «в», часть 1 статьи 114 Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г. (в ред. от 14 марта 2020 г.).

сийской Федерации»¹ (принятой в ноябре того же года).

Тем не менее это не внесло ясности в вопрос трактовки традиционных семейных ценностей, так как ни в одном из этих законодательных актов не уточняется, что же понимается под данными ценностями.

Справедливости ради стоит отметить, что такому умолчанию законодателя есть объяснение. В первую очередь это связано с тем, что такие акты, как Конституция и Федеральный конституционный закон, в своей сущности предназначены для закрепления наиболее общих правовых норм. В них, как правило, нет подробных и детальных правил и дефиниций.

Кроме того, изначально затруднительно точно очертить концепты или хотя бы дать дефиниции, т. е. краткие терминофиксирующие тексты [6], определения таким словам, как «традиции, традиционные», «семья, семейные», а также конкретизировать, казалось бы, вполне очевидную лексему слова «ценности». Это связано с тем, что они по-разному определяются в различных персональных и институциональных дискурсах (политическом, социологическом, религиозном, философском, пропагандистском, юридическом и др.).

Требования к слову, предлагаемому в качестве *юридического термина*, должны по возможности обеспечить такие его свойства, как однозначность, слабую зависимость от контекста, стилистическую нейтральность, определенную семантическую (смысловую) унифицированность, встроенность в общий контекст специальной юридической лексики и соответствие ее иным общепринятым канонам. Другими словами, требования к терминам, которые используются в юриспруденции, существенно жестче, чем те, которые предъявляются к ним в политической, медийной и бытовой сферах.

Эту особенность терминологии, используемой в пространстве права, емко охарактеризовал исследователь ее проблематики В. Ю. Туранин, указывая на то, что «...для юридических текстов характерна особая терминологическая плотность, а также роль контекста, которая яв-

ляется достаточно значимой в юридических дискурсных практиках» [10].

С учетом именно этой специфики юридических дискурсных практик и должно быть раскрыто правовое содержание лексической номинации традиционных семейных ценностей, что, однако, весьма сложно сделать по целому ряду причин.

Во-первых, представляется весьма затруднительной формализация таких вариативных явлений, как семья, ценности, традиции, особенно если учитывать, что смысл каждого из них изначально носит скорее философский, политический, пропагандистский, чем правовой характер.

Во-вторых, в данном терминологическом словосочетании с точки зрения юридической техники трудно выделить детерминант, который, обладая семантической силой, притягивал бы к себе другие элементы этой коллокации. Таким детерминантом здесь в одинаковой степени можно считать как слово «семейные», поскольку оно определяет круг отношений, к которому это понятие относится, так и слово «традиционные», ставящее акцент на ретроспективности, фундаментальной историчности данного явления, и, конечно же, слово «ценности», выражающее сущностную составляющую этой лексической номинации.

В-третьих (и это, наверное, ключевая сложность), сегодня по-прежнему нет ясности в определении состава традиционных семейных ценностей, что делает весьма затруднительным формулирование адекватной дефиниции рассматриваемого понятия, основанной, как это общепринято полагать, на выделении его *наиболее существенных признаков*². Уяснить эти существенные признаки в отношении традиционных семейных ценностей, не разобравшись, какие именно ценности к ним причисляются, практически невозможно.

Конечно, легальное установление дефиниции того или иного юридического понятия не является непрямым. Российское право, и в первую очередь, пожалуй, такие его отрасли, как кон-

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 09.11.2020. – № 45. – ст. 7061.

² Определения понятий дефиниции и ее признаков см., например: Гришечкина Г. Ю. Виды дефиниций терминов в научно-популярном тексте // Ученые записки ОГУ. – 2010. – № 1. – С. 120–121; Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Институт лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Русский яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1 : А–Й. – С. 394.

ституционное право и семейное право, содержат немало терминов, которые вообще никак не дефинированы в законодательстве. Например, сегодня отсутствуют какие-либо юридические определения упоминаемых в законах понятий демократического государства, правового государства, прав и свобод, семьи, брака, члена семьи, взаимной любви и уважения и т. д.

Более того, зачастую даже в тех случаях, когда нормативно-правовые формулировки у многих понятий вроде и имеются, но они не отвечают критериям ясности, однозначности, непротиворечивости, чем создают широкое поле для субъективного усмотрения правоприменителя. Однако проблемы здесь во многом устраняются благодаря тому, что на практике многие такие пробелы, а также общие, «каучуковые», термины и отдельные неудачные формулировки, содержащиеся в некоторых законах, обретают конкретику либо в подзаконных нормативных правовых актах, либо в правовых позициях компетентных судебных органов. В настоящее время во всех этих источниках каких-либо внятных правовых норм и значимых правоприменительных решений по рассматриваемому в данной публикации вопросу традиционных семейных ценностей весьма мало.

Одним из немногих исключений здесь является, например, относящееся к 2008 г. первое упоминание семейных ценностей в тексте принятой Распоряжением Правительства Российской Федерации «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»¹, которая определила в качестве одного из приоритетов государственной политики в области развития СМИ «традиционные культурные, нравственные и семейные ценности». При этом каких-либо разъяснений о сущности этих ценностей в данной Концепции нет.

В дальнейшем семейные ценности стали также объектом правового регулирования принятого в 2010 г. Закона № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», статьей 5 которого к информации,

запрещенной для распространения среди детей, отнесена, помимо прочей, информация, «отрицающая *семейные ценности*, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи»². Вместе с тем в этом законе, как и в большинстве нормативных правовых актов (далее – НПА) по данной тематике, не было раскрыто содержание семейных ценностей, что создало предпосылки к возникновению противоречивых подходов в правоприменительной практике к трактовке формулировки «информация, отрицающая семейные ценности» ввиду низкой степени ее определенности.

Так, суды в отдельных своих решениях к такой информации относили пропаганду гомосексуализма³, а также информацию о преимуществах трансгендерности и педофилии по сравнению с традиционными семейными отношениями⁴, что вполне логично, но не имеет прямых, буквальных правовых оснований, при том что эти традиционные семейные отношения, равно как и семейные ценности, нигде юридически не были четко определены.

Термин, звучащий буквально как «традиционные семейные ценности», в его самостоятельном полноценном значении впервые был юридически закреплён в уже упомянутой нами выше Концепции 2014 г.⁵

В этом же документе была предпринята первая попытка раскрытия данного термина в том смысле, что «...к традиционным семейным ценностям <...> относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (в ред. от 28 сентября 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.11.2008. – № 47. – Ст. 5489.

² Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.01.2011. – № 1. – Ст. 48.

³ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2012 г. № 87-АПГ12-2.

⁴ См.: Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 октября 2015 г. № 46-АПГ15-39.

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.09.2014. – № 35. – Ст. 4811.

заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению».

Ответственный за разработку Концепции 2014 г. тогдашний Министр труда и социальной защиты Российской Федерации М. А. Топилин, комментируя это определение традиционных семейных ценностей, отметил, что «... над этой конструкцией, над этой формулировкой достаточно долго эксперты работали, и мы попытались здесь учесть все необходимые позиции...»¹.

Складывается, однако, впечатление, что этих подлежащих учету позиций (можно предположить, что это вопросы в основном финансового, административного и иного узковедомственного характера) было так много, что итоговая формулировка породила больше вопросов, чем дала ответов.

Например, из ее текста трудно уяснить, являются ли все перечисленные в этом определении позиции совокупными признаками брака как традиционной ценности, или они относятся к ценностям только самого брака как такового, или же вообще являются отдельными традиционными ценностями наряду с браком.

Также не совсем ясно, можно ли, исходя из буквального смысла данного определения, считать традиционной семейной ценностью только брак, а иные, наиболее часто упоминаемые в экспертной среде традиционные ценности, такие как семья, позитивное родительство, приоритетное семейное воспитание ребенка, возможно, равноправие мужчин и женщин и др., в связи с умолчанием о них в Концепции 2014 г. к таковым не относятся.

Кроме того, в тексте данной Концепции неоднократно встречается немало иных, близких по смыслу к традиционным семейным ценностям формулировок, которые плохо взаимосвязаны как с самим этим понятием, так и друг с другом. Речь идет о терминах: «традиционные ценности семьи и брака», «семейно-нравственные ценно-

сти», «ценности семейной жизни», «ценности семейного образа жизни». Присутствие такого большого набора созвучных понятий в одном нормативном акте без установления разницы между ними не только создает сложности в толковании норм этого документа, но и вносит дополнительную путаницу в и без того противоречивую и разнообразную ситуацию с неустойчивым дефинитивным аппаратом в данной сфере правового регулирования.

На этом нормативно-правовые основы дефинирования понятия традиционных семейных ценностей фактически исчерпываются. Точнее сказать, буквального дефинирования, поскольку в недавнем Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ № 809) дано легальное определение родственного понятия традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которые предложено также сокращенно называть традиционными ценностями.

В пункте 4 Указа № 809 приведена следующая дефиниция: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»².

Далее в пункте 5 этого нормативного правового акта перечислены 17 ценностей, среди которых к традиционным семейным ценностям может быть отнесена разве что такая ценность, как *крепкая семья* и с определенной долей допущения еще одна ценность – *преемственность поколений*. И еще в пункте 24 упоминаются традиционные семейные ценности (в том числе защита *института брака как союза мужчины и женщины*). Но и только.

Этому имеется объяснение, ведь рассматриваемый документ посвящен духовно-нравственным, а не семейным ценностям, что далеко не одно и то же. Кроме того, разработчики ак-

¹ Стенограмма выступления министра труда и социальной защиты Российской Федерации Максима Топилина на заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 08.08.2014. – URL: <https://mintrud.gov.ru/social/family/133>

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.11.2022. – № 46. – Ст. 7977.

та составили весьма субъективный и поэтому далеко не полный перечень ценностей. Иначе как объяснить тот факт, что ими забыты многие иные важные традиционные духовно-нравственные ценности, которые также являются и традиционными семейными ценностями. Например, очевидный духовно-нравственный подтекст имеют такие семейные ценности, как любовь, супружеская верность, уважительное отношение к старшим [2], забота о родителях [8], взаимная моральная поддержка членов семьи и др. В целом можно отметить, что именно в смысле уточнения понятий и перечня традиционных семейных ценностей рассматриваемый Указ № 809 не содержит чего-то принципиально нового в сравнении с другими НПА и не позволяет прояснить наблюдаемую здесь неопределенность.

В таком случае можно пойти по другому пути – искать дефинитивные начала, на основе которых можно было бы создать конкретное определение традиционных семейных ценностей в пространстве *судебной практики*.

Так, установить перечень семейных ценностей в 2012 г. попытался Верховный Суд Российской Федерации, приравняв к ним отнесенные статьями 7 и 38 Конституции Российской Федерации объекты поддержки и защиты государства и причисленные статьей 1 Семейного кодекса Российской Федерации к основным началам семейного законодательства *семью, материнство, отцовство и детство*¹. Причем Верховный Суд Российской Федерации не обосновывал и не детализировал эту свою позицию.

Такой подход, однако, вызывает возражения, поскольку упомянутые в Семейном кодексе Российской Федерации основные начала семейного законодательства, в сравнении с семейными ценностями даже лингвистически, не говоря уже об их содержательном наполнении, суть разные понятия. В свою очередь, стоит обратить внимание на то обстоятельство, что упоминание в Конституции Российской Федерации о государственной защите и поддержке данных семейных институтов отнюдь не означает их автоматического и неопременного признания именно ценностями. Их с таким же успехом можно считать, например, приоритетами, ориентирами, целевыми установками, но необязательно ценностями в строгом

смысле этого слова, которое предполагает их понимание скорее как неких эталонов (социальных, правовых и пр.). К тому же столь прямолинейное причисление к семейным ценностям собственно семьи, материнства, отцовства, детства, без уточнения конкретных параметров этих четырех понятий, создает чрезвычайно широкие границы для трактовок.

Если, допустим, согласиться с тем, что семейной ценностью, как предлагает Верховный Суд Российской Федерации, является детство, то встает вопрос: можем ли мы при данном подходе полагать ценностью такое крайне широкое понятие, как детство в любом варианте его закрепленных в социуме архетипических образов и культурно-исторических моделей (таких, как взрослый-ребенок, мать-дитя, триадическая взаимосвязь матери, отца и ребенка, детские дети, вечный ребенок, детство как рай и т. д.), или же императивно закрепляем только один из них? В ином ракурсе мы либо соглашаемся считать детством (в смысле ценности) произвольно выбранные нами элементы его известных формаций – первобытно-архаической, патриархальной, модернистской, постмодернистской, – либо берем в качестве используемого образца полностью какую-то одну из этих исторических версий детства? В каком из форматов: «родительского авторитаризма, «суверенитета ребенка» или «презумпции личности ребенка» – предлагается использовать в юридическом дискурсе ценность детства? В какой при этом ипостаси должно трактоваться детство: как ступень (этап, фаза) возраста, как целостный возрастной процесс, как телесно-духовное состояние человека (ребенка), как бытовой факт его жизни, как присущее ребенку качество детскости (ребячества) и т. д.?²

Позиция Верховного Суда не позволяет четко ответить на эти и на многие другие вопросы.

И это неудивительно, ведь в различных только гуманитарных сферах (не говоря об отраслях медицинской науки) обобщенное понятие дет-

¹ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 августа 2012 г. № 1-АПГ12-11.

² О трактовках и видах детства см. подробно: Кудрявцев В. Т. Культурно-исторический статус детства: эскиз нового понимания // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 3. – С. 19–24; Нефедова Л. К. Феномен детства в основных формах его репрезентации: автореферат дис. ... д-ра филос. наук. 09.00.13 / Омский государственный педагогический университет. – Омск, 2005.; Лопсонова З. Б. Философско-педагогическая концепция современного детства // Вестник БГУ. – 2016. – № 1. – С. 50–59 и др.

ства открывается как сложный, разноаспектный, находящийся в постоянном саморазвитии феномен, представляющий собой не только многомерное социокультурное, но и физиологическое, и психологическое, и педагогическое явление, имеющее историческое происхождение и природу.

Отметим, что мы коснулись только понятия детства. А ведь точно с такими же, если не с большими трудностями неизбежно придется столкнуться при правовой интерпретации конституционных положений о семье, материнстве и отцовстве.

Возвращаясь непосредственно к понятию семейных ценностей, отметим, что упоминание о них встречалось также в «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» (буквально здесь использовалось словосочетание «ценности семьи»). Этот документ был введен Указом Президента Российской Федерации в 2012 г.¹, и в нем также не определялось каких-либо дефиниций данных ценностей и не давалось комментариев относительно их признаков.

Фрагментарные косвенные сведения в отношении традиционных семейных ценностей дают отдельные решения Конституционного Суда Российской Федерации.

Так, правовая позиция на этот счет была сформулирована Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 23 сентября 2014 г. № 24-П. В ней он установил, что норма части 1 статьи 38 Конституции Российской Федерации должна трактоваться в том смысле, что «семья, материнство и детство (далее по тексту Постановления упоминается также и отцовство – прим. авт.) в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства...»². Кроме того, Конституционный

Суд Российской Федерации указал, что «...именно на основе традиционных представлений об этих ценностях в контексте особенностей национального и конфессионального состава российского общества, его социокультурных и иных исторических характеристик Российская Федерация вправе решать отдельные вопросы законодательного регулирования...»³. Заметим, что здесь речь пока шла о ценностях и традиционных представлениях об этих ценностях, но не буквально о традиционных ценностях.

Эта правовая позиция впоследствии практически дословно дважды воспроизводилась в текстах других решений Конституционного Суда Российской Федерации: Постановлении от 20 июня 2018 г. № 25-П⁴ и Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3. Причем в последнем из них в контексте излагаемого материала относительно ценностей упоминаются также «сформированные социальные нормы, имманентной целью которых является сохранение и развитие человеческого рода». При этом суд заключил, что все то, что он определил в правовой позиции Постановления № 24-П от 23 сентября 2014 г., а также в упомянутом выше Заключении, относится в полной мере и к закрепленному в статье 114 Конституции Российской Федерации (после внесения в нее поправок 2020 г. – прим. авт.) полномочию Правительства Российской Федерации по обеспечению проведения политики в области поддержки, укрепления и защиты семьи и сохранения традиционных семейных ценностей⁵. Иными

ке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – № 6. – 2014.

³ Там же.

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июня 2018 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К. С. и гражданки Р. С.» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – № 5. – 2018.

⁵ См.: Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федера-

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 04.06.2012. – № 23. – Ст. 2994.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 г. № 24-П «По делу о провер-

словами, Конституционный Суд Российской Федерации распространил действие подходов, сформированных в своих прежних правовых позициях в 2014 и 2018 гг. касательно отдельных ценностей, и на традиционные семейные ценности, упоминаемые в новейшей редакции Конституции Российской Федерации.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации в упомянутых правовых позициях, с учетом их взаимосвязи, сформулировал ряд принципиальных положений:

1. Ценностями (в Заключении от 16 марта 2020 г. №1-3 – традиционными семейными ценностями) полагаются четыре социальных явления – *семья, материнство, отцовство и детство*. Нетрудно заметить, что Конституционным судом к этим ценностям отнесены только те семейные институты и практики, которые зафиксированы в тексте статьи 7 Конституции Российской Федерации (где семья, материнство, отцовство и детство упомянуты как объекты государственной поддержки), и потом также были продублированы в статье 1 Семейного кодекса Российской Федерации. То есть Конституционный Суд Российской Федерации применил здесь сугубо формальный подход о включении в круг традиционных семейных ценностей только те из них, которые уже упомянуты (хотя и не под буквальным названием «ценности») в Конституции Российской Федерации и Семейном кодексе Российской Федерации. Не совсем понятно, однако, относит ли Конституционный Суд Российской Федерации к таким ценностям также институт брака? Этот институт, трактуемый судом как союз мужчины и женщины, упоминается в его Заключении от 16 марта 2020 г., но напрямую в данном решении ценностью не назван.

Кроме этого, неожиданно возникает еще одна проблема. Связана она с тем, что в своей правовой позиции Конституционный Суд Российской Федерации относит семью к ценностям, причем ставит ее в их ряду на первое место. Действительно, сама семья и семейственность являются

первостепенными и очевидно традиционными ценностями. Но буквальное прочтение положений модернизированной в 2020 г. нормы пункта «в» части 1 статьи 114 Конституции Российской Федерации показывает, что в ее тексте фраза касательно проведения правительством политики в области «поддержки, укрепления и защиты семьи» вынесена вперед, она предшествует (через запятую) следующему за ней словосочетанию «сохранения традиционных семейных ценностей», из чего можно сделать вывод, что сам институт семьи законодатель к традиционным семейным ценностям формально не относит.

Возможны две причины возникновения такой ситуации. Первая из них состоит в объяснении этой расстыковки понятий семьи и традиционных семейных ценностей замыслом законодателя, заключающемся в его желании трактовать традиционные семейные ценности, как некие особо важные (ценные) традиционные семейные *практики*, в сохранении которых государство особо заинтересовано. При этом семья, по-видимому, не полагается такой практикой, а рассматривается законодателем как важнейший, нуждающийся в поддержке, укреплении и защите социальный институт, но все-таки не собственно традиционная семейная ценность сама по себе. Другое объяснение возникновения рассматриваемой коллизии связано с возможной технической ошибкой законодателя, который изначально полагал семью также традиционной семейной ценностью, но не совсем удачно выразил в анализируемом положении свою нормотворческую волю. Тогда, вероятно, здесь было бы уместным после слова «сохранение» поставить прилагательное «иных» («сохранения *иных* традиционных семейных ценностей»), что позволило бы установить смысловую взаимосвязь между двумя вышеупомянутыми формулировками рассматриваемой конституционной нормы.

Возможно, при написании и согласованиях проекта текста этой статьи ее вероятным скрытым противоречиям не придали значение, но теперь, когда упомянутая формулировка стала нормой Основного закона страны, возникла нестыковка между правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, относящими семью к традиционным семейным ценностям, и собственно самой Конституцией, которая по тем или иным причинам формально выводит семью за пределы круга этих ценностей.

ции о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – № 2. – 2020.

2. Перечисленные в правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации социальные институты для их признания традиционными семейными ценностями, по мнению этого суда, должны трактоваться *в их традиционном, воспринятом от предков понимании*.

3. Упомянутые в рассматриваемой правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации ценности являются, по его мнению, таковыми в силу того, что они *обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации* и даже шире – человеческого рода.

Представляется, что в двух последних положениях заключаются основные уязвимости позиции Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку «традиционное, воспринятое от предков понимание», «непрерывная смена поколений», «сохранение и развитие народа и человечества» – достаточно условные категории, которые в зависимости от контекста могут иметь разнообразные трактовки.

Весьма спорными также видятся сами критерии признания Конституционным Судом той или иной семейной институции ценностью. Такими критериями, как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, предлагается считать «обеспечение непрерывной смены поколений» (в этом случае речь действительно может идти только о материнстве, отцовстве и детстве), а также весьма аморфный, если не сказать необъятный, принцип «сохранения и развития многонационального народа (человечества)», что позволяет, напротив, включить сюда большое количество семейных практик, в том числе архаичных и модернистских.

Таким образом, в настоящий момент в нормативно-правовой базе и в правоприменительной практике более-менее единообразного понимания сущности понятия традиционных семейных ценностей нет, равно как нет в них и оптимальных подходов к адекватному дефинированию этого новейшего правового термина.

Тем не менее, очевидна объективная необходимость легальной дефиниции рассматриваемого термина и формирования некоего закреплённого в законодательстве перечня традиционных семейных ценностей в обозримом будущем, поскольку отсутствие ясности в этих вопросах способно породить немало парадоксов и абсурдов судебной и административной практики.

Кроме того, произошедшее в 2020 г. включение в Конституцию нового юридического термина, каковым являются «традиционные семейные ценности», без его четкого определения существенно снижает значение этой новеллы для сферы правового регулирования. Длительная неопределенность в данном вопросе может создать повод для критических суждений о том, что новейшая поправка, касающаяся традиционных семейных ценностей, внесена в Конституцию Российской Федерации с исключительно пропагандистскими целями и призвана быть не столько нормой прямого действия, сколько одной из многих, увы, присущих отечественным конституциям деклараций.

Вместе с тем юридическая конструкция «традиционных семейных ценностей» актуальна, а ее включение в текст российской Конституции имеет практическое значение, связанное с тем, что она является существенным правовым аргументом в противодействии «чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей»¹ в семейной сфере.

То есть с позиций защиты цивилизационно-ценностных накоплений российского общества от агрессивного, оскорбительного, навязчивого и иного деструктивного воздействия чуждых анти-семейных практик отсутствие императивно определенной в законе дефиниции «традиционных семейных ценностей» можно рассматривать не только в отрицательном, но и в положительном ключе. Ведь такая «каучуковая» конституционная формулировка позволяет посредством систематического толкования гибко использовать ее в правоприменительной практике, так как, с одной стороны, конечно, ее не вполне определенный смысл не позволяет однозначно установить круг традиционных семейных ценностей, но с другой стороны – содержание, «дух» этой нормы позволяет вполне однозначно установить, что к этим ценностям не относится и противоречит им.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.11.2022. – № 46. – Ст. 7977.

Список литературы

1. Гришечкина Г. Ю. Виды дефиниций терминов в научно-популярном тексте // Ученые записки ОГУ. – 2010. – № 1. – С. 120–127.
2. Елисеева А. А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 3. – С. 67–74.
3. Ионин Л. Г. Апдейт консерватизма. – М. : НИУ «ВШЭ», 2010.
4. Кудрявцев В. Т. Культурно-исторический статус детства: эскиз нового понимания // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 3. – С. 19–24.
5. Левенкова А. Ю. Статус терминологической коллокации в теории сочетаемости // Научный альманах. Филологические науки. – 2015. – № 7 (9). – С. 1386–1394.
6. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М. : ЛКИ, 2007.
7. Лопсонова З. Б. Философско-педагогическая концепция современного детства // Вестник БГУ. – 2016. – № 1. – С. 50–59.
8. Масленникова С. В., Матвеева М. В. Традиционные семейные ценности: конституционно-правовая интерпретация // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 12. – С. 23–29.
9. Нефедова Л. К. Феномен детства в основных формах его репрезентации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. 09.00.13 / Омский государственный педагогический университет. – Омск, 2005.
10. Туранин В. Ю. К вопросу об использовании терминов и понятий в рамках юридического дискурса // Наука. Искусство. Культура. – 2017. – № 1 (13). – С. 103–109.

Влияние религии на формирование примирительных идей в российском праве

Е. В. Дремова

кандидат юридических наук, ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Dremova.EV@rea.ru

The Influence of Religion on the Formation of Conciliatory Ideas in Russian Law

E. V. Dremova

PhD in Law, Assistant of the Department
of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: Dremova.EV@rea.ru

Аннотация

Данная статья посвящена историко-правовому осмыслению феномена примирения в русле национальной идентичности и социокультурных традиций российского общества. В статье анализируется проблематика примирительного правосудия в современной России, имеющего глубокие генетические корни прежде всего в социуме. Трудности становления жизнеспособного и эффективного примирительного правосудия в нашей стране в настоящих условиях связываются с нарушением органического единства права и культуры. Акцентируется внимание на том, что христианское вероучение, основанное на любви к ближнему, смирении и покорности, генетически заложило в русских людях стремление к примирению, а не вражде. Кроме того, особенности быта крестьянской сельской общины, которая длительное время составляла значительную часть населения нашей страны, соборность и народность повлияли на то, что многие конфликты разрешались преимущественно мирными способами, а не силовыми. К изучению религиозных оснований примирения, а также особенностей национального менталитета был применен социокультурный подход, который позволил прийти к следующему выводу. Установлению культуры диалога как основы взаимоотношений между индивидами и популяризации примирительных процедур будет способствовать возрождение религиозной морали и нравственности. Совершенное законодательство в данном случае выступает надстройкой над базисом нравственно-религиозного воспитания.

Ключевые слова: примирение, примирительное правосудие, разрешение конфликтов, правовая культура, религия, социокультурный подход.

Abstract

This article is devoted to the historical and legal understanding of the phenomenon of reconciliation in line with national identity and socio-cultural traditions of Russian society. The article analyzes the problems of conciliatory justice in modern Russia, which has deep genetic roots primarily in society. The difficulties of establishing a viable and effective conciliatory justice in our country in the present conditions are associated with the violation of the organic unity of law and culture. The author focuses on the fact that the Christian doctrine based on love for one's neighbor, humility and submission, genetically laid in the Russian people the desire for reconciliation, not enmity. In addition, the peculiarities of the life of the Peasant rural community, which for a long time made up a significant part of the population of our country, conciliarity and nationality influenced the fact that many conflicts were resolved mainly by peaceful means, and not by force. A socio-cultural approach was applied to the study of the religious grounds of reconciliation, as well as the peculiarities of the national mentality, which allowed us to come to the following conclusion. The revival of religious morality and morality will contribute to the establishment of the culture of dialogue as the basis of relationships between individuals and the popularization of conciliation procedures. Perfect legislation in this case acts as a superstructure over the basis of moral and religious education.

Keywords: reconciliation, conciliatory justice, conflict resolution, legal culture, religion, socio-cultural approach.

*« – Кто в ссоре, прошу вас, идите мириться!
Милые люди! Давайте учиться
В собственном доме бороться за мир!»*

Эти строки из стихотворения Э. А. Асадова написаны в 1964 г., но до сих пор не теряют своей актуальности и смысловой глубины. Примирение, как грамотный, цивилизованный и наиболее эффективный способ разрешения конфликтов, остается одной из чувствительных проблем и основных задач современного конфликтогенного общества.

В последние десятилетия в Российской Федерации не только на государственном уровне, но и в рамках профессионального сообщества юристов отчетливо прослеживается тенденция, направленная на стимулирование сторон правового конфликта к мирному урегулированию возникших разногласий. Несмотря на то, что в настоящих условиях для этого созданы обширная законодательная основа и современные технологии примирения, говорить о существовании в нашей стране жизнеспособного примирительного правосудия, к сожалению, пока не представляется возможным.

Полагаем, что указанная ситуация является следствием нарушения единства права и культуры. Так, В. Н. Синюков отмечает, что право поддерживается и гарантируется не столько государством, сколько правовой культурой конкретного общества, которая делает правовую систему устойчивой, эффективной и преемственно-совершенной [9. – С. 66]. В этой связи примирение необходимо рассматривать не только как правовой институт, но и как специфический феномен определенной культуры и религии как части этой культуры.

Кроме «материи» права, есть еще и его «дух», «аура», «образы», которые наравне с правоотношениями и актами применения обладают императивностью и реальностью. В. Н. Синюков пишет, что «душа права пребывает именно в явлениях надпозитивной природы, и эта душа склонна всякий раз покидать свою даже технически совершенную форму при малейшем невнимании и непонимании духовной природы права» [9. – С. 67].

В связи с этим для возрождения культуры диалога и популяризации примирительных процедур как эффективного способа урегулирова-

ния конфликтов видится целесообразным обращение к основополагающим догмам христианского вероучения, которые являлись и являются основой и ориентиром жизни значительной части населения нашей страны и через которые красной нитью проходит та самая искомая философия примирения.

Как справедливо отмечал Г. Дж. Берман, право и религия неразрывно связаны между собой, так как право придает религии социальное измерение, а религия, в свою очередь, одухотворяет право и заставляет людей ценить его. Такие идеалы правосудия, как поиск правды и справедливость, последовательно требуют от законодателей и юристов не только признания их пользы для общества, но и веры в них как в неотъемлемую часть высшего смысла жизни [4. – С. 8].

На протяжении ряда веков отечественной истории религия занимала ключевое место в жизни общества, и, являясь нравственно-нормативной системой, оказала существенное влияние на формирование и реализацию светских норм права.

Р. Райт, говоря о национальных особенностях российского менталитета, упоминает о том, что русский дух не поддается поверхностному изучению и какому-либо обобщению и отмечает тот факт, что религия является основой жизни русского человека, его «пульсом» [10. – Р. 130].

По мнению Е. П. Борзова и др. авторов, православие заложило в русских людях генетическую программу нравственного совершенства, которая заключается в стремлении привнести во все любовь. Оно является следствием того, что русскому народу исторически свойственно обостренное чувство совести, правды, справедливости, добра и зла, жертвенности во имя другого, терпения и покорности [5. – С. 148].

Н. А. Бердяев полагал, что религия воспитала в русском народе дух милосердия и сочувствия даже к преступнику и злодею, так как она не допускает резкого деления людей на плохих и хороших, не знает застывших типов злодеев или праведников: злодей может превратиться в праведника, а праведник – в злодея [2. – С. 116].

Именно в христианстве появилась идея, данная Богом как заповедь, – отношение к другому

человеку с любовью: «Возлюби ближнего своего как самого себя».

Основа христианской религии заключается в том, что вера в Бога невозможна без веры в человека, и, как следствие, нужно любить не только ближних, но и своих врагов.

В новозаветных книгах содержатся изречения, призывающие к человечности и взаимному прощению обид.

Христиане возлагают миссию отмщения за свои страдания на Бога и Божий суд. Л. Г. Горностаева отмечает, что у них (христиан) существует готовность прощать своих врагов, которая сочетается в сознании с чувством превосходства над притеснителями [6. – С. 99]. «Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья» (Римл., 12:20). Таким образом, жертва морально торжествовала над палачом.

В такой своеобразной форме любви и прощения угнетенный достигал некоего внутреннего самоутверждения, несмотря на внешние страдания.

По Н. А. Бердяеву, в подобном поведении, которое выражалось в форме всепрощения, с одной стороны, и притеснения – с другой стороны, усматривают отсутствие рациональной логики, внешнюю слабость и пассивность характера. Однако за внешней слабостью скрывается духовность и сокровенность православия как формы христианства [1. – С. 169].

Трудно не согласиться с мнением Н. А. Бердяева, что для нашей страны характерен феномен перенесения религиозных мотивов и религиозной психологии в социальную сферу так, что душевная (духовная) энергия направляется на социальность, а социальность приобретает религиозный характер [3. – С. 11].

По Н. О. Лосскому, особая духовность, религиозность и широта души как свойства характера русского народа объясняют его стремление к идее абсолютного добра. Говоря о значимости религии в жизни русского народа, можно обратиться к древнейшим летописям, которые полны упоминаний о Боге, о Его воле и служении Ему. Князья перед смертью обыкновенно постригались в иноки и в схиму. Например, князь Димитрий Святославич Юрьевский перед смертью сказал епископу, постригшему его в схиму: «Господин отец, владыка Игнатий, исполни, Господь Бог, твой труд, что приготовил меня на

долгий путь, на вечное лето, снарядил меня воином истинному царю Христу, Богу нашему» [8. – С. 10].

Великий князь Киевский Владимир Мономах в своем «Поучении» детям советует ко всем людям быть доброжелательным: «Не идите мимо человека не приветивши его, а скажите ему доброе слово». Под влиянием христианства идеалом для народа становилась не сильная и богатая, а Святая Русь.

Немецкий философ Вальтер Шубарт отмечал тот факт, что русского человека одухотворяет не жажда власти, а настроение примирения и любви, он видит в людях не врагов, а братьев, воспринимает мир не как добычу, на которую нужно бросаться, а как грубую материю, которую нужно осветить и освятить.

Важно также отметить участие России в попытках применить принципы христианства к международным отношениям, а именно участие России в Священном Союзе при Александре I и предложение императора Николая II в конце XIX в. об учреждении международного трибунала для решения споров между государствами не войной, а судом.

Для русского крестьянства, не испорченного благами цивилизации, был также характерен высокий уровень нравственности.

Многие дореволюционные историки, философы и социологи высоко ценили русскую сельскую общину, «деревенский мир», отмечая его суд, где судили по обычаю, совести и внутренней правде. Н. Н. Златовратский в повести «Крестьяне-присяжные» так характеризует простой русский народ: «Все они более легковверные художники, чем строгие мыслители, и хотя, прежде чем на что-нибудь решиться или решить какое-нибудь дело, долго носят с ним, думают, исследуют со всех сторон, но вдруг утомившись, бросают все свои долгие подготовительные изыскания и произносят решение, иногда совершенно противоположное всем добытым предварительным результатам, но зато в соответствии с их душевным настроением; они впечатлительны, в них заметна склонность решать дела «по душе», а не по хитросплетенным размышлениям. Все это накладывает на них печать добродушия» [7. – С. 6–7].

Иногда присяжные заседатели – крестьяне – выносили решение «не виновен» даже в случае доказанного преступления, потому что проявляли сочувствие, считая наказание в виде каторги

на несколько лет несправедливым для лица, у которого есть жена и малолетние дети.

Русская община основывалась на душевной близости друг к другу, осознании обязанности помогать ближнему. Община, где все решали общий сход, мир, вече, являлась истоком соборности и особой формой жизни русского народа, исходящей из коллективного мировоззрения. Приятельство, дружба и родство были нормой для народа. У древних славян бытовал обычай побратимства, когда люди объединялись в союз для совместного проживания скорбных событий. С принятием христианства на Руси данный обряд сопровождался обменом нательными крестами в знак вечной дружбы. Можно с уверенностью сказать, что братское отношение друг к другу являлось принципом во взаимоотношениях между людьми.

Рассмотрев особенности исконно русского менталитета, на который оказали существенное влияние православная религия и народность, можно сделать вывод, что примирительные идеи не чужды русскому народу. И здесь будет уместно говорить о примирении скорее в контексте религиозной или культурной традиции, которая играла значимую роль в системе регуляции социума. Обусловлено это тем, что общественные отношения в России строились преимущественно на духовных основаниях, традициях, жизни «не по телу, а по духу», приоритете общественного над личным, чувстве товарищества и взаимопомощи. Праву уделялась второстепенная роль.

Возвращаясь к современности, говорить о сформировавшейся правовой традиции примирения, пожалуй, пока преждевременно. Национально-культурная особенность «мириться» забыта, а нравственные ценности сострадания и милосердия, к сожалению, ушли на второй план.

Богатая духовная культура России есть мощнейший источник для оздоровления российского правосознания и правовой системы, однако на текущий момент она переживает своего рода «нервный срыв».

Для создания эффективной правовой системы в общем и в частности становления примирительного правосудия необходимо поддержание единства права и культуры, включая религию.

Как справедливо писал Г. Дж. Берман, если судить о праве с точки зрения его словарного определения, видя в нем исключительно структуру или совокупность норм и правил, исходящих от государства, и аналогично рассуждать о религии как о системе верований и ритуалов, связанных со сверхъестественным, то религия и право действительно кажутся не связанными друг с другом [4. – С. 15].

Однако на самом деле все обстоит иначе. Право – это не просто свод правил, а это в том числе люди, издающие законы, выносящие судебные решения, отправляющие правосудие, ведущие переговоры. То есть это живой процесс распределения прав и обязанностей и разрешения конфликтов с целью достижения сотрудничества. В свою очередь, как религия включает в себя не только доктрины и обряды, так и люди проявляют коллективный интерес к высшему смыслу и цели жизни; это общее для них свойство в отношении трансцендентных ценностей и приверженности им.

Право помогает функционировать обществу системно и упорядоченно, сохраняет внутреннее единство, в котором социум нуждается; право борется с анархией.

Религия, в свою очередь, помогает обществу обрести веру, чтобы смотреть в будущее; религия борется с упадком. Это два взаимодополняющих измерения, которые нуждаются друг в друге.

Право дает религии социальное измерение, а религия одухотворяет право, внушая уважение к нему. В отсутствии единства право превращается в банальное законничество. Таким образом, уточним, что «сердцевиной» правосознания личности и залогом ее правомерного поведения является прежде всего нравственное и духовное воспитание.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Душа России : сборник статей. – М. : Центрполиграф, 2016.
2. Бердяев Н. А. О назначении человека. – 1931.
3. Бердяев Н. А. Русская религиозная психология и коммунистический атеизм. – Paris : YMCA press, 1931.

4. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии / пер. с англ. М. Тименчикова, Д. Шабельникова. – М. : Московская школа политических исследований, 2008.
5. Борзова Е. П., Лебедев С. П., Исаченко Е. С. Русский характер, православный культурный код и менталитет русского народа / Вестник русской христианской гуманитарной академии. – № 4. – СПб., 2021. – С.145–162.
6. Горностаева Л. Г. Мировые религии: морально-правовой дискурс : монография. – М. : РАП, 2013.
7. Златовратский Н. Н. Крестьяне-присяжные. – СПб. : Типография В. Демакова, 1875.
8. Лосский Н. О. Характер русского народа. – Франкфурт-на-Майне : Посев, 1957.
9. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – 2-е изд., доп. – М. : Норма, 2010.
10. Wright R. L. The Russians: an interpretation. – New York : Frederick A. Stokes comp., 1917.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-2-132-139>

Поддержка Швейцарией антироссийских санкций: конец швейцарского нейтралитета или его эволюция?

Д. Д. Быканов

кандидат юридических наук, адвокат,
доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Адрес: ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
125167, Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2.
E-mail: bykanov@pgblaw.ru

Switzerland's Support for Anti-Russian Sanctions: the End of Swiss Neutrality or Its Evolution?

D. D. Bykanov

PhD in Law, Attorney at Law,
Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity
of the Financial University.
Address: Financial University under the Government of the Russian Federation,
49/2 Leningradsky Avenue, Moscow, 125167, Russian Federation.
E-mail: bykanov@pgblaw.ru

Аннотация

В 2022 г. Швейцария (официальное название – Швейцарская Конфедерация) присоединилась к односторонним антироссийским ограничительным мерам Европейского союза. Ранее, в 2014 г., Швейцария воздержалась от введения санкций против Российской Федерации, несмотря на настойчивые призывы политиков из стран, входящих в Европейский союз, присоединиться к таким ограничениям. В статье рассмотрены ответы на вопросы, свидетельствует ли этот факт об отказе от швейцарского нейтралитета или это всего лишь проявление гибкости государственно-правового и международного статуса Швейцарской Конфедерации, скажется ли это на правовом положении страны, ее репутации в мире, экономике, финансах и были ли ранее подобные случаи в ее истории, насколько поддержку ограничительных мер против другого государства можно вообще назвать экстраординарным случаем с точки зрения швейцарской практики, какие цели преследует Швейцария, присоединяясь к антироссийским санкциям, нашло ли такое решение поддержку в швейцарском обществе и соответствует ли это решение конституции Швейцарии и принятым на себя международно-правовым обязательствам. В статье также делается вывод о возможных последствиях изменения правовой позиции Швейцарии.

Ключевые слова: санкции, ограничительные меры, Швейцария, Россия, нейтралитет, Европейский союз, конституция Швейцарии, международные обязательства, референдум, «Кредит Суисс», ЮБС, банковская тайна, ФАТКА, «Ферайн Про Швайц».

Abstract

In 2022, Switzerland (the official name is the Swiss Confederation) joined the one-party anti-Russian restrictive measures of the European Union. Earlier, in 2014, Switzerland refrained from imposing sanctions against the Russian Federation, despite persistent calls from politicians from countries belonging to the European Union to join such restrictions. The article considers the answers to the questions whether this fact indicates the rejection of Swiss neutrality or is it just a manifestation of the flexibility of the state-legal and international status of the Swiss Confederation, whether it will affect the legal status of the country, its reputation in the world, economy, finance and whether there have been similar cases in its history before, how much support of restrictive measures against another state can generally be called an extraordinary case from the point of view of Swiss practice, what goals Switzerland pursues by joining anti-Russian sanctions, has such a decision found support in Swiss society and does this decision comply with the Swiss Constitution and the international legal obligations

assumed? The article also concludes about the possible consequences of changing the legal position of Switzerland.

Keywords: sanctions, restrictive measures, Switzerland, Russia, neutrality, European Union, Swiss constitution, international obligations, referendum, Credit Suisse, UBS, bank secrecy, FATCA, Verein Pro Schweiz.

Руководители швейцарских банков беспокоятся, что из-за поддержки Швейцарией антироссийских санкций китайские клиенты задумались о безопасности хранения своих средств в Швейцарии. Об этом сообщила газета «Файнэншл Таймс» со ссылкой на свои источники в банковских кругах¹.

Один из членов совета директоров швейцарского банка отметил, что китайские клиенты были шокированы отказом Швейцарии от нейтрального статуса, и добавил, что сотни потенциальных вкладчиков уже отказались от открытия счетов на фоне решения Швейцарии о заморозке российских активов. Представители некоторых банков заявили, что уже сейчас всерьез озабочены тем, как успокоить своих клиентов. Один из руководителей банка заявил изданию, что швейцарская сторона поспешила с заморозкой активов российских клиентов.

«Файнэншл Таймс» напоминает, что Швейцария является лидером оффшорного капитала и на нее приходится 25% его мирового объема. В швейцарских банках было заморожено 8 млрд долларов средств россиян, находящихся под санкциями. Со ссылкой на государственный секретариат Швейцарии по экономическим вопросам «Файнэншл Таймс» сообщает, что всего в этой стране хранится около 49 млрд долларов 7 500 богатых россиян.

Швейцарский нейтралитет

Как отмечает В. В. Сажина, с позиции международного права государственный нейтралитет означает непредоставление своих вооруженных сил и территории воюющим сторонам, а также недискриминирование воюющих сторон в вопросах поставки товаров военного назначения [5. – С. 278]. Термин «государственный нейтралитет» можно определить также как «правовое положение государства, при котором оно не участвует в войне и не оказывает непосредственной помощи воюющим» (такое определение приводит

проф. С. А. Егоров). При этом сказанное не означает отказ государства от применения силы, поскольку нейтральная страна вправе отражать покушения на ее территориальную целостность и нейтралитет при помощи своих вооруженных сил.

Не ставя под сомнение сказанное, отметим, что категория нейтралитета является комплексным правовым институтом, включающим, помимо международно-правового аспекта, также и конституционно-правовое понимание. Швейцария представляет собой в глазах многих юристов хрестоматийный пример нейтральной страны с обеих изложенных позиций.

Долгое время это государство бережно относилось к своему особому статусу. Интересно, что не так давно, в 2002 г., Швейцарская Конфедерация² (нем. Schweizerische Eidgenossenschaft) провела очередной всенародный референдум по вопросу о вступлении страны в ООН только из опасений, что это может навредить ее нейтральному статусу. А как же иначе, ведь «глас народа – глас божий»³. За вхождение в организацию проголосовали 54,6% населения (Федеральное решение по народной инициативе «За вступление Швейцарии в Организацию Объединенных Наций (ООН)». № 485. Обзор⁴). Это был не первый референдум. Ранее аналогичный вопрос поднимался в 1986 г., когда 75,7% швейцарцев высказались отрицательно относительно вступления страны в ООН⁵. До этого государство успело стать членом Совета Европы, ОБСЕ, МВФ, ЕБРР.

Швейцарский нейтралитет прошел много испытаний, однако приверженность так называемому «вооруженному нейтралитету» оставалась долгое время неизменной. Одним из результатов

² Как известно, несмотря на свое официальное наименование, Швейцария представляет собой федеративную республику начиная со времени принятия федеральной конституции 1848 г. До этого Швейцария была конфедеративным государством.

³ Vox populi vox Dei (лат.).

⁴ Bundesbeschluss über die Volksinitiative 'für den Beitritt der Schweiz zur Organisation der Vereinten Nationen (UNO)': Vorlage Nr. 485 Übersicht.

⁵ Bundesbeschluss über den Beitritt der Schweiz zur Organisation der Vereinten Nationen: Vorlage Nr. 338 Übersicht.

¹ Swiss banks say rich Chinese clients worried about sanction prospects. – URL: <https://menafn.com/1105778168/Swiss-Banks-Say-Rich-Chinese-Clients-Worried-About-Sanction-Prospects>

такой последовательно твердой позиции стало то, что Швейцария не вела внешних войн начиная с Венского конгресса 1815 г., подтвердившего ее независимость и нейтральный статус.

Нейтралитет как конституционно-правовая категория появляется значительно позднее своего международно-правового аналога. Если международно-правовое понимание швейцарского нейтралитета стало складываться чуть ли не в эпоху позднего средневековья, то нейтралитет как государственно-правовой институт был закреплён в конституции Швейцарии только в 1848 г., что наряду с принципиальной позицией страны чудесным образом помогло избежать ей участия в двух мировых войнах XX в.

В период обеих войн швейцарское общество было идеологически разделено на сочувствующее Германии немецкоязычное население и профранцузскую франкофонную часть. Нейтралитет тогда стал средством борьбы с центробежными тенденциями и способом сохранения единства государства. При этом страна, периодически интернируя иностранных военных, сохраняла торговые отношения с обеими конфликтующими сторонами, что, конечно, не могло не сказаться благоприятно на развитии ее экономики.

По окончании Первой мировой войны в Швейцарии возобладала концепция активного, или дифференцированного, нейтралитета¹ М. Хубера и государство присоединилось к Лиге Наций лишь после того, как в Лондонской декларации от 13 февраля 1920 г. эта организация официально признала уникальность нейтрального положения Швейцарии и его несовместимость с коллективными действиями. Однако членство в Лиге Наций налагало обязательство присоединения к экономическим ограничительным мерам [11. – С. 452]. Вместе с тем неэффективность Лиги Наций побудила Швейцарию покинуть эту организацию в 1938 г.

Во время второй мировой войны А. Гитлер, несмотря на вынашивание планов вторжения в Швейцарию («операция Ель») (*Operationsentwurf gegen die Schweiz (Unternehmen "Tannenbaum")*), 26. Aug. / 4. Okt. 1940 // Bundesarchiv. – BArch RH 19-III/724²), не решился покуситься на швейцар-

ский суверенитет. Да и зачем это делать, когда в Швейцарии живут свои люди, большинство из которых говорит на немецком языке, а некоторые предприятия вообще продолжали в то время поддерживать экономические взаимоотношения с нацистской Германией и даже снабжали ее различными видами товаров двойного назначения (например, отдельными деталями систем наведения торпед и др.). Кроме того, нейтральный статус Швейцарии был удобен, а страна, будучи окружена государствами военно-политического блока – стран «оси» (нем. *Achsenmächte*), не представляла военной угрозы.

Вместе с тем во времена холодной войны вопрос швейцарского нейтралитета стал уходить на второй план, страна все-таки недвусмысленно ориентировалась на западноевропейские страны и США, что продолжилась и после распада советского блока. Это стало удобным, да и зачем вникать и пытаться осмыслить причины внешнеполитических решений своих восточных соседей, это и сложно, а самое главное, что если «большой брат» из-за океана говорит, что, мол, не правы они, то надо верить, ведь «американские джентльмены» умеют выглядеть убедительно, особенно когда их аргументы подкрепляются кулисным давлением, о чем швейцарские парламентарии откровенно говорят, ссылаясь на то, что страна снова окружена странами военно-политической организации, на этот раз государствами блока НАТО.

Поддержка Швейцарией антироссийских санкций

Как известно, принуждение представляет собой неотъемлемую часть любой отрасли, поскольку оно служит средством обеспечения реализации правовой нормы. В то же время вопросы о наличии принуждения в международном публичном праве и даже о его допустимости продолжительное время считали дискуссионными, несмотря на научную несостоятельность такого подхода. А. Н. Талалаев пишет, что, ставя под сомнение наличие международно-правового принуждения, мы *de facto* ставим под вопрос само существование международного права [7. – С. 131].

Принуждение в современном международном праве допустимо либо в качестве меры в ответ на международно-противоправное деяние (в виде санкций или контрмер), либо при реализации права на самооборону согласно статье 51 Устава

¹ Differenzierte Neutralität (нем.).

² План операции против Швейцарии (компания «Танненбаум»), 26 августа / 4 октября 1940 г. // Федеральный архив. – BArch RH 19-III/724.

ООН¹. Все иные случаи его применения нелегитимны и произвольны.

Ключевую роль в обеспечении стабильного функционирования системы международных отношений играют именно меры, применяемые Советом Безопасности ООН, согласно главе VII Устава ООН, в случае возникновения угрозы миру, нарушений мира или акта агрессии, т. е. санкции в тесном смысле этого слова. Их основная задача – обеспечить поддержание глобального мира и стабильности. В этой связи санкции носят обязательный характер для всех субъектов международного права. Хотя данный термин не используется в Уставе ООН, как и в иных источниках международного права. Под санкциями понимаются именно принудительные меры (глава VII Устава ООН).

Важнейшим механизмом политических противовесов выступает необходимость согласования решения о применении принудительных мер постоянными членами Совета Безопасности ООН, многие из которых имеют совершенно разноразличные взгляды относительно основных современных международных проблем. С одной стороны, это может приводить к значительным трудностям и потере времени при принятии решений о применении тех или иных санкций, но с другой стороны, согласование таких полярных интересов гарантирует, что такие санкции будут иметь сбалансированный характер и базироваться на установленных фактах нарушения международно-правовых норм, во многом свободных от политической подоплеки, а поэтому реально направлены на поддержание мира и безопасности.

Необходимость согласования решений о применении санкций, однако, не устраивает ряд членов Совета Безопасности ООН, в частности, США и их союзников. К. В. Крицкий отмечает, что, фактически контролируя современную глобальную финансово-экономическую систему, Вашингтон не способен справиться с искушением использовать такое влияние и регулярно старается применять меры рестрикционного воздействия в отношении «неудобных» государств. В этих целях Соединенные Штаты Америки и их сателлиты пытаются представить свои односторонние ограничительные меры (*restrictive measures*) в каче-

стве правомерного метода воздействия на политику других государств [2. – С. 4].

Односторонние меры одного государства против другого государства, хотя прямо и не запрещены Уставом ООН, но можно вполне уверенно утверждать, что они не согласуются с основополагающими принципами международного права, и прежде всего с принципом недопустимости вмешательства во внутренние дела государств (пункт 7 статьи 2 Устава ООН) и принципом суверенного равенства государств (пункт 1 статьи 2 Устава ООН). Более того, одностороннее применение ограничительных мер размывает монопольные полномочия Совета Безопасности ООН по использованию мер принуждения согласно главе VII Устава ООН [2. – С. 11].

Как справедливо отмечается некоторыми исследователями [10. – С. 132–136], не могут быть оправданием введения односторонних ограничительных мер и положения статьи XXI Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ, 1947 г.), согласно которому «ничто в Соглашении не должно быть истолковано как препятствующее любой Стороне предпринимать такие действия, которые она считает необходимыми для защиты существенных интересов своей безопасности, если они принимаются в военное время или в других чрезвычайных обстоятельствах в международных отношениях». Несмотря на расплывчатость формулировки о «чрезвычайных обстоятельствах в международных отношениях» (*emergency in international relations*), она, очевидно, не может быть истолкована как допускающая принятие действий «в противоречии с обязательствами по Уставу ООН для сохранения мира во всем мире и международной безопасности», что следует из пункта «с» статьи XXI ГАТТ 1947 г.

Следует согласиться с мнением Н. К. Семенов и др. авторов, что односторонние ограничительные меры являются политическими, а не международно-правовыми по своему характеру. Санкции же представляют собой форму ответственности, регламентированной международно-правовыми нормами, притом применяемой в особом процедурном порядке [6. – С. 1–6]. Потому юридически, безусловно, ошибочно отождествление односторонних ограничительных мер (санкций) и механизма международной ответственности в том числе на терминологическом уровне [2. – С. 10].

В то же время в юридической литературе имеются и иные точки зрения [12; 1. – С. 29; 3. –

¹ Устав ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>

С. 103], обоснование которых уязвимо для критики. В деле присоединения к инициированным американцами и их союзниками в Европейском союзе антироссийским санкциям ни о каком референдуме в Федеральном совете Швейцарии на этот раз не задумались. И действительно, зачем это делать, ведь швейцарские органы власти уже прислушались к «гласу народа», правда, не своего, а американского, да и не народа, а руководства Соединенных Штатов Америки. В техническом смысле, конечно, присоединение произошло не к американским, а к европейским ограничительным мерам, но вполне понятно, что такая политика была согласованной.

Любопытно, что Швейцария, в общем, занимает достаточно осторожную и прагматичную позицию относительно европейской интеграции. В 1992 г. на референдуме о присоединении к ЕЭС 50,3% швейцарцев высказались против (Федеральное решение о Европейском экономическом пространстве (ЕЭЗ): № 388. Обзор¹). Отказавшись от членства в Европейском союзе, Швейцария заняла весьма выгодное для себя положение, приобретя доступ к европейскому рынку, при этом сохранив свободу политического маневра и автономность своей правовой системы, так как она не подчиняется общему регулированию ЕС, принимая участие лишь в отдельных интеграционных соглашениях. Многие аналитики тогда полагали, что подход «расчетливых швейцарцев» может позволить выторговать наиболее выгодные условия присоединения к ЕС [9. – С. 75], что в дальнейшем и произошло, политика «интеграции без членства» оказалась выгодной [4. – С. 14].

Тем не менее такая взвешенная и осторожная позиция не помешала Швейцарии 28 февраля 2022 г. очень быстро присоединиться к антироссийским санкциям Европейского союза, заблокировав средства многих состоятельных российских вкладчиков. В дальнейшем санкции ЕС неоднократно расширялись и страна присоединялась к новым ограничительным мерам (Russland: Schweiz weitet Sanktionsliste aus, 21. Dezember 2022 // Der Bundesrat²).

Таким образом, Швейцария поддержала большинство ограничительных товарных и финансовых мер ЕС в отношении России с некоторыми исключениями (Questions and Answers zur Umsetzung der Sanktionen gegenüber Russland durch die Schweiz, 26. September 2022 // Staatssekretariat STS³).

Интересно то, что члены Федерального совета, отвечая на вопрос о том, отказался ли Федеральный совет от нейтралитета Швейцарии, своим решением от 28 февраля 2022 г. категорически отрицали отказ от нейтралитета, утверждая, что «нейтралитет Швейцарии не изменится с принятием санкций» ЕС⁴. Швейцария продолжает полностью соблюдать нейтралитет в узком смысле, т. е. закон о нейтралитете. В военном отношении она не поддерживает ни одну из воюющих сторон и что «Федеральный совет пришел к выводу, что доверие к швейцарскому нейтралитету не пострадает». Прозвучали и более радикальные утверждения, что «можно и нужно рассмотреть более тесные формы сотрудничества с НАТО и их совместимость с нейтралитетом» (Fragen und Antworten zur Neutralität der Schweiz, 9. September 2022 // Eidgenössisches Departement für auswärtige Angelegenheiten EDA⁵). Последнее, в общем, не удивительно, учитывая, что Швейцария с 1996 г. участвует в известной программе НАТО «Партнерство ради мира», в которой принимали участие и другие страны, не входящие в блок, такие как, например, Украина. Конечно, это не первый случай присоединения Швейцарии к односторонним ограничительным мерам, принимаемым Европейским союзом. С 1990-х гг. к подавляющему числу санкционных пакетов ЕС Швейцария присоединилась полностью или частично. Так, например, Швейцария поддержала ограничительные меры Европейского союза. С 1998 г., когда они были введены против Югославии из-за конфликта в Косово, без санкции Совета Безопасности ООН.

³ Вопросы и ответы об осуществлении Швейцарией санкций в отношении России // Государственный секретариат STS. – 26 сентября 2022.

⁴ Швейцария действительно в свое время заняла двоякую позицию, не присоединившись к антироссийским санкциям Европейского союза, введенным после присоединения Крыма к России в 2014 г., но доказывая при этом на словах и на деле, что строго следит за недопущением обхода таких ограничительных мер ЕС.

⁵ Вопросы и ответы о нейтралитете Швейцарии // Федеральный департамент иностранных дел EDA. – 09.09.2022.

¹ Bundesbeschluss über den Europäischen Wirtschaftsraum (EWR): Vorlage Nr. 388 Übersicht.

² Россия: Швейцария расширяет санкционный список // Федеральный совет. – 21.12.2022.

Вместе с тем поддержка односторонних ограничительных мер на уровне правительства не означает, что такое решение единодушно поддерживается всеми политическими силами в обществе.

Так, представители созданной в октябре 2022 г. ассоциации «Ферайн Про Швайц» (Verein Pro Schweiz), поддержанной некоторыми членами правой национал-консервативной Швейцарской народной партии (Schweizerische Volkspartei, SVP) выступили с инициативой сбора подписей в поддержку поправок о нейтралитете. Инициатива подразумевает включение в федеральную конституцию статьи 54а «О швейцарском нейтралитете», которая запретит присоединяться к санкциям и военным союзам. Предлагается установить правило о неприсоединении к ограничительным мерам, кроме ограничений, принимаемых в рамках ООН. По сведениям швейцарской газеты Blick инициаторы должны были собрать 100 000 подписей граждан Швейцарии к маю 2024 г. (Neutralitäts-Initiative startet ohne Blocher, 9. November 2022 // Blick.ch.¹).

В распространенном пресс-релизе партии SVP заявляется, что она единодушно отвергает право Федерального совета вводить санкции против отдельных граждан, компаний или существенно расширять режим санкций. С точки зрения этой партии, Федеральный совет может уничтожить один из главных активов и одну из гарантий безопасности страны – доверие к швейцарскому нейтралитету.

Примером «эрозии» такого актива является недавний факт отклонения Россией добрых услуг Швейцарии со ссылкой на то, что Швейцария больше не является нейтральной (Die Schweiz muss neutral bleiben – die SVP sagt klar Nein zur Ausweitung der Sanktionen // Medienmitteilung, 2. September 2022 // SVP²). Речь идет об отказе России от посреднических услуг Швейцарии, информация о котором размещена на сайте Министерства иностранных дел России: «Со своей стороны отметим, что Швейцария, присоединившаяся к незаконным односторонним антироссийским санкциям Запада против России, в нашем понимании, больше не является нейтральным госу-

дарством и не может претендовать ни на какую посредническую роль в контексте урегулирования украинского кризиса, включая предоставление своей площадки»³.

Ранее участники этой же партии участвовали в инициировании референдума о запрете строительства в стране минаретов, в результате которого 57,5% избирателей поддержали запрет (Volksinitiative vom 08.07.2008 'Gegen den Bau von Minaretten': Volksabstimmung vom 29.11.2009⁴). Референдум состоялся в 2009 г. несмотря на негативное отношение официальных швейцарских органов власти, федерального совета и федерального собрания, к инициативе, нарушающей, по их мнению, основы демократии.

В настоящее время конституция Швейцарии предусматривает, что федеральный совет и федеральное собрание должны принимать меры для защиты нейтралитета Швейцарии. Полномочия нейтрального государства регулируются законом о нейтралитете, принятым в соответствии с Гаагской конвенцией о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны от 18 октября 1907 г. Официальная позиция федерального совета заключается в том, что он не считает целесообразным более широкое закрепление содержания нейтралитета в конституции, как и в законе, поскольку это ограничило бы свободу действий Швейцарии в области безопасности и внешней политики (Neutralitäts-Initiative startet ohne Blocher, 9. November 2022 // Blick.ch.⁵), хотя, как отмечается, легальная формулировка нейтралитета в конституции Швейцарии недостаточна [4. – С. 279].

С мнением В. Т. Кудрявцева (см. выше) вполне можно согласиться, учитывая отсутствие упоминания этого термина в преамбуле современной конституции этой страны и лапидарность сентенции о том, что федеральное собрание и федеральный совет принимают «меры для сохранения... нейтралитета Швейцарии» (статьи 173 и 185) (Bundesverfassung der Schweizerischen

¹ Инициатива о нейтралитете стартует без Блохера // Blick.ch. – 09.11.2022.

² Швейцария должна оставаться нейтральной – вице-президент четко заявляет «нет» расширению санкций. Сообщение для СМИ. 02.09.2022.

³ Ответ официального представителя МИД России М. В. Захаровой на вопрос МИА «Россия Сегодня» о высказываниях главы МИД Швейцарии И. Кассиса относительно «переговоров по Украине» в Женеве // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 25.02.2023).

⁴ Народная инициатива от 08.07.2008 «Против строительства минаретов»: всенародное голосование от 29.11.2009.

⁵ Инициатива о нейтралитете стартует без Блохера // Blick.ch. – 09.11.2022.

Eidgenossenschaft vom 18. April 1999 // Der Bundesrat¹).

Отказ от нейтралитета?

Как уже отмечалось выше, понятие нейтралитета имеет несколько измерений: первый связан с международными юридическими обязательствами страны (воздержание от участия в военных действиях против какого-либо государства), второй – с добровольно взятыми на себя ограничениями государственно-правового свойства (отсутствие политической ангажированности, позволяющее выполнять, например, посреднические функции).

Нетрудно заметить, что вторая составляющая нейтралитета получила в современной швейцарской политике необычайную гибкость настолько, что этот аспект во многих отношениях девальвирован. В исторической ретроспективе подобные политические колебания уже имели место относительно санкций, к которым Швейцария то присоединялась, то дистанцировалась от них.

Третьим аспектом нейтралитета можно считать его экономическое измерение, в частности, применительно к швейцарской действительности предмет ее гордости – банковский нейтралитет. В этой области можно начинать отчет конца нейтрального статуса Швейцарии с момента, когда США вынудили руководство Швейцарии и ее банки предоставлять информацию о счетах американцев. Тогда, 14 февраля 2013 г., США и Швейцария подписали в г. Берне ФАТКА-соглашение (FATCA-Abkommen)², согласно которому швейцарские банки стали обязаны предоставлять американским властям сведения о владельцах счетов из США в налоговых целях.

По условиям этого договора, банки передают властям США сведения обо всех счетах, открытых американцами, если сумма остатков по ним превышает 50 000 долларов (статья 7 вышеуказанного соглашения). До этого в августе 2009 г. стороны

уже достигали соглашения о раскрытии 5 000 секретных счетов, держатели которых были заподозрены в уклонении от уплаты налогов [4. – С. 4].

С одной стороны, можно возразить, мол, причем здесь нейтралитет, если США заручились согласием более чем 100 стран о предоставлении таких данных. Однако подавляющее большинство стран не позиционировали себя как нейтральные и не делали на этом капитал. Для Швейцарии же это был серьезный и болезненный удар не только для ее банковского сектора, который нарушил банковскую тайну. В некотором смысле это был и вызов швейцарскому нейтралитету в целом, при том, что ранее швейцарцы успешно противостояли давлению Европейского союза, который пытался навязать стране свои правила в банковской сфере [9. – С. 81]. Как правильно отмечается в юридической литературе, нейтралитет подвержен давлению со стороны различных государств, а также международных организаций [8. – С. 1343] (в частности, Европейского союза), испытывая давление с целью его ликвидации в рамках глобализации и развития иных форм международной кооперации. В условиях подобного нажима важно проявлять политическую гибкость, что прагматичные швейцарцы нередко и делали. Однако во всем важно придерживаться меры и, если гибкость переходит в категорию податливости, государство рискует отойти от принципа защиты своих интересов и интересов своих граждан. Переход такой красной черты может проявиться так, что страна окажется на страже уже не своих, а чужих интересов. Мы видим, что в результате перехода подобной невидимой границы можно не только потерять собственный нейтралитет. В этом случае уже недалеко до потери своего суверенитета.

Сегодня мы наблюдаем некоторые негативные последствия отказа Швейцарии от своего государственного и банковского нейтралитета. Так, вначале стоимость страхования от дефолта «Кредит Суисс АГ» (Credit Suisse Group AG, второй крупнейший швейцарский финансовый конгломерат после «ЮБС АГ» – UBS Group AG) достигла рекордного уровня³, а позднее швейцарский регулятор и вовсе обязал «ЮБС АГ» приобрести «Кредит Суисс АГ» ради спасения последнего, несмотр-

¹ Федеральная конституция Швейцарской Конфедерации // Федеральный совет. – 18 апреля 1999.

² FATCA – закон США «О налоговой отчетности по иностранным счетам» (Foreign Account Tax Compliance Act), принятый в 2010 г. и направленный против уклонения от уплаты налогов американских граждан, проживающих как в США, так и за границей. Он обязывает иностранные финансовые организации отчитываться перед налоговой службой США (Internal Revenue Service) о движении средств американских налогоплательщиков (см.: Foreign Account Tax Compliance Act (FATCA). – URL: <https://www.irs.gov/businesses/corporations/foreign-account-tax-compliance-act-fatca>).

³ Стоимость страхования от дефолта Credit Suisse достигла рекордно высокого уровня по мере распространения опасений заражения // Финболд. – 13.03.2023; Стоимость страхования от дефолта Credit Suisse достигла рекордно высокого уровня // Гардиан. – 03.10.2022.

ря на возражение обеих кредитно-финансовых групп, а тем более держателей облигаций приобретаемой организации, которым отказали в возврате их инвестиций (Что ждет Credit Suisse после слияния с UBS // Ведомости. – 21.03.2023).

Вполне возможно, что в ближайшее время мы станем свидетелями того, что уйдет в прошлое эпоха, когда в швейцарцы видели в поддержании своего нейтралитета сохранение своей уникальности и идентичности. Страна, начинавшая свой путь с поставки наемников для средневековых европейских войн, благодаря установлению политики нейтралитета смогла превратиться из бед-

нейшей страны Европы, какой она была еще в первой половине XIX в., в одно из самых богатых государств мира, но теперь благодаря своей политической ангажированности она рискует проделать обратный путь.

Третий аспект нейтралитета Швейцарской Конфедерации связан с экономикой, и если ранее политический нейтралитет позволял позиционировать государство как «тихую гавань» для банковских вкладов, то сейчас картина начинает меняться и банковский нейтралитет оказывается отвергнутым.

Список литературы

1. Василенко В. А. Международно-правовые санкции. – Киев, 1982.
2. Крицкий К. В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019.
3. Курдюков Г. И., Кешнер М. В. Соотношение ответственности и санкций в международном праве: доктринальные подходы // Журнал российского права. – 2014. – № 9. – С. 103–115.
4. Оглоблина Е. В. Швейцария и Европейский союз: тенденции и перспективы торгово-экономического и валютного взаимодействия : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2009.
5. Сажина В. В. Нейтралитет в зарубежном конституционном праве // Государство и право в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета. 26–27 ноября 2020 г. – Минск, 2021. – С. 278–281.
6. Семенова Н. К, Марченкова Е. А., Грачева И. В. Санкции, односторонние ограничительные меры и рестрикции в международном праве // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 8. – С. 1–6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sanktsii-odnostoronnie-ogranichitelnye-mery-i-restriksii-v-mezhdunarodnom-prave/viewer>
7. Талалаев А. Н. Юридическая природа международного договора. – М., 1963.
8. Умеренко Ю. А. Нейтралитет в международном праве: историческое становление и пути развития // Право и политика. – 2012. – № 8. – С. 1343–1356.
9. Юданов Ю. И. Швейцария и Евросоюз: трудные поиски партнерства // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 2. – С. 75–78.
10. Burke J. A. Economic Sanctions Against Russian Federation are Illegal under Public International Law // Russian Law Journal. – 2015. – Vol. 3. – Issue 3. – P. 126–141.
11. Schindler D. Die schweizerische Neutralität und die Sanktionen // Neue Schweizer Rundschau. – 1935. – Dezember. – S. 449–459.
12. Trocan L. M. Sanctions in Public International Law // Days of Law: The Conference Proceedings. – Brno, 2009 // Masaryk University. – URL: https://www.law.muni.cz/sborniky/dny_prava_2009/files/prispevky/mezin_soud/Trocan_Laura_Magdalena.pdf

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-2-140-146>

Свобода договора в сфере международных поставок нефти и газа в условиях санкций, энергоперехода и цифровой трансформации

М. В. Кауракова

кандидат юридических наук,

доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности

Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Адрес: ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
125167, Москва, ул. Ленинградский проспект, д. 49/2.E-mail: maria@kayrakova.com

Freedom of Contract in International Oil and Gas Supplies in Terms of Sanctions, Energy Transition and Digital Transformation

M. V. Kaurakova

PhD in Law,

Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity
of the Financial University under the Government of the Russian Federation.Address: Financial University under the Government of the Russian Federation,
49/2 Leningradsky Avenue, Moscow, 125167, Russian Federation.E-mail: maria@kayrakova.com

Аннотация

Трагедия, унесшая огромное количество человеческих жизней в Турции и Сирии, не может остаться незамеченной. Она показывает, насколько уязвимыми являются сообщества людей перед лицом стихийного бедствия. В этих условиях государствам следовало бы объединить свои усилия для решения общих климатических, энергетических и иных проблем. Тем не менее чужая боль и трагедия не объединяют. Интересы государств сейчас сильно разобщены. Это выражается в количестве принимаемых односторонних мер ограничительного характера. К примеру, по состоянию на 19 февраля 2023 г. принято более 14 000 антироссийских санкций, и количество их с каждым месяцем растет. Посмотрим, как отражаются все эти события и меры, на хозяйствующих субъектах, которые позволяют экономикам получить доступ к энергии, новым технологическим решениям и инвестициям, способствуя нормальному развитию международных торгово-экономических отношений в рамках Всемирной торговой организации и иных универсальных и региональных организаций и объединений на основе действия свободы договора.

Ключевые слова: свобода договора, международные поставки газа, санкционные войны, энергетические компании, публичный интерес, энергопереход.

Abstract

The tragedy that claimed a huge number of human lives in Turkey and Syria cannot go unnoticed. It shows how vulnerable communities are in the face of a natural disaster. In these circumstances, states should join their efforts to meet common climate, energy and other challenges, but, unfortunately, pain and tragedy do not unite. Their interests are strongly divided. This is evidenced by a growing number of unilateral restrictive measures. For example, as of February 19, 2023, more than 14,000 sanctions have been taken against Russia, and their number tends to grow. Let us see how all these events and measures affect corporations, that make economies gain access to energy, new technological solutions and investments, and thus make international trade and economic relations normally run within the framework of the World Trade Organization and other universal and regional organizations and unions based on the freedom of contract.

Keywords: freedom of contract, international supplies of gas, sanctions wars, energy companies, public interest, energy transition.

До начала глобального энергетического кризиса в 2021 г. основные государства-импортеры

ископаемых энергоносителей в рамках межгосударственного взаимодействия на основе функци-

онирования универсальных и региональных международных организаций и интеграционных объединений преследовали цель создания эффективной международно-правовой основы для интегрированной энергетической системы, в которой имело бы место свободное движение энергоресурсов через границы отдельных суверенных образований на условиях рыночной экономики и наиболее оптимального использования энергоресурсов из возобновляемых и невозобновляемых источников. Но этим планам не суждено было реализоваться в полной мере в связи с известными событиями, негативно отразившимися как на экспортерах, так и импортерах энергоносителей, отношения между которыми формировались десятилетиями и сопровождались взаимными гарантиями и уступками, к примеру, между Россией и Европейским союзом.

Напомним о том, что мир при рассмотрении его через призму целей Парижского соглашения об изменении климата 2015 г. – это устойчивые, низкоуглеродные и безопасные для климата экономики, эффективно функционирующие на благо настоящего и будущих поколений. Говоря об экономиках, нельзя не обратить внимание на то, что нет ни одной экономики в мире, которая существовала бы отдельно от хозяйствующих субъектов.

В нефтегазовой сфере это энергетические компании, правовое регулирование деятельности которых должно отвечать всем современным вызовам. Среди наиболее серьезных вызовов – санкции, заявленный государствами энергопереход¹ и цифровая трансформация, которые вызывают озабоченность не только у отдельных правопорядков, но и у всего международного сообщества. Основная причина состоит в ограничении доступа к передовым или прорывным технологиям, без которых освоение новых месторождений невозможно. Это основные вызовы, с которыми сталкивается глобальное энергетическое управление².

Если трансграничная торговля различными видами товаров, услуг и технологий невозможна

без развитого правового института частной собственности, закрепляемого в основных законах государств, то нормальное функционирование экономик невозможно без доступа к энергии в промышленных масштабах. Глобальная климатическая повестка³ ведет к переходу на экологически чистые источники энергии, доля которых в энергобалансах государств все еще незначительна в связи с тем, что стоимость генерации альтернативными источниками энергии (вода, солнце и ветер) пока не составляет конкуренцию невозобновляемым источникам энергии (углю, нефти и газу). В условиях снятия в отдельных регионах мира антиковидных ограничений и роста спроса на мировом энергетическом рынке, растет мировое потребление нефти и газа, в бесперебойных поставках которых заинтересованы страны-импортеры в условиях меняющейся в связи с санкциями географии поставок.

Правовую основу взаимодействия государств на мировом энергетическом рынке составляют: право ООН (Рамочная конвенция ООН об изменении климата от 9 мая 1992 г. и пр.), право Всемирной торговой организации, право различных региональных интеграционных объединений (Европейского союза, Евразийского экономического союза и пр.), многосторонние и двусторонние соглашения (в том числе в сфере защиты капиталовложений и избежания двойного налогообложения), способствующие взаимодействию энергетических компаний – поставщиков и покупателей энергоресурсов. При этом международное право Российской Федерации отличается от международного права иных государств, экспортирующих и импортирующих нефть и газ.

Разработка месторождений традиционно ведется на основе соглашений о разделе продукции, иных соглашений, обязательной стороной которых выступает государство в лице компетентных органов и организаций. У каждого месторождения своя ресурсная база, свой ресурсный потенциал и свое технологическое решение. Каждый из проектов по разработке месторождения проходит разные стадии развития (предынвестиционную, инвестиционную, проектирования, строительства, ввода в коммерческую эксплуата-

¹ См.: Рантье Г., Леливельдт Х., Крамер Г. Дж. Варианты поэтапного отказа от угольной энергетики по всей Европе // Энергетическая политика. – 2019. – Т. 132. – С. 620–632. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.05.042>

² См.: Грааф Т. де ван, Колган Дж. Глобальное энергетическое управление: Программа обзора и исследований. – URL: <https://doi.org/10.1057/palcomms.2015.47>

³ Повестка отражается на долгосрочных планах соответствующих государств и интеграционных объединений (подробнее см.: Фишер С. Новые рамки энергетической и климатической политики ЕС на 2030 год. – URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2014C55_fis.pdf)

цию, эксплуатации и прочие), сопровождающиеся различными договорами, в основе которых, несмотря на существенную публично-правовую составляющую, – свобода договора.

Формами проявления свободы договора являются:

- право выбора контрагента вне зависимости от его территориальной принадлежности;
- право определения договорной схемы и порядка взаимодействия с указанным контрагентом;
- право установления условий реализации такой схемы взаимодействия в качестве обязательных для сторон;
- право выбора применимого материального права и юрисдикции к отдельной части правоотношений либо к договорной схеме в целом;
- право внесения изменений в условия реализации такой схемы либо отказа от ее реализации при условии своевременного возмещения другой стороне всех возникающих в этой связи прямых и косвенных убытков.

Такая свобода договора является основой предсказуемых международных частноправовых отношений, в том числе в сфере трансграничной торговли нефтью и газом, реализуемой государственными и частными энергетическими, трейдинговыми и газораспределительными компаниями на основе действия применимых международно-правовых актов, актов национального права, а также актов мягкого права, нормы которых содержатся в заключенных сторонами договорах и являются обязательными для них.

В Российской Федерации, втором по величине мировом экспортере нефти и газа, отношения по поиску, разведке, добыче, разделу продукции, транспортировке, переработке, хранению, а также последующему распоряжению углеводородами осуществляется на основе соглашений о разделе продукции, правовые основы реализации которых заложены в Федеральном законе от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции».

При этом российский законодатель определяет специальный субъектный состав правоотношений по пользованию участками недр и связывает их возникновение и прекращение с действием соответствующей лицензии или соглашения о разделе продукции, что вызвано необходимостью соблюдения публично-правовых интересов российского государства. Лицензия – это право-

удостоверяющий документ, тогда как соглашение – документ, устанавливающий: 1) порядок пользования таким правом, приобретенным посредством проведения аукциона и не подлежащим передаче иным лицам; 2) условия выполнения предусмотренных соглашением работ.

При реализации таких соглашений в России инвесторы вправе на договорной основе свободно пользоваться существующими объектами трубопроводного и иных видов транспорта, объектами по хранению и переработке минерального сырья, а также создавать новые объекты.

Защита капиталовложений осуществляется посредством закрепления права собственности в отношении созданного либо приобретенного инвестором имущества и имущественных прав; обеспечения предсказуемого порядка уплаты обязательных платежей, распределения расходов и разрешения споров, а также возможности передачи иным компетентным лицам с согласия государства прав и обязанностей по данным соглашениям, коммерческие условия которых остаются неизменными в течение всего срока их реализации, что обеспечивается действием не только самих соглашений, имеющих силу закона для вступивших в них лиц, но и применимого российского законодательства.

Здесь не стоит забывать о необходимости строгого соблюдения требований российского законодательства в части обеспечения промышленной, экологической, пожарной и иной безопасности. В силу специфики отношений власти и подчинения, возникающих в этой связи, указанные нормы имеют исключительно территориальное действие в отличие от норм частного права, имеющих экстерриториальное действие. Они применяются к правоотношениям, возникшим в пределах российского правопорядка и юрисдикции.

В случае, если одни и те же энергетические и иные компании осуществляют реализацию проектов по газификации с использованием трубопроводного либо сжиженного природного газа не только в России, но и за ее пределами, к таким правоотношениям применяются нормы публичного права того государства, на территории которого подобная деятельность осуществляется.

Выбор права в данном случае неуместен и неприемлем в силу действия императивных норм применимого публичного права, нарушение которых ведет к административной либо уголовной ответственности.

Так, к примеру, 31 января 2023 г. подписано (пока не ратифицировано в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации») Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере поставок природного газа из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику по дальневосточному маршруту. По условиям данного соглашения, «...проектирование, строительство и эксплуатация трансграничного участка газопровода, а также транспортировка по нему природного газа осуществляются в соответствии с законодательством государства Стороны, на территории которого выполняются указанные работы, и заключенными двусторонними соглашениями, участниками которых являются государства Сторон, после вступления в силу Договора и подписания настоящего Соглашения».

Стороны данного соглашения согласовывают лиц, которые вправе заниматься трансграничной поставкой природного газа, а также проектированием, строительством и эксплуатацией трансграничного участка газопровода на соответствующих территориях. Это значит, что никто кроме этих лиц данной деятельностью заниматься не может. Все работы по проектированию, строительству, осуществлению контрольных мероприятий ведутся уполномоченными организациями в соответствии с применяемыми нормами публичного права государства в месте осуществления деятельности.

В Соглашении закреплён правовой режим собственности в отношении трансграничного участка газопровода на соответствующих территориях, решены вопросы пограничного, таможенного, валютного, налогового контроля за деятельностью участвующих в проекте лиц.

В случае возникновения коллизий между нормами национального права и положениями настоящего соглашения, последние будут превалировать. Данное соглашение не призвано ни унифицировать, ни гармонизировать нормы российского и китайского законодательства, оно обеспечивает достижение цели его заключения – укрепить сотрудничество государств в энергетической сфере.

При этом не случайно было указано выше, что каждый проект реализуется на основе отдельного лицензионного соглашения, предусматриваю-

щего свое технологическое решение, и, как показывает практика, лучше если оно будет отечественного происхождения.

К примеру, как это изложено в Долгосрочной программе развития производства сжиженного природного газа в Российской Федерации, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2021 г. № 640-р, «современные комплексы по производству сжиженного природного газа являются высокотехнологичными производствами». Ключевыми заказчиками выступают ПАО «Газпром», ПАО «Новатэк». Проекты реализуются на основе технологических решений Linde AG (Германия), Air Liquide (Франция), Shell (Нидерланды), что подразумевает использование иностранного лицензионного оборудования, доступ к которому сейчас существенно ограничен.

Все это соответствующим образом отражается на особенностях реализации свободы договора при осуществлении указанной деятельности в пределах отечественного правопорядка и юрисдикции (см. статей 9, 11, 16, 17.1, 22 Закона Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» и статей 2, 4, 7 Федерального закона от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции»).

Обращаем внимание на то, что, признавая особую роль и место норм международного права в системе российского права, все указанные выше нормы в случае противоречия заключенным Российской Федерацией и вступившим в силу международно-правовым актам Российской Федерации подлежат приведению в соответствие с ними, если такие нормы международного права в своем истолковании не противоречат основному закону – Конституции Российской Федерации (см. статьи 7 и 24 Федерального закона¹).

Далее следует отметить, что газ² наряду с нефтью относится к основным энергетическим

¹ См.: Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции».

² О роли газа подробно изложено в работах отечественных и зарубежных исследователей не только в свете глобального энергетического управления и энергоперехода, или процессов, реализация которых невозможна без газа, но и при рассмотрении через призму обеспечения набора социальных прав и гарантий, обеспечиваемых устранением энергетической бедности (см., к примеру: Лиен Т. Роль газа в энергетической политике ЕС должна быть признана. – URL: <https://www.euractiv.com/section/energy/opinion/role-of-gas-in-eu-energy-policy-must-be-recognised/>).

товарам, экспортируемым Российской Федерацией. Основы государственного регулирования деятельности энергетических компаний по транспортировке на внешние рынки российского газа в газообразном или сжиженном состоянии закреплены в отдельном нормативно-правовом акте – Федеральном законе от 18 июля 2006 г. № 117-ФЗ «Об экспорте газа». Для данного вида деятельности российский законодатель предусмотрел исключительный субъектный состав правоотношений. Трубопроводными поставками газа за рубеж вправе заниматься только собственник единой системы газоснабжения либо его дочернее общество, тогда как поставщиками сжиженного природного газа могут быть исключительно подконтрольные государству юридические лица, отвечающие требованиям российского законодательства (ПАО «Газпром», ПАО «Новатэк»).

Определение основ государственного регулирования подобной деятельности вызвано необходимостью защиты экономических и топливно-энергетических интересов России, а также исполнения международно-правовых обязательств по обеспечению достаточности и надежности энергоснабжения. Нельзя забывать при этом и о глобальной климатической повестке. На уровне корпораций последний вопрос решается через присоединение к глобальному договору ООН. В этой связи известная доля ограничений сферы действия свободы договора совершенно оправданна. Тем не менее указанная свобода претерпевает существенные ограничения в следующих условиях:

1) отдельные энергетические компании отказываются от краткосрочной торговли и спотовых контрактов в пользу долгосрочного взаимодействия в целях обеспечения энергетической безопасности, составляющей неотъемлемую часть национального суверенитета любого государства, развитие экономики которого зависит от импорта углеводородов;

2) долгосрочные контракты на поставку сжиженного природного газа противоречат целям защиты климата, заявленным государствами либо их интеграционными объединениями в рамках действия Парижского соглашения об изменении климата 2015 г.;

3) при реализации крупных проектов крупные энергетические компании переориентируются на использование зеленого водорода, производимого ветровыми электростанциями, в рамках климатической повестки;

4) в условиях запретов и ограничений на импорт энергоресурсов, добываемых или перерабатываемых в России, устанавливаемых коллективным Западом, возникает необходимость в создании новой системы торговли такими энергоресурсами;

5) рынок морских перевозок претерпевает существенные негативные последствия применения антироссийских санкций, ведущие к развитию теневого флота;

6) меняются место и роль российских энергоресурсов в энергобалансах отдельных государств, что сопровождается переориентацией поставок с Запада на Восток;

7) объем инвестиций в нефтегазовую отрасль в 2022 г. существенно ниже предпандемийных показателей, что увеличивает риск глобальной энергетической безопасности в 2025 г.;

8) отсутствует эффективное регулирование энергоперехода и введения ESG-стандартов;

9) имеет место смещение вектора от климатической повестки и стандартов ESG в пользу необходимости обеспечения энергетической и продовольственной безопасности на уровне отдельных правовых порядков;

10) отсутствует понимание об объеме потребления нефти и газа на долгосрочную перспективу;

11) механизмы достижения углеродной нейтральности известны, но недоступны.

В условиях санкций, когда приняты отдельными государствами и применяются в отношении подчиненных им физических и юридических лиц ограничения на взаимодействие с подпадающими под санкции хозяйствующими субъектами, свобода договора нереализуема. Однако, если в заданные условия внести изменения, связанные с исключительно территориальным действием любых односторонних мер давления, применяемых в рамках отдельных правовых порядков, то свобода договора возможна и реализуема, так как это предусмотрено частным правом, а также актами международного права, призванными стимулировать развитие предсказуемых внешнеэкономических отношений. Это значит, что при прочих равных создание юридического лица в правовом порядке, не подпадающем под санкции, является основанием для дальнейшего взаимодействия на предсказуемых для сторон условиях. Это не решение вопроса, но один из вариантов, которые могут быть реализованы.

Следовательно, при ответе на вопрос, можно ли обойти санкции, имеются два, казалось бы, взаимоисключающих варианта ответа, ни один из которых нельзя недооценивать:

1. Нет, когда нормы публичного права обойти невозможно, особенно в условиях введения уголовной ответственности за нарушение банковскими, финансовыми, страховыми, технологическими и иными организациями Европейского союза и Соединенных Штатов Америки порядка взаимодействия с энергетическими компаниями Российской Федерации. Реализация проектов, основанных на иностранных технологических решениях, невозможна, так как отсутствует доступ к лицензионному оборудованию, необходимому для исполнения технологических решений.

2. Да, так как создание юридических лиц на территориях иностранных правопорядков, дружественных по отношению к применяющим санкции, не является препятствием для осуществления такого рода деятельности. Принимая во внимание то, что инвестиции – долгосрочные вложения, а санкции – краткосрочные и крайне недуманные меры, в течение ближайшего года или двух в условиях усугубившегося глобального энергетического кризиса стоит ожидать повсеместного отказа от их применения. За это время новые зарубежные либо отечественные технологические решения могут быть апробированы в иностранных правопорядках и в дальнейшем использованы в отечественном на благо российской экономики. Более того, подчинение сделок по поставке газа торговым и иным площадкам в правопорядках и юрисдикциях, не подпадающих под действие санкций, также позволяет решить данную проблему.

Итак, санкции самым негативным образом отражаются на международно-правовом регулировании энергетического управления. Это искусственно созданные барьеры на пути трансграничного движения энергоресурсов, основанного на свободе договора. Они идут вразрез с самой идеей верховенства права, лежащей в основе любого правового государства и интеграционного объединения. Их можно и нужно устранять на основе функционирования универсальных и региональных международных организаций и интеграционных объединений. В противном случае возникает вопрос, каково же место норм международного права в правовых системах? Каково место права, которое посредством унификации (на основе действия международного права) или

гармонизация права (на основе норм национального права) призвано решать вопрос фрагментированности энергетического управления? Ответ на него уже дан в основных законах государств. (К примеру, по энергетическому управлению в Европе, где единый энергетический рынок еще не сформирован, имеется исследование¹ этой сферы.)

Итак, односторонние меры ограничительного характера самым негативным образом отражаются на мировом энергетическом рынке, вызывая рост цен на энергоресурсы и приводя к энергетической бедности. Санкционные войны и глобальная энергетическая повестка в изложении коллективного Запада негативным образом отражаются на развитии соответствующих отраслей топливно-энергетического комплекса, препятствуя движению инвестиций в них для цели стабильного и предсказуемого развития на перспективу. Это несмотря на то, что в России, как и в государствах Ближнего Востока и Северной Африки, продукция данных отраслей характеризуется низкоуглеродным следом. И все же низкоуглеродный след – не столько цель (или средство) на пути достижения углеродной нейтральности, заявленной отдельными государствами на основе действия Парижского соглашения об изменении климата 2015 г., сколько один из методов борьбы с гегемонией нефтедобывающих и газодобывающих стран. В таких условиях свобода договора, позволяющая международной торговле нормально развиваться, и далее будет претерпевать существенные ограничения, пока государства не вернуться к идеалам свободной рыночной торговли.

Однако сейчас, возможно, наиболее благоприятное время для переосмысления идеи создания энергосистем будущего, основанных на искусственном интеллекте и иных передовых и прорывных технологиях, когда стоит уделить особое внимание роли и месту права в нормировании отношений, возникающих в связи с их функционированием. Надо понимать, для чего эти энергосистемы создаются и какую цель должны преследовать, иными словами, каково место человека во всем этом?

¹ См.: Кнодт М., Каммерцелл Дж. Справочник по управлению энергетикой в Европе // Springer. – 2022. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-43250-8_17

Все эти вопросы должны рассматриваться через призму международно-правового и национально-правового регулирования. Если цель создания таких энергосистем будущего не состоит в том, чтобы сделать жизнь человека более комфортной и простой, то никакие аргументы в обоснование высокой стоимости заявленных энергоперехода и цифровой трансформации не

станут действенными. Подобные затраты могут не окупиться, а то, что будет создано (новые бизнес-модели в сфере энергетики, основанные на искусственном интеллекте), может выйти за пределы правового регулирования (что абсолютно недопустимо) и привести к еще большей энергетической бедности.

Список литературы

1. Грааф Т. де ван, Колган Дж. Глобальное энергетическое управление: программа обзора и исследований. – URL: <https://doi.org/10.1057/palcomms.2015.47>
2. Кнодт М., Каммерцелл Дж. Справочник по управлению энергетикой в Европе // Springer. – 2022. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-43250-8_17
3. Лиен Т. Роль газа в энергетической политике ЕС должна быть признана. – URL: <https://www.euractiv.com/section/energy/opinion/role-of-gas-in-eu-energy-policy-must-be-recognised/>
4. Рантье Г., Леливельдт Х., Крамер Г. Дж. Варианты поэтапного отказа от угольной энергетики по всей Европе // Энергетическая политика. – 2019. – Т. 132. – С. 620–632. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.05.042>
5. Фишер С. Новые рамки энергетической и климатической политики ЕС на 2030 год. – URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2014C55_fis.pdf

Требования к публикациям

1. Статья должна обладать определенной новизной, представлять интерес для широкого круга читателей журнала, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к научным публикациям.
2. Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях. Оригинальность текста должна быть более 80%.
3. Статья представляется в редакцию в электронном и распечатанном виде в формате Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, размер шрифта – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5 строки.
Поля: левое – 2,5 см; правое – 1,5 см; верхнее – 2 см; нижнее – 2 см.
Материал статьи, представленный на бумажном носителе, должен соответствовать материалу статьи, представленному в электронном виде. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант статьи.
4. Материал для публикации в электронном виде должен содержать 3 файла:
 - 1-й файл: текст статьи на русском языке со следующей структурой:
 - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
 - б) заглавие статьи;
 - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
 - предмет исследования;
 - метод или методологию исследования;
 - научную новизну и выводы;
 - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
 - д) текст литературы в конце статьи в алфавитном порядке по фамилиям авторов;
 - 2-й файл: текст на английском языке со следующей структурой:
 - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
 - б) заглавие статьи;
 - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
 - предмет исследования;
 - метод или методологию исследования;
 - научную новизну и выводы;
 - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
 - 3-й файл: сведения об авторе по следующей форме на русском и на английском языке: фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; занимаемая должность; телефон; почтовый адрес; электронный адрес.
5. Объем текста статьи должен составлять не менее 12 страниц, включая таблицы, графический материал, аннотацию и список литературы.
6. Статья должна содержать библиографию (список литературы (других источников), используемой в статье), минимальное количество источников – не менее 5. При добавлении списка использованной литературы необходимо соблюдать правила действующих стандартов.
 - 6.1. В качестве источников, на которые автор ссылается в статье, следует использовать следующие:
 - статьи из периодических изданий;
 - статьи из продолжающегося издания (сборника трудов);
 - материалы конференций;
 - монографии.
 - 6.2. Все источники в списке литературы необходимо группировать по алфавиту фамилий авторов или первых слов заглавий документов.
7. На все нормативно-правовые акты следует ссылаться путем их упоминания в тексте статьи с указанием полного названия и даты утверждения без использования постраничных сносок. В статье допускается использование только внутритекстовых ссылок на источники. Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках порядкового

номера упоминаемого источника из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого источника [3. – С. 5].

8. В бумажном варианте статьи должна присутствовать сквозная нумерация страниц.

9. Таблицы в тексте статьи должны иметь заголовки; на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.

10. Иллюстрации должны иметь порядковый номер и название. При написании формул, схем, построении графиков, диаграмм, блок-схем не допускается размер шрифта менее 8.

11. Размер графиков, диаграмм, рисунков не должен превышать по вертикали 21 см, по горизонтали – 13,5 см.

12. Представленные статьи направляются по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемого вопроса на рецензию экспертам-ученым и специалистам университета в данной области. Статьи, принятые к публикации, но нуждающиеся в доработке, направляются для внесения необходимых исправлений. После доработки статьи повторно рецензируются, после чего редакционная коллегия принимает решение о возможности публикации.

Не рецензируются научные доклады, заслушанные на съездах, конгрессах, конференциях; информационные сообщения и объявления.